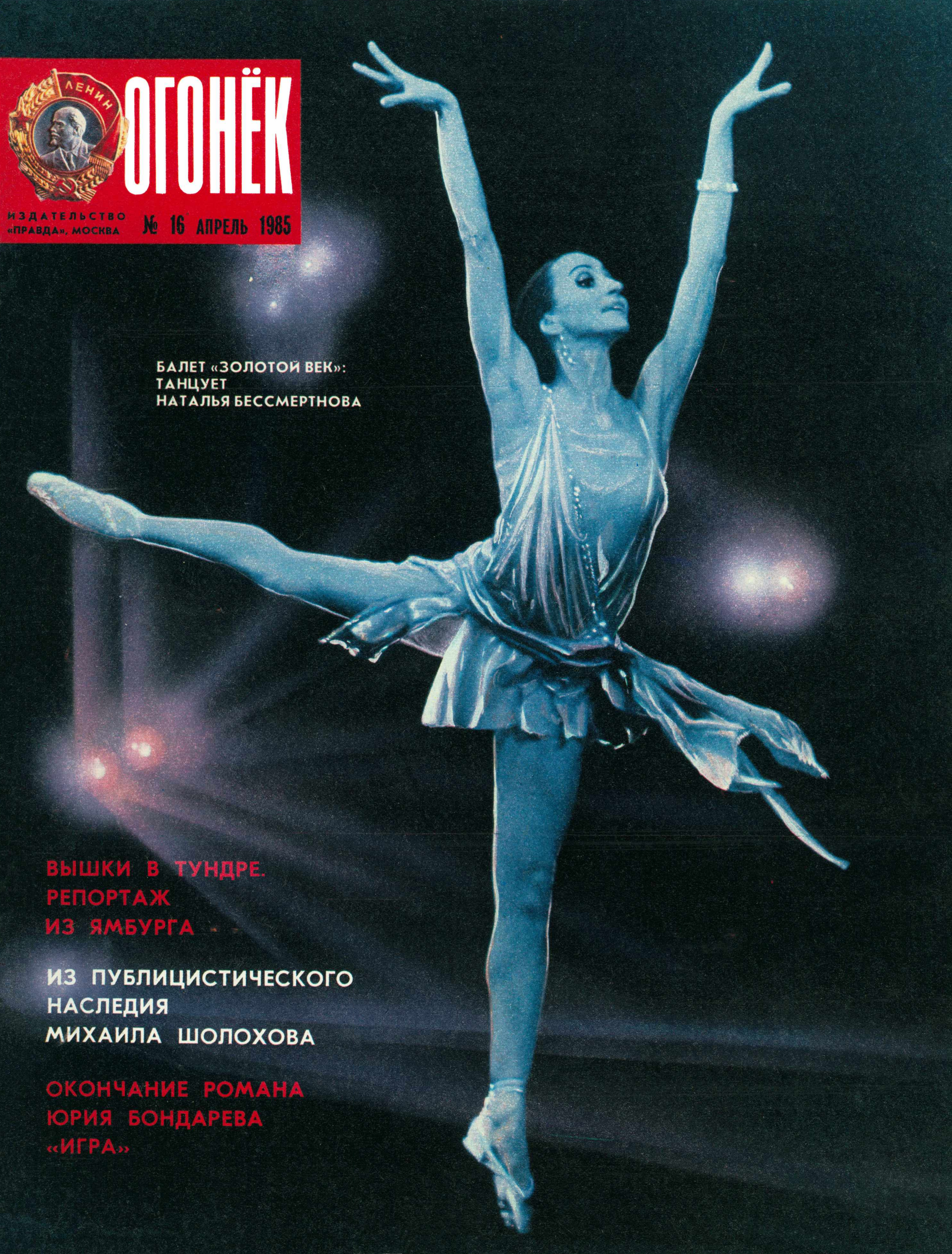
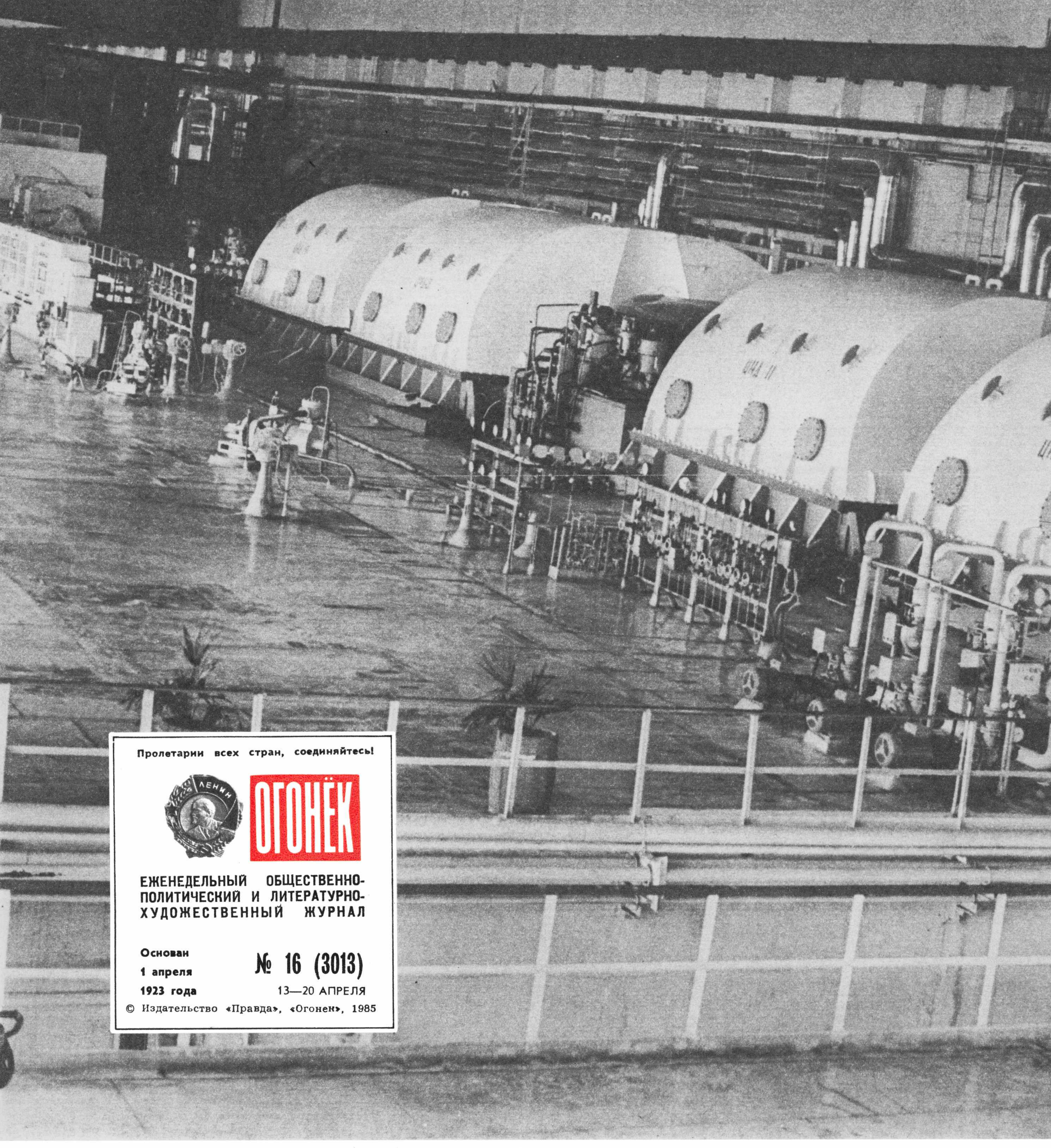

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 16 АПРЕЛЬ 1985
БАЛЕТ «ЗОЛОТОЙ ВЕК»: ТАНЦУЕТ НАТАЛЬЯ БЕССМЕРТНОВА
ВЫШКИ В ТУНДРЕ. РЕПОРТАЖ ИЗ ЯМБУРГА
ИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МИХАИЛА ШОЛОХОВА
ОКОНЧАНИЕ РОМАНА ЮРИЯ БОНДАРЕВА «ИГРА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (3013)

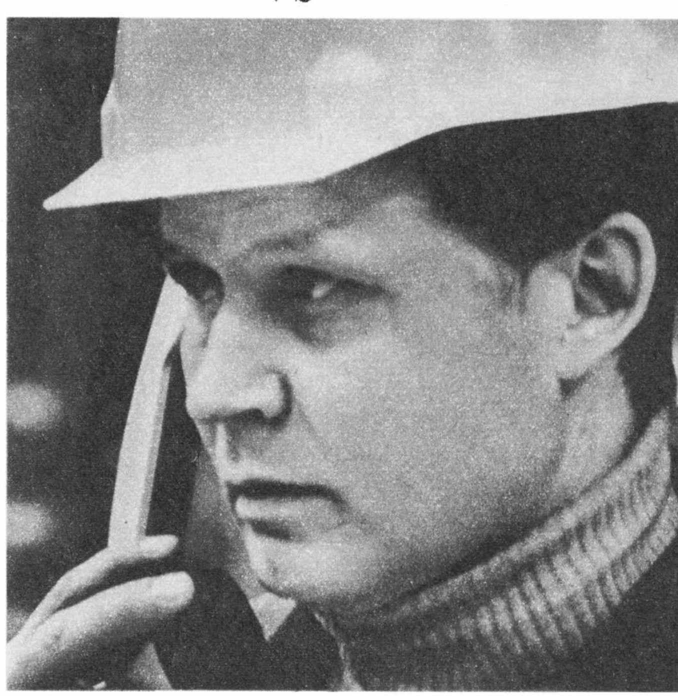
13—20 АПРЕЛЯ

Турбинный цех станции.

Алексей МАСЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

НА ЗЕМЛЕ

Навстречу XXVII съезду КПСС

Директор Смоленской АЭС Ю. П. Сараев.

Места здесь действительно живописные: светлые леса, мшаники, много воды — наши, милые сердцу российские дали... Поселок энергостроителей стоит в березовых рощицах прямо на берегу реки. Он и назван ее красивым именем — Десногорском. Сама АЭС отделена от него незамерзающим, всегда прикрытым легким туманом водохранилищем. Ни на одной атомной станции до сих пор я не бывал. Наверное, поэтому Смоленская атомная поразила своей монументальностью, чистотой и сложнейшим современным оборудованием.

Трудно идти в ногу со временем, сохраняя на физиономии полную невозмутимость, хотя это и модно. Но, встречая людей с такой способностью, обычно убеждаешься: дело тут не в моде, просто у них на табло эмоций, увы, одни нули.

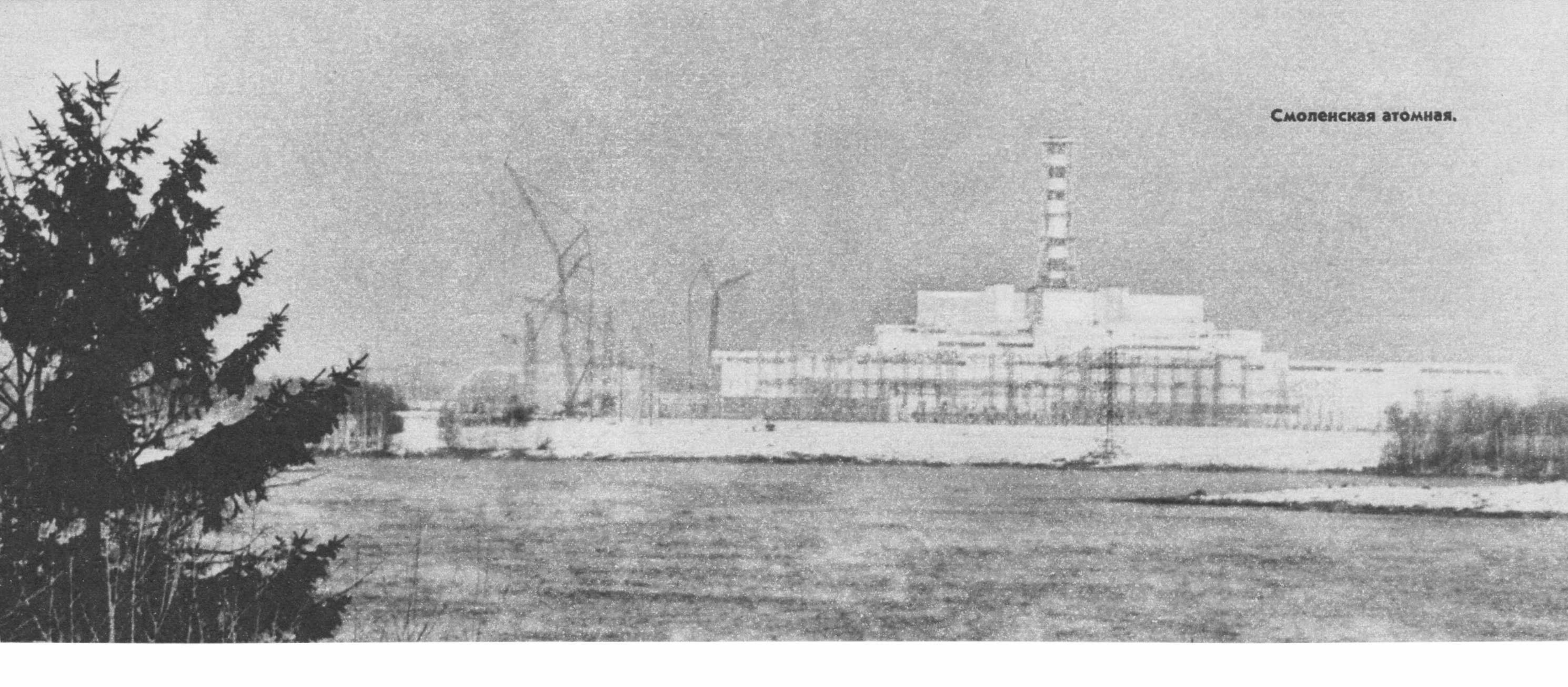
Я приехал скорее всего не вовремя: на станции шла подготовка к пуску второго энергоблока. Предстоящее событие готовило множество людей: строители, специалисты двадцати двух организаций, эксплуатационники, представители министерств,— но никакого аврала, привычного в подобной ситуации, я не увидел, работа на станции шла своим чередом.

Не буду вдаваться в описательство и рассказывать, что и как здесь работает, какой мощности оборудование, что сколько дает и что потребляет. Приведу одну только фразу Георгия Николаевича Тюрина, начальника смены турбинного цеха: «Чтобы представить сложность схемы компоновки оборудования только одного турбинного цеха, могу сказать, что любой из многочисленных блоков, на которых она смонтирована, состоит из такого количества элементов теплотехнического оборудования, что схема телевизора в сравнении с ним будет выглядеть так, как в сравнении с самим телевизором выглядит детекторный приемник...»

* * *

Каждый из нас выходит в жизнь со своей взлетной полосы. У иных жизнь начинается с

СМОЛЕНСКОЙ

Смоленская атомная.

красивого разбега, но им же и заканчивается. У Юрия Парфентьевича Сараева, директора Смоленской АЭС, вся жизнь — вертикальный взлет. Ему сорок восемь лет. У него голубые, порой удивительно василькового цвета глаза, взгляд проницателен и спокоен. Слово — кратко, точно, категорично, но интонация неизменно доброжелательная. Твердость, жизненный опыт, эрудиция в разговоре с ним ощутимы сразу, но общение, пусть непродолжительное, наводит на мысль, что суть его в чем-то другом. И вот что интересно: с кем бы мне здесь ни пришлось разговаривать, чаще с людьми молодыми (средний возраст десногорца — 28 лет), думающими, увлеченными своим делом, каждый из них отношением ли к работе, чертой ли характера был схож в чем-то со своим директором. Пытаясь понять Сараева, я невольно подхожу к выводу: он образ собирательный. В нем, в его судьбе, как в кристалле, отражены все этапы нашей жизни, начиная с послевоенной разрухи вплоть до сегодняшнего дня. И в этом — его судьба и, наверное, его суть.

Он родился и вырос в таежном селе Улятуй. В восемнадцать, после окончания Читинского горного техникума, уже работая начальником смены, давал стране свой уголь. Молодость — понятие растяжимое, но когда, обремененный семьей, в свои шахтерские 24 года он сдает экзамены и поступает в Томский политехнический по специальности «проектирование и эксплуатация атомных установок», здесь, как говорят, «извините, я снимаю шляпу». Институт он оканчивает за четыре года и распределяется на только что принятую в эксплуатацию Белоярскую АЭС. Здесь он начал с должности машиниста турбины... Экзамены... Его переводят на должность техника блочного щита... Экзамены... Он — оператор реакторного отделения... Экзамены...

Решением министра он был переведен в должность главного инженера на утвержденную к строительству Смоленскую АЭС.

— Как выглядело это место, когда вы сюда приехали?— спросил я его.

— Десять лет назад здесь было поле люпина, а неподалеку стояло семь избенок и магазин — хутор Антоновский.

— В то время вы представляли себе, как будет выглядеть эта вот атомная станция, водохранилище, этот город?— спросил я.

— Да, конечно, представлял,— отвечал Сараев.

— Какой будет Смоленская АЭС?

— То, что вы видели,— это первая очередь. Всего их будет три. Каждая из них рассчитана на два энергоблока. Суммарная мощность станции будет составлять около шести миллионов киловатт.

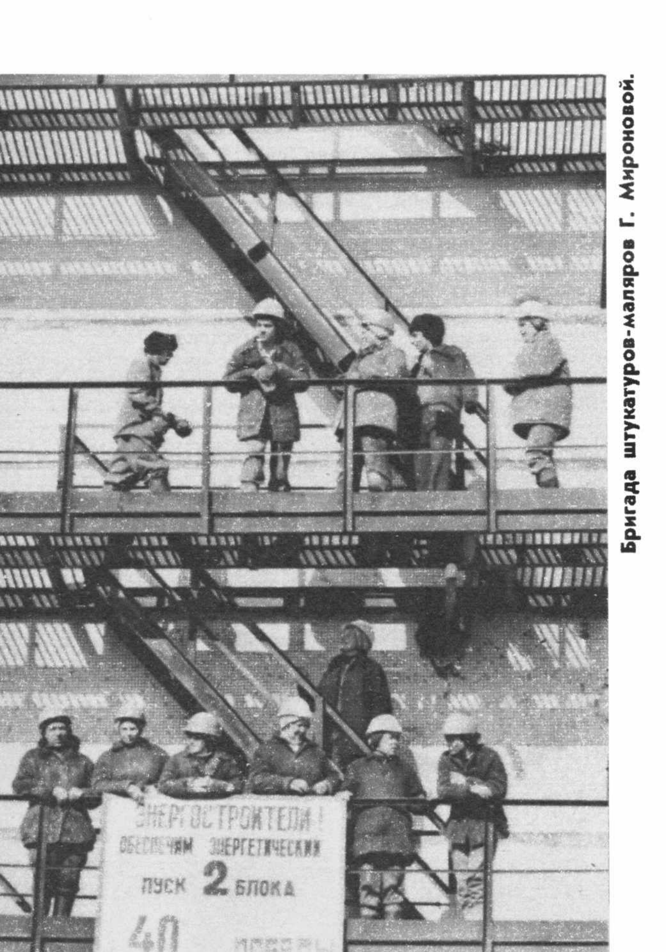
— Что значит для экономики страны ввод в эксплуатацию одного блока?

— Пуск блока дает возможность высвободить из теплового баланса страны два с половиной миллиона тонн нефти. Например, наша область и Смоленск требуют половину такого количества.

* * *

Строители — это особый народ, и разговор о них — тема других замет. Здесь я оставлю только слова, сказанные мне на прощание начальником управления строительства Смоленской АЭС Борисом Михайловичем Ревой: «...Через несколько лет Десногорск будет отличный, благоустроенный город. Я вижу его красивые набережные и пирс прекрасного яхт-клуба. Знаю, что прилавки магазинов заполнят овощи и цветы из наших парников и теплиц. Будет стадион, Дворец спорта... и, конечно, все три очереди АЭС будут в строю. Вижу соседние совхозы, по уровню культуры не отстающие от нашего века... Приезжайте летом. Места у нас здесь красивые».

День отъезда выдался погожим, и, когда мы проехали плотину, я попросил водителя притормозить. Проваливаясь в снег, добрался до места, где голые ветви не закрывали объектив фотокамеры... «Какой же я увижу тебя?— подумал я, глядя сквозь телевик на бледную громаду АЭС, миражем парящей над пахнущей весной смоленской землей.— Узнаю ли, когда ты станешь в три раза больше?»

Бригада штукатуров-маляров Г. Мироновой.

Лауреат премии Ленинского комсомола, бригадир плотников-бетонщиков Г. Абраамян.

10 апреля. Москва. Большой Кремлевский дворец. Объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций СССР.

Фото А. Гостева

ПОДВИГ НАРОДА БЕССМЕРТЕН

10 апреля в Москве состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций СССР, посвященный 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей М. С. Горбачева, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, В. М. Чебрикова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

Пленум открыл первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков.

На пленуме шел плодотворный, глубоко заинтересованный разговор о достижениях многонациональной советской культуры в преддверии всенародного праздника 40-летия Великой Победы.

Участники объединенного пленума с большим подъемом направили приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

ПЕРВАЯ ВАХТА УДАРНОГО ОТРЯДА

Четыреста бойцов сформированного Ленинским комсомолом Всесоюзного ударного отряда имени 40-летия Победы — посланцев союзных республик,— перед тем как разъехаться на важнейшие стройки страны, уложили первый бетон на строительстве мемориала Победы в Москве, на Поклонной горе.

Фото Владислава ПАРАДНИ

Открытие конференции. Фото А. Награльяна

В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ

Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии полон. Здесь состоялось открытие научной конференции, посвященной 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В зале — крупные военачальники, ученые, общественные деятели нашей страны, делегаты из социалистических стран. На конференцию приехали также ученые и общественные деятели из Великобритании, Франции, США, Финляндии, Австрии, Индии, Греции, ФРГ.

Минутой молчания почтили собравшиеся павших за свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне, павших в борьбе с фашизмом.

Конференцию открыл президент Академии наук СССР академик А. П. Александров.

Секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин огласил приветствие ЦК КПСС участникам конференции, которое было встречено бурными, продолжительными аплодисментами.

С докладом о всемирно-историческом значении Победы советского народа, борьбе за сохранение мира и безопасности народов выступил главный редактор газеты «Правда» академик В. Г. Афанасьев. Решающей роли Вооруженных Сил СССР в разгроме фашистской Германии посвятил свое выступление первый заместитель министра обороны СССР, Маршал Советского Союза В. И. Петров; работе тыла — начальник ЦСУ СССР доктор экономических наук, профессор Л. М. Володарский. Академик А. Г. Егоров, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, выступил с докладом «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор Победы советского народа в Великой Отечественной войне».

НА ЭКРАНЕ — ИМРЕ КАЛЬМАН

В Советском Союзе с успехом проходили Дни венгерской культуры, посвященные 40-летию освобождения страны от фашизма. На неделе фильмов братской страны демонстрировалась лента «Король оперетты» — первая большая совместная работа кинематографистов СССР и ВНР. О том, как создавался этот фильм, мы беседовали с автором сценария писателем Юрием НАГИБИНЫМ.

— Юрий Маркович, когда речь заходит об Имре Кальмане, всегда вспоминается его самая популярная оперетта «Сильва»...

— У меня с ней связаны особые воспоминания. В трагические дни ленинградской блокады на сцене чудом уцелевшего Театра музыкальной комедии с успехом шла «Сильва» как символ жизненного духа ленинградцев, их стойкости и мужества. В те годы я работал фронтовым корреспондентом и написал о премьере.

— Вас привлекают образы людей искусства с загадочной судьбой. Удалось ли в фильме приоткрыть «занавес таинственности» над личностью композитора?

— Это я попытался сделать в повести «Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана». Повесть легла в основу сценария совместного фильма. Многим ли, к примеру, известно, что Кальман — наш современник? А ведь умер он сравнительно недавно, в 1953 году. При жизни композитора воспринимали с той же легкостью, какая заключена в его произведениях, никого всерьез не интересовала трагическая судьба человека. Гитлер предлагал ему звание «почетного арийца». Кальман, многим рискуя, отказался и вынужден был покинуть родину.

В феврале 1945 года в освобожденной столице Венгрии ее жители смотрели в кинотеатрах советскую комедию «Сильва».

— Кто участвовал в создании фильма «Король оперетты»?

— Постановщик — известный в Венгрии режиссер Дьердь Палашти. В роли Имре Кальмана — актер Театра имени Мадача Петер Хусти. Арии из оперетт звучат в исполнении советских, венгерских и австрийских певцов.

Вел интервью В. КОВАЛЕВ.

Венгерский актер Петер Хусти в роли Имре Кальмана.

Юрий ЖУКОВ

●

Держу пари: понять это трудно. В каком-то училище идет какой-то урок. Преподаватель в летном военном комбинезоне, стоящий у кафедры, на которой изображена большая красная звезда, под висящим на стене советским государственным флагом экзаменует молодого человека в таком же комбинезоне, вызванного к доске. Его сверстники внимательно слушают. Слева на стене зачем-то развешаны значки опять-таки с красными звездами...

На советское военное училище все это не похоже. Так что же такое рекомендуется вниманию читателя? В заголовках, разверстанных над сей огромной цветной фотографией, занявшей две страницы парижского журнала «Фигаро-магазин», и претендующего на сенсационность, сказано: **«В штате Невада я провел время в таинственной эскадрилье «Водка» на ее сверхсекретной базе. ЭТИ СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИКИ — АМЕРИКАНЦЫ».**

Вот так! А подпись под фотографией гласит: **«Знать врага.** Академическое обучение в большом зале брифингов. Полковник Хирон, который командует 64-й эскадрильей, именуемой «Агрессоры», экзаменует одного из своих пилотов. В программе марксистско-ленинская философия и коммунистическая идеология».

Я не думаю, разумеется, что этот полковник и его воспитанники, принадлежащие к элите американских военно-воздушных сил, понимают что-либо в марксизме-ленинизме и интересуются коммунистической идеологией. А вот наукой о том, как убивать коммунистов, они занимаются всерьез — об этом достаточно подробно рассказал в своем обстоятельном репортаже специальный корреспондент ультраконсервативного и на сто процентов проамериканского журнала «Фигаро-магазин» Жан-Пакс Мефре. Сей репортер был допущен на базу в Неваде с особого разрешения высшего военного командования США.

Сведения о том, что в системе американских ВВС созданы секретные учебные эскадрильи под названием «Агрессоры», вооруженные самолетами, весьма отдаленно напоминающими советские, проникали в американскую и зарубежную прессу и ранее. Предназначение этих эскадрилий двойное: во-первых, воспитывать пилотов в духе звериной ненависти к советским людям, а во-вторых, отрабатывать приемы воздушного боя, которые, как представляется командованию американских ВВС, применяются нашими истребителями.

Эскадрильи «Агрессоры» действуют не только на территории США. По сообщениям, просочившимся в американскую прессу, одна из них, к примеру, базируется в Великобритании на английской базе Алконбери в 65 милях к северу от Лондона: там американские инструкторы обучают пилотов стран — членов НАТО. Другая находится на Филиппинах, на авиабазе Кларк-филд.

Фоторепортеру Ж. П. Лаффану из агентства Сигма, сопровождавшему французского корреспондента из «Фигаро-магазин», была предоставлена возможность сделать немалое количество фотоснимков, которыми обильно иллюстрирован репортаж Мефре. На одном из них изображен с улыбкой до ушей приготовившийся к учебному полету летчик в боевом обмундировании, позирующий под огромным знаком все с той же красной звездой и крупной надписью «Агрессоры». А подпись гласит: **«В шкуре агрессора.** Один из знаменитых пилотов «советских» эскадрилий, созданных военно-воздушными силами США. Их средний возраст двадцать восемь лет. На протяжении 36 месяцев американские летчики живут «по-русски» (?!).

Вот как выглядит эта «жизнь по-русски» в описании французского журналиста — заранее оговариваюсь, что приведу подробные цитаты из его репортажа, так как советский читатель, находящийся в здравом уме, может просто не поверить тому, как дрессируют антисоветчики из американских штабов своих солдат и офицеров, держа их в постоянном напряжении.

«Вдруг — тревога! — пишет Мефре.— На гигантском экране, находящемся перед нами,— пять светящихся точек приближаются к квадрату, обозначающему запретную зону.

— Сейчас база будет атакована,— шепчет мой спутник. Он одет в летный комбинезон. На правом рукаве вышит знак, обозначающий его принадлежность к 64-й эскадрилье «Istrebitelnaya aperatsiya» (те, кто придумывал этот маскарад, явно хотели блеснуть своим знанием русского языка.— Ю. Ж.). Его мне представили в холле их штабквартиры, где висит написанный по-русски лозунг «Вперед, к победе коммунизма». Там же изображены профиль Ленина и красная звезда...

Молчание становится тягостным,— продолжает Мефре.— В бункере освещение приглушено. Висящие на стенах огромный советский флаг и плакаты Красной Армии (?) как бы напоминают об ответственности всех, кто готовит операцию. Вдруг из крошечных громкоговорителей раздаются голоса, в которых звучит металл. На экране вспыхивает новая точка.

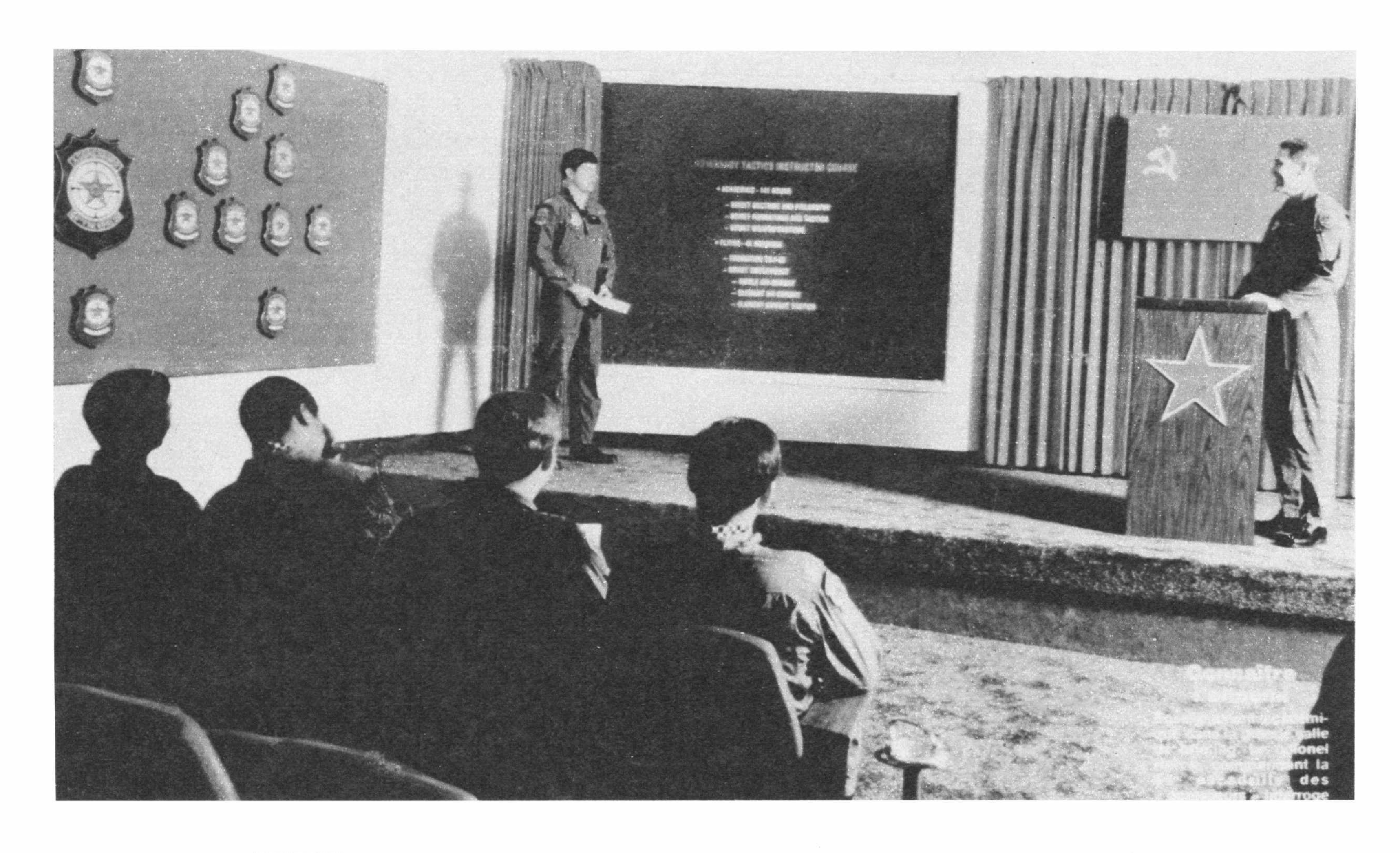
— Наши! — уточняет офицер.

Это «миги»...»

Тут я должен на минутку прервать напуганного французского репортера: никаких «мигов» там, разумеется, нет и быть не может. В качестве суррогатов эти эскадрильи, в деятельности которых главную роль, по сути дела, играет не военная подготовка летчиков, а их дрессировка в духе ненависти и пренебрежения ко всему советскому, используют устарелые американские истребители «Ф-5», которые, разумеется, не идут ни в какое сравнение с современными советскими самолетами.

Но вернемся к недостойному спектаклю, который разыгрывается американской эскадрильей, именуемой «Агрессоры». Вот что повествует о нем специальный корреспондент журнала «Фигаро-магазин»:

«...Это «миги». Они пытаются перехватить американские самолеты, которые примерно в ста километрах от этого центра контроля имитируют атаку на стратегические объекты некоего города в Восточной Германии (!). На земле открывают огонь русские (?) зенитные орудия и ракеты. Мы наблюдаем за ходом боя. Поразительно! Мы присутствуем при величайшей (ой ли? — Ю. Ж.) военной игре запад-

Догадайтесь: что изображено на этом снимке?

ного мира, происходящей в «Неллис рендж комплексе» — секретнейшей базе американских военно-воздушных сил, по размерам она равна Швейцарии. Находится эта база к северу от Лас-Вегаса, в пустыне Невада. Именно здесь американская авиация совершенствует свои методы борьбы «против врага номер один (!), ясно обозначенного: СССР...»

«Военные игры», которыми позволили восхищаться гостю из Парижа, не столь глупы и нелепы, как это может показаться на первый взгляд. Эскадрильи «Агрессоры» были созданы, как рассказал Мефре принимавший его полковник Хирон, еще в 1972 году, когда американское командование начало извлекать уроки из своих постыдных поражений во Вьетнаме. Этот полковник, кстати, побывавший сам в том «аду», сказал:

— Потери, понесенные во Вьетнаме, были слишком велики. Это был провал американских ВВС — наши летчики были недостаточно обучены и плохо знали самолеты врага и его приемы борьбы. Надо было пересмотреть методы обучения наших пилотов и в особенности дать им возможность реально представить себе противника...

С этой целью и были созданы особые эскадрильи, вооруженные самолетами, напоминающими своим силуэтом советские. Пилоты, летающие на этих самолетах, должны владеть и американскими и советскими тактическими приемами. Это отборные летчики. Однако,— сказал полковник,— после прибытия к нам они должны на три года забыть все то, чему они научились в военной авиации США. Им необходимо усвоить поведение русского пилота, жить, как живет он, читать ту же литературу, какую он читает, полностью войти в его натуру. «Агрессоры» получают пятьсот часов тактической подготовки, включая овладение советской аппаратурой и вооружением. Они должны налетать тысячу часов, участвуя в воздушных боях «по-русски», и осуществить сорок одну деликатную (!) миссию...

Ну, что касается существа этих «деликатных миссий», то полковник предпочел о них не распространяться. Корреспондент лишь робко спросил:

— Во время войны?

— Ну, это другая история,— ответил уклончиво воспитатель «Агрессоров».

«Он предоставил полную свободу для любых предположений — от самых логичных до самых удивительных»,— заметил по этому поводу корреспондент.

— Любые удары дозволены,— сказал Мефре один из пилотов, к которому он попытался обратиться за уточнениями, что же представляют собой «деликатные миссии» в мирное время.

В заключение этого визита корреспонденту позволили пройтись по казармам базы. Свои впечатления от этой прогулки Мефре сформулировал так:

— Атмосфера советизирована (!) максимально. Экипажи эскадрильи живут в длинных зданиях без окон. Стены повсюду увешаны флагами разных коммунистических стран. Повсюду неизбежные серп и молот. Можно даже заказывать водку и приобретать русские папиросы из обрезков соломы, которую русские именуют табаком. Вокруг карты СССР, помещенной на фоне красного флага, размещены фотографии пилотов эскадрильи «Агрессоры».

А оканчивается этот репортаж несколько неожиданно после бесчисленных комплиментов тем, кто принимал этого французского корреспондента:

«Не хватает среди этих фотографий лишь нескольких. Тех, на которых были бы изображены пилоты, погибшие в ходе этих весьма рискованных маневров. За двенадцать лет существования эскадрильи «Водка» они потеряли двадцать (!) летчиков. Последнего из них звали Бонд. Это был генерал Роберт Бонд. Его самолет разбился здесь во время очередной «военной игры» в апреле прошлого года».

Вот какие порядки существуют на этой «сверхсекретной военно-воздушной базе» в пустыне Невада. Мне остается добавить, что точно так же организована провокационная деятельность американских эскадрилий «Агрессоры», действующих на территории Филиппин и Великобритании, где нервное напряжение личного состава доведено чуть ли не до состояния белой горячки.

527-й эскадрилье, находящейся на английской базе близ Лондона, придается, как писала газета «Вашингтон пост», особое значение, поскольку она «находится на самой важной линии фронта». «Люди, с которыми мы ведем учебные бои каждый день,— пояснил корреспонденту этой газеты М. Гетлеру командир эскадрильи майор Гэл Хоудер,— работают на переднем крае. Их держат в состоянии боевой готовности круглые сутки, и если бы что-нибудь (!) произошло, они бы вступили в бой уже через несколько минут».

А где гарантия против того, что командир какой-либо из бесчисленных военных баз, на которые совершают учебные налеты военные провокаторы из эскадрилий «Агрессоры», доведенный до крайней точки напряжения в состоянии круглосуточной боевой тревоги, не примет очередное нападение самолетов, закамуфлированных под советские, всерьез и не бросит свои силы в атаку на восточных соседей?

Что из этого получилось бы, понятно каждому!

Часовые неба

Военный летчик гвардии старший лейтенант В. А. Морозов

14 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ

К началу Великой Отечественной войны в войсках ПВО было около полутора тысяч самолетов, свыше 3600 зенитных орудий, сотни аэростатов, прожекторов, пулеметов, десятки радиолокационных станций. Именно поэтому, несмотря на значительное превосходство гитлеровцев в самолетах, наши летчики и зенитчики смогли противопоставить воздушным армадам врага, нацеленным на города и села, хорошо организованную и эффективную противовоздушную оборону.

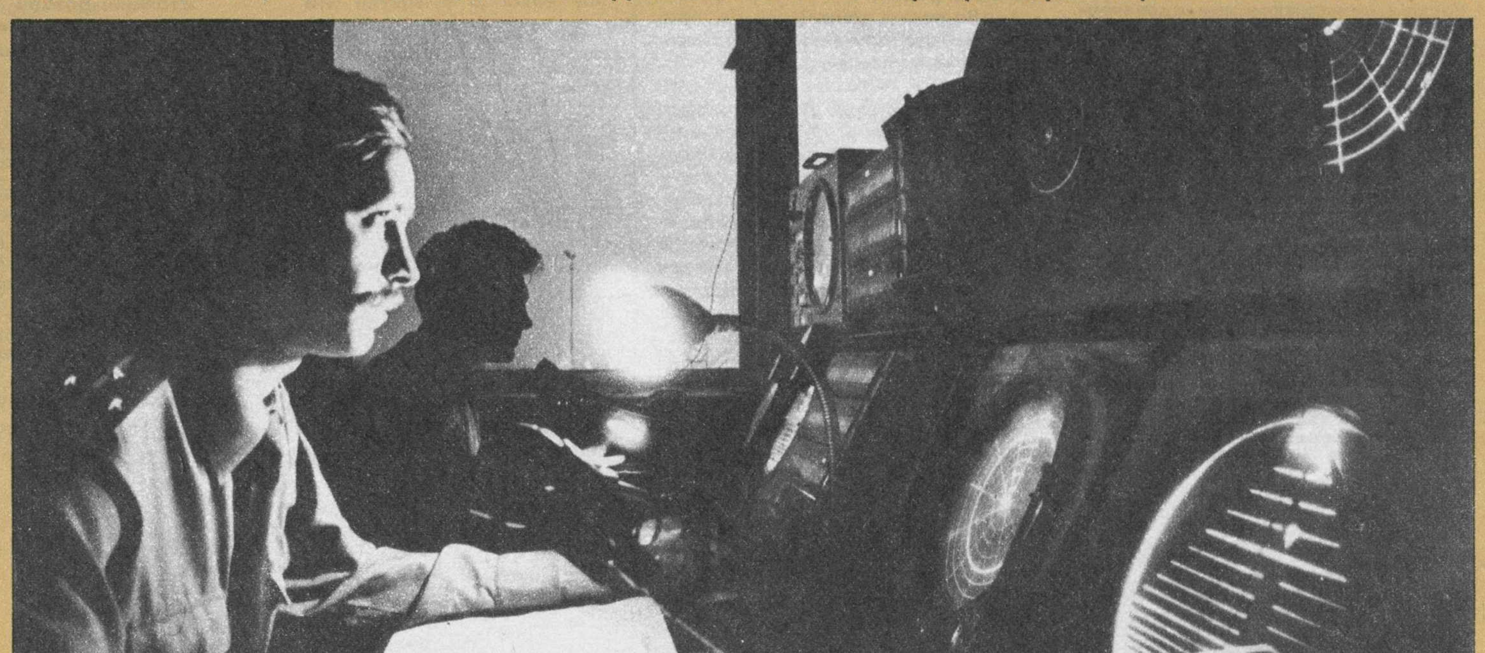
И в боях за Москву воины ПВО уничтожили 1305 самолетов противника, в небе Ленинграда — 1561, под Сталинградом — около 700, а всего за годы войны летчики и зенитчики войск ПВО загнали в землю более 7300 фашистских стервятников, кроме того, они сожгли свыше тысячи танков и полутора тысяч орудий и минометов. Родина высоко оценила ратный подвиг воинов ПВО — более 80 тысяч солдат и офицеров награждены орденами и медалями, а 92 удостоены звания Героя Советского Союза.

Гвардейская истребительная часть, в которой сделаны эти снимки, тоже внесла немалый вклад в дело разгрома врага. Летчики-истребители защищали небо Москвы и Ленинграда, сражались под Воронежем и на Курской дуге, освобождали Киев, разрушали воздушный мост, который гитлеровская авиация пыталась навести, чтобы вызволить окруженную группировку под Корсунь-Шевченковским. В феврале сорок пятого одна из эскадрилий выполняла особо важное задание — охраняла небо Ялты во время Крымской конференции глав союзных государств.

Сейчас мирное небо Родины охраняют дети и внуки героев-фронтовиков и охраняют надежно: воздушные границы Советского Союза на замке!

Фото И. ГАВРИЛОВА

Стартово-командный пункт — отсюда осуществляется руководство полетами. У приборов гвардии старший лейтенант С. А. Тимашов

Подпольный промысел?

К. БАРЫКИН

Нет хуже, когда о пьяном товаре проявляют служебное рвение трезвые люди. Нет тогда у них ни преград, ни резонов. Даже расстояния — не помеха. Не о себе же заботятся, не для себя хлопочут. Вот, например, Людмила Михайловна Журавлева, заведующая лабораторией Сахалинского облпотребсоюза. Не впервой звонит она в Москву, в Государственную инспекцию по качеству алкогольных напитков...

— Почему не разрешаете производить «красничное»?

Дальняя собеседница рассержена, это я, оказавшись при разговоре, понял сразу же. Она хочет добиться позволения немедленно возобновить производство винца местного колорита под выразительной кличкой «красничное сладкое». Но инспекция, как полагает Людмила Михайловна, что-то недопонимает, отсюда все беды-напасти.

Заместитель начальника инспекции Юрий Егорович Рудь пытается вразумить собеседницу, втолковать ей, что поставили «красничное» в план, не посчитавшись с правилами выпуска вин, без ведома профессиональных дегустаторов, на основании весьма и весьма сомнительных разрешений, совершенно безответственно.

— Сомнительных? — не сдается Людмила Михайловна.— Мы «красничное» аж в Мичуринск посылали, оттуда пришли хорошие отзывы... Все равно не разрешаете? — переспрашивают из Южно-Сахалинска.— Доложу начальству...

Работникам инспекции доводилось выслушивать угрозы и посоновательнее, и атака категорически отбивается. Более того, сахалинским винокурам пообещано, что все деньги, что уже успели выручить от торговли «красничным», вычтут из плана, передадут в бюджет.

Пока идет нервный телефонный разговор, я знакомлюсь с актом, которым дальневосточное межобластное управление госинспекции попыталось поставить заслон «красничному». И узнаю, что винцех Ново-Александровского производственного участка Южно-Сахалинского коопрыбпромхоза (прошу обратить внимание: рыбпромхоза!) Сахалинского облрыболовпотребсоюза к моменту проверки уже вовсю гнал «красничное». И это несмотря на то (снова заглянем в акт), что «предприятие не имеет технологического оборудования для термической обработки соков и вин. («А разве такое оборудование положено рыбакам?» — спрашиваю я себя). Акты переработки ягод составляются произвольной формы... В цехе отсутствует журнал учета и оперативного контроля приготовления сусел и купажей, ослаблен лабораторный контроль за качеством готовой продукции».

И так далее.

Помимо того, «красничное сладкое» вообще не входит в ассортиментный перечень плодово-ягодных вин, утвержденных Министерством пищевой промышленности.

— Стало быть, подпольный напиток? — спрашиваю я, позвонив в Мичуринск, в тамошнюю научно-исследовательскую лабораторию, принадлежащую, к слову, как и сахалинские рыбаки-виноделы, кооператорам.

Понять, отчего «красничное» направили именно сюда, а не знатокам-профессионалам из главной дегустационной комиссии, легко. В комиссии народ беспристрастный, здесь несколько раз браковали, не пускали скрывающиеся под разными названиями «бормотухи», «чернила», «штапели». А в Мичуринске свои люди, из одной системы?

— «Красничное» вино в общем-то неплохое, мы тут дегустировали,— без особой уверенности говорит директор лаборатории Виктор Дмитриевич Сухинин.

— Но кто разработал рецептуру «красничного», из чего его гонят? — спрашиваю я.

— Основа — местная дикорастущая ягода — красника. Можно ли делать из нее соки и сиропы? — переспрашивает меня В. Д. Сухинин.— Наверное, можно, но для сиропа-то нужна отборная, качественная ягода.

— Значит, на «красничное» идет некачественная? — снова спрашиваю я.

— Ну, я этого не сказал.— Виктор Дмитриевич вроде бы обижается.

На другой день я звоню в Южно-Сахалинск и узнаю, что пока шли споры и препирательства, там продолжали перерабатывать кранику в «красничное сладкое». Я обескураженно спрашиваю: ценуто на это вино кто утвердил?

— А ее вывели по аналогии,— говорят мне.

По аналогии с чем? Узнаю: с другой «бормотухой» — не то «осенний сад» называется, не то «черничное».

Вся эта история носит настолько нелепый характер, что я звоню в Роспотребсоюз, начальнику одного из управлений Владимиру Ильичу Кожарову. Да, он тоже что-то слышал о «красничном», но уверен, что продукция, «а вино тем более», выпускается по научно-технической документации Минпищепрома...

Круг замкнулся. И мне остается только снова открыть акт и узнать из него, что за год выработано и реализовано 19 тысяч декалитров (давайте пересчитаем на поллитровки: сотни тысяч бутылок — заметный вклад в борьбу против хорошего вина!). Но и это не все. Местным, в пределах области распоряжением рыболовному винцеху позволено выработать еще 100 тысяч декалитров вина «красничное сладкое».

Такой вот производственный план у сахалинских рыбаков-кооператоров: вино «красничное», вино «брусничное». Так и не выяснил: как у них с рыбой-то? Ловят или полностью перешли на производство продукции, за которой в море выходить не надо? Все снасти — на суше, в цехе, точнее — в винцехе.

Плохое вино охотно пользуется примитивными, амебными языковыми сокращениями. Оно не только укорачивает жизнь, но и пытается упростить язык, принося в него свои нетрезвые формы и обороты. Никто и никогда не посмеет сказать «хлебцех», или «конфетцех», а вот винцех с тяжелой, может, даже хмельной головы запестрел в отчетах, в сводках, даже в некоторых газетных публикациях встречается такая языковая новация.

А сами винцехи плодятся, как скороваренная, дурманящая «бормотуха». Они объявились и в некоторых лесхозах. Им бы, лесникам, клюкву, морошку, чернику и голубику, малину и иную лесную прелесть пустить на варенья и джемы, на маринады, соки, сиропы, но — хлопотно. А гнать вино и дурак может, это давно известно.

Да что там лесхозы. Рыболовецкие хозяйства Приазовья и черноморские так освоили виноделие, что на рыбу у них и времени, похоже, почти не остается.

Беда с рыбаками из потребкооперации. В инспекции меня даже попросили не очень настраивать перо против сахалинских винокуров, потому что их производственная программа — это капля в разливанном, пьяном море чернильно-бормотушных напитков, которыми щедро и безответственно одаривают любителей выпивки рыбаки Приазовья, а также их черноморские коллеги. Дело дошло до того, что украинское управление инспекции по качеству алкогольных напитков направило материалы в республиканскую прокуратуру: уймите «виноделов», помогите закрыть никем не учтенные, по сути и по форме подпольные винцехи.

Но здесь уже давно не обращают внимания на запреты, они гонят продукцию, которая (цитирую официальные документы) «подрывает престиж качественного виноделия, наносит ущерб народному хозяйству и может вызвать пищевое отравление».

Рыбколхозы производственного объединения «Азчеррыба» — «Заря», «Светлый путь», «Красный рыбак», «Придунайский рыбак» и их соседи — здорово преуспели в выпуске дурного вина.

От них стараются не отставать и хозяйства Одесского рыбакколхозсоюза. Мне показали копию уникального документа — постановления правления Одесского рыбакколхозсоюза, проявившего особые хлопоты о цехах по выработке вина именно в рыболовецких колхозах.

Без лукавства, без наивности, на полном серьезе и открытым текстом в постановлении записано, что реализация виноматериалов является для рыболовецких колхозов «одним из основных источников прибыли». А посему следует вывод: надо больше внимания уделять техническому оснащению винпунктов, которые сейчас «не соответствуют». И далее говорится, чему они не соответствуют: санитарно-техническое состояние не отвечает действующим санитарным требованиям, выработка виноматериалов производится по «крестьянской методике» (может, под такой деликатный термин участники заседания подогнали обычный самогонный вариант получения «бормотухи»?). Во всех колхозах нет лабораторий по определению качества винограда и виноградной продукции, нет дипломированных специалистов, не соблюдаются производственные инструкции, нет хорошего оборудования. И снова: «санитарное состояние винпунктов крайне неудовлетворительное...» И, зная все это, продолжают вырабатывать заведомо плохую продукцию.

Не первый год пищевики пытаются вразумить тех, кто продолжает подпольный винный промысел, убеждают, что это занятие небезопасное: прежде всего для тех, кто пользуется сомнительной продукцией.

Доводилось познакомиться с письмом, которым год назад заместитель министра пищевой промышленности увещевал заместителя министра рыбного хозяйства. Дескать, пора урезонить рыболовецкие колхозы, пора прекратить выпуск вина.

Но пока все на своих местах. Рыба — в море, «рыбаки» — в цехах по выпуску вина.

Михаил ЩУКИН,
фото
Сергея ПЕТРУХИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

8 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 40 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕМЕЦКОГО НАРОДА ОТ ФАШИЗМА

Этажи Хайнца Риттера

Когда Хайнц Риттер вернулся в Берлин после войны из плена, было ему чуть за двадцать. Он шел по разрушенному городу, не узнавая его, смотрел на стены разбитых домов, на пустые, незрячие глазницы окон, на груды камней. Иногда подходил к развалинам, брал тяжелый холодный камень, и словно быстрый, неуловимый ток пробегал по его руке, руке каменщика. Он тосковал по работе. Будь проклята эта война! О многом передумал в день своего возвращения домой Хайнц Риттер. Вспомнил, как на фронте при первом же удобном случае сдался в плен. Он не хотел воевать, он хотел строить.

Нет, война больше не должна повториться. Никогда. Он твердил эти слова как клятву, шагая по разбитым мостовым берлинских улиц. А для того, чтобы не повторилось, нужно заново строить не только город, но и всю жизнь. Строить и бороться за нее...

Хайнц делает паузу в своем рассказе, надолго замолкает, собираясь с мыслями, и потом твердо и убежденно говорит:

— Сорок лет назад Советский Союз одержал победу над гитлеровским фашизмом. В истории немецкого народа открылась новая страница.

Тридцать с лишним лет Риттер возводит дома в Берлине. В столице республики, пожалуй, нет ни одной крупной новостройки, где бы он не работал. Начал рядовым каменщиком. Сейчас руководит учебно-молодежной поточной линией на Берлинском жилищно-строительном комбинате. Он награжден самой высокой наградой ГДР — орденом Карла Маркса. Выбранный раз и навсегда путь привел Риттера в ряды Социалистической единой партии Германии, его партийный стаж почти двадцать лет.

Мы разговаривали с Хайнцем в его небольшом рабочем кабинете. Из окна была видна панорама Марцана — нового жилого района Берлина: готовые и еще строящиеся дома, вытянутые шеи подъемных кранов, деловито снующие на огромной высоте маленькие фигурки монтажников. Оттуда, с восьмого этажа еще не достроенного дома, мы только что вернулись. Там гулял сырой, пронзительный ветер — погода нынче берлинцев не балует,— и там мы видели нашего собеседника, как говорится, в деле. Он отдавал четкие распоряжения, сопровождая их резким, энергичным взмахом руки, от его внимательного взгляда прищуренных глаз не ускользала ни одна мелочь.

— Какими качествами, по вашему мнению, должен обладать настоящий рабочий человек?

Энергичным кивком головы давая понять, что вопрос для него ясен, он сразу стал отвечать:

— Во-первых, настоящий рабочий должен быть мастером своего дела. А во-вторых, он должен знать и сознавать, ради чего и для кого он трудится. Для народа. И постоянно чувствовать ответственность, которая лежит на его плечах. Может быть, я пристрастен, но особенно это касается нас, строителей.

Риттер, конечно, пристрастен, но не так уж сильно. Строители ГДР действительно находятся на переднем крае. Дело в том, что решениями СЕПГ поставлена очень большая и важная задача: к 1990 году проблема жилья в республике должна быть решена полностью. Каждой семье будет предоставлена отдельная квартира.

Поставленная задача успешно решается. Год от года строители наращивают темпы. Семь лет назад в присутствии Генерального секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера состоялась торжественная передача миллионной квартиры. Риттер тоже участвовал в этом событии и как реликвию хранит дневник бригады (тогда он еще был бригадиром), подписанный руководителем партии и государства. А не так давно состоялась передача уже двухмиллионной квартиры.

* * *

Рабочий день у заведующего поточной линией расписан буквально по минутам. Отведенного для беседы часа нам явно не хватало, и Риттер пригласил нас вечером к себе домой.

— Это мои документальные доказательства,— с улыбкой сказал хозяин, выкладывая на стол большой пакет фотографий. Одна из них сразу же привлекла внимание. Риттер стоял в окружении ребятишек и уже знакомым мне стремительным жестом руки показывал на виднеющуюся впереди панораму новостроек Марцана. Лицо на фотографии было у него строгим, сосредоточенным и немного торжественным. Точно такие же лица были и у ребят.

— У вас здесь такой вид, словно вы принимаете высокую делегацию...

— Да,— совершенно серьезно ответил Риттер,— вы правы. Я глубоко убежден: чем раньше ребята почувствуют важность рабочей профессии, гордость за нее, тем больше у них возможностей стать настоящими мастерами. Понимаете, мастерами, а не просто каменщиками или монтажниками. Не забывайте, что линия, которой я руковожу, называется учебно-молодежной. Не только строим, но еще и учим.

С ребятами Риттер говорит искренне и серьезно, не скрывая проблем. Ведь завтра они придут к нему на стройку, а послезавтра уже будут определять лицо рабочего класса республики.

Как готовится молодое пополнение на Берлинском жилищно-строительном комбинате? Здесь есть политехнический центр и свое ПТУ. В центре занимаются ученики с седьмого по десятый класс из разных школ трех районов города. 134 класса, 3400 учеников. Семи- и восьмиклассники занимаются два раза в месяц по четыре часа, а старшие — тоже два раза в месяц по шесть часов. Теория чередуется с практикой. За четыре года ученик должен узнать основы социалистической экономики и получить первые профессиональные навыки.

На комбинате существует специальная должность — заведующий политехническим профессиональным обучением. Занимает ее Александр Гиринг. Он рассказывает:

— В год центр дает прибыли полмиллиона марок. Из чего складывается эта прибыль? Ребята изготавливают самую различную малую арматуру для строительства и очень гордятся, когда машины с их продукцией отъезжают на стройку.

Просторные мастерские политехнического центра буквально начинены различными машинами и механизмами. Возле них уверенно и деловито распоряжаются школьники в аккуратных синих спецовках. Я разговорился с симпатичным пареньком, чуть смущенным необычным вниманием, Андреем Лемке. Он учится в шестой берлинской школе, в восьмом классе, хочет стать столяром.

— Андрей, а почему именно столяром?

— Нравится работать с деревом. Когда умеешь, оно становится живым. Дома в свободное время делаю макеты кораблей.

— В политехническом центре ты уже второй год. Чему научился за это время?

— Могу пользоваться многими инструментами, освоил прессовочную, перегибающую и бурильную машины.

— Освоил теоретически?

— И практически тоже.

— Что ты собираешься делать дальше?

— Буду поступать в училище при нашем комбинате.

Я его еще раз переспросил и снова услышал: «...при нашем комбинате». Да, такие слова много значат.

Итак, вторая ступенька — профтехучилище. Оно носит имя первого президента республики Вильгельма Пика. Около тысячи человек обучаются здесь двенадцати профессиям, основные — каменщик, плотник, монтажник. Система обучения во многом схожа с той, какая существует и у нас, в Советском Союзе. Но есть и свои интересные особенности.

Каждый поступающий в училище получает договор на работу. Таким образом, он уже заранее знает, в каком коллективе и в качестве кого будет трудиться после учебы. Практику, как правило, он проходит тоже в этих коллективах. Вот почему поточная линия, которой руководит Риттер, и называется учебно-молодежной. Основной костяк бригады, состоящий из кадровых рабочих, принимает к себе учеников ПТУ и преподает им не только уроки профессионального мастерства, но и уроки ответственности. Если в школе или в училище иногда делают скидку на ребячий возраст, то здесь, на строительной площадке, такого быть не может. Здесь разговор по-рабочему прямой.

* * *

Как всегда, будильник в квартире Риттера звонит в четыре утра. Через тридцать минут Хайнц уже уходит из дома, а в половине шестого начинается его трудовой день, на полтора часа раньше официального срока.

Они строят Берлин * Молодежь — будущее ГДР.

— У нас в народе говорят, что утренний час — золото. Вот я и стараюсь этим золотом не разбрасываться. За полтора часа в деталях узнаю, как обстоят дела на объекте.

Жена Риттера, фрау Эрика, слушая мужа, согласно кивала головой.

— Да он даже в гостях и то качество строительных работ в квартире проверяет.

Оказывается, дочь Риттеров, Марьяна, воспитательница детского сада, недавно получила квартиру в Марцане, в том самом районе, который строит отец. И когда родители приехали в гости, первое, что сделал Риттер,— начал осматривать узлы, полы, обои. Осмотром остался доволен. Впрочем, не только он. Точно такое же мнение у новоселов.

Словно боясь, что его не поймут, Риттер начинает горячиться:

— Это же моя работа, моя честь! Как я смогу спокойно спать, если люди скажут, что в доме, который я строил, плохо и неудобно жить!

И это не просто слова. Титул мастера, классного специалиста— независимо от профессии — ценится в ГДР очень высоко. Я ощутил это и на строительстве мемориального комплекса имени Эрнста Тельмана, где встретился с бригадиром Хартмутом Клюге. Высокий, широкоплечий, с густой черной бородой, Хартмут производил впечатление уверенного в себе и строгого человека. Но вот он подал крепкую, мозолистую руку, открыто улыбнулся, и сразу стало ясно, что по характеру он очень добродушен.

Ему еще нет сорока, он представляет среднее поколение рабочего класса ГДР. Начинал с ученика, когда ему было еще четырнадцать лет, в этом году, первого сентября, будет отмечать свой юбилей — двадцать лет работы строителем.

О делах своей бригады Хартмут говорит увлеченно, заинтересованно и этой своей увлеченностью напоминает Риттера. Один взгляд на жизнь, на свое дело в ней.

— Комплекс должен быть открыт к столетию со дня рождения Эрнста Тельмана. Он включает в себя не только парк и памятник, но и жилые дома вокруг. Наша молодежная бригада — средний возраст двадцать восемь лет — и строит такие дома.

— Хартмут, ваша бригада носит имя унтер-офицера Клауса Зайдала?

— Да, это наш рабочий парень, строитель, который погиб при защите государственной границы республики. Я его знал лично. Мы в то время работали на Лейпцигштрассе, возводили дома, магазины — целый жилой комплекс. Зайдал добровольно пошел служить в армию. Нам он сказал: мало уметь строить, надо уметь защищать наше социалистическое отечество.

По предложению первичной группы ССНМ бригада решила бороться за звание коллектива имени Клауса Зайдала. Отличной работой коллектив Хартмута Клюге этого звания добился.

— Только не считайте, что мы живем безоблачно и у нас нет никаких проблем,— с рабочей прямотой говорит Хартмут Клюге.— Проблемы есть. Некоторая часть молодежи воспринимает многие нынешние блага как само собой разумеющееся, не представляя, сколько труда, тяжелого и упорного, стоит за ними. А если иногда эти блага предоставляются не полностью, встают в позу обиженных. Выход один: мы должны учить не только профессиональному мастерству, но и политическому самосознанию. И никогда не должны забывать, что находимся на переднем крае.— И, кивнув на телевизор, добавил: — Ведь стоит только нажать кнопку, и идейный противник войдет прямо к тебе в дом. Всеми силами западное телевидение старается перетащить молодежь на свою сторону. Но это не удастся. Наша молодежь, преданная делу социализма,— самое главное достижение, которого мы добились за годы народной власти.

Конечно, это не пришло само по себе. В ГДР проводится огромная работа по воспитанию молодой смены. Важную роль здесь играют молодежные клубы по месту жительства. Вернулся молодой рабочий после смены, снял спецовку и отправился в клуб, благо он находится всегда недалеко от дома. Что его там ждет?

* * *

Вечером вместе с коллегой из журнала «Фрайе вельт» Фолькером Хемпелем мы отправились на Дункенштрассе. Здесь расположился новый молодежный клуб, созданный всего год назад. А всего таких клубов насчитывается в Берлине более двухсот.

В сумерках приветливо светились окна углового подъезда старинного здания. Маленькая афиша извещала, что сегодня выступает шансонье. Встретил нас заведующий клубом Людер Фингер.

— Посидите, послушайте. Через полчаса закончится программа, и тогда мы обо всем подробно поговорим.

В небольшом, уютном зале мы с трудом отыскали свободное место. Приглядываюсь к своим соседям. В основном это молодые люди, примерно от семнадцати до двадцати пяти лет. Все они внимательно слушали певца, который исполнял песни под аккомпанемент гитары. О чем пел певец? Это была злая и остроумная насмешка над мещанином и обывателем, живущим только сегодняшним днем и только в стенах своего маленького, личного мирка.

Дружные аплодисменты вспыхивают в зале, когда затихают последние гитарные аккорды. В них — одобрение певца и горячее осуждение обывательской философии.

Так развлекательная вроде бы программа на наших глазах превращалась в яркое и доходчивое средство идеологического воспитания.

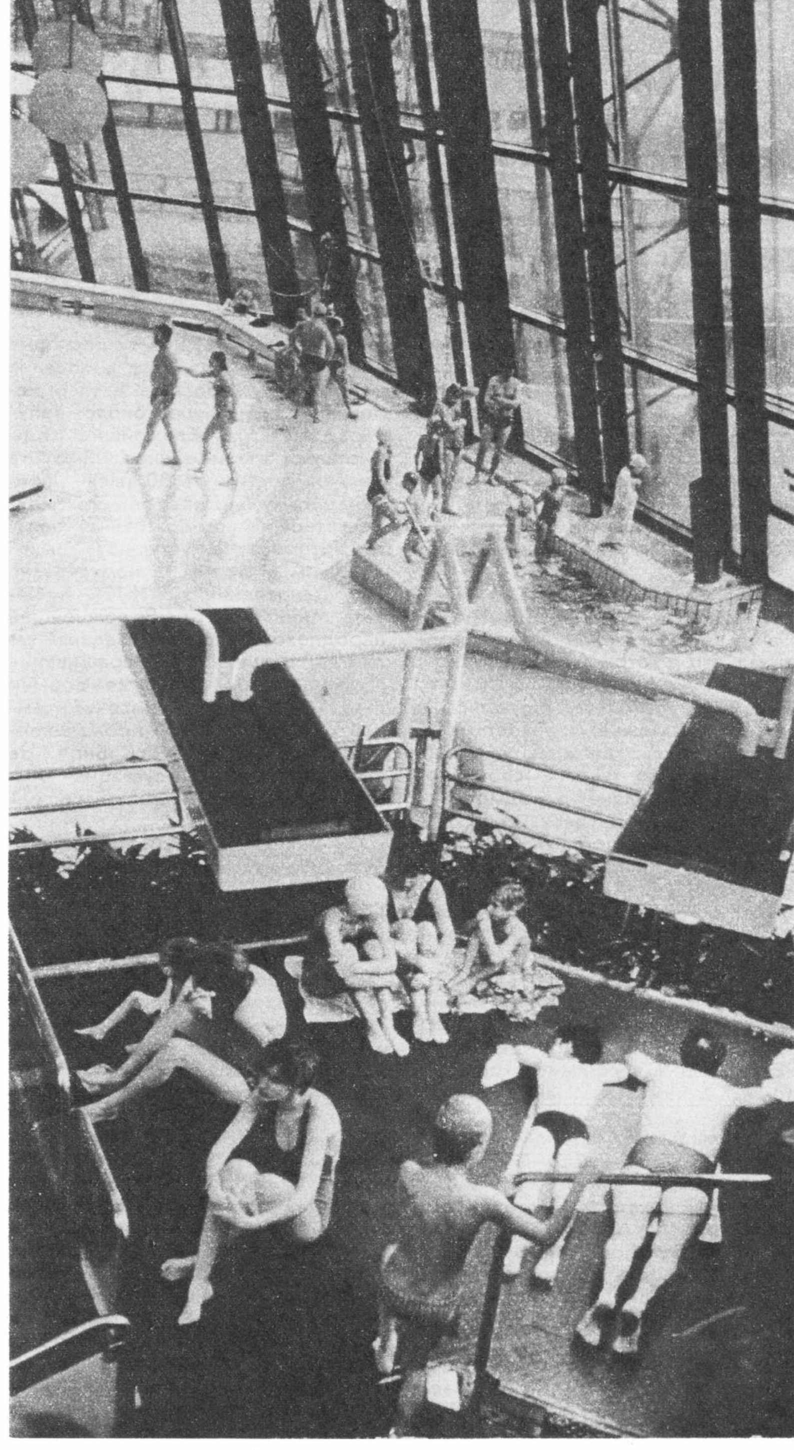
— Именно этого мы и стараемся добиваться,— рассказывал нам потом Людер Фингер.— Политические диспуты, встречи с зарубежными ровесниками, с журналистами, актерами, концерты политических песен и вечера народной музыки — все это входит в программу нашей деятельности, главная задача которой — помочь молодому человеку обрести твердые мировоззренческие позиции.

Людеру двадцать восемь лет, его заместителю Асе Ютте (это весь штат клуба) всего двадцать. Людер по профессии слесарь, служил в армии. Ася хотела стать телепостановщиком и одно время даже работала на телевидении. Их объединило желание работать с молодежью, со своими ровесниками.

Прийти сюда может любой желающий, плата самая минимальная — от двух до трех марок.

— Что самое важное сейчас, на ваш взгляд, в работе с молодежью?

— Во время службы в армии я на практике постиг одну простую истину,— говорит Людер,— в мире многое зависит и лично от меня. Неправда, что рядовой человек мало что может сделать. Наоборот, он может очень многое, если стоит на честной, классовой позиции. Именно поэтому я стал членом рабочей дружины, а не так давно написал заявление с просьбой принять меня в партию. И такое отношение к жизни мне хочется воспитать у тех, кто приходит к нам в клуб.

Берлинский спортивный центр.

В свободную минуту.

* * *

В тот день, когда мы должны были улетать из Берлина, я вспомнил поездку в концлагерь Заксенхаузен.

...Ветер нес по асфальтированным дорожкам большие прошлогодние листья кленов. Они медленно переворачивались с едва слышным, сухим шуршанием. Я стоял у краешка полосы, которая отделяла меня от железобетонных столбов с колючей проволокой, и смотрел на небольшую доску, воткнутую в землю. Сорок с лишним лет назад она извещала узников: «Нейтральная зона. Стреляют без предупреждения». Я сделал шаг и поставил ногу на мелкие камни, которыми усыпана нейтральная полоса. Тишина. И только большие кленовые листья попрежнему переворачиваются с сухим шуршанием... И подумалось: пусть тишина эта длится вечно!

Берлин — Москва.

адреса великих свершений

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,

фото Игоря ГАВРИЛОВА

ГАЗ

Тень от вертолета неслась по скучной, однообразной, ничем не нарушенной белой пелене тундры. Лишь однажды тень пересекла неровную полоску зимника, по которому тяжело пыхтели машины с грузом, направлявшиеся наверняка в Ямбург. Ошибки быть не могло: другого пути, другого адреса в здешних необъятных просторах нет.

Мы летели в Ямбург из Нового Уренгоя. Летели, много наслышанные о тяжелых морозах и повальных ветрах на восточном берегу Обской губы. Однако, выйдя из вертолета, окунулись в такое безмятежье, что впору было усомниться: где ж мы в самом-то деле? Было тихо и спокойно, словно на поляне в подмосковном мартовском лесу. Чуть поодаль нехотя вспорхнула стая куропаток. Я снял шапку и глубоко затянулся прохладным ветром, едва тянувшим с Оби. Однако к вечеру все встало на свои места — задуло и замело крепко. А мороз?..

— Ну, что мороз? — сказал мне на другой день буровой мастер Юрий Николаевич Меденцев.— Вся страна в эту зиму с холодом воюет. А нам легче: мы люди северные.

«...Силы были неравными. Семеро смельчаков из ДСУ-26 на двух вездеходах, а расстояние около трехсот километров. Разведка боем — так почти в буквальном смысле этих слов можно назвать их поход, цель которого — первичная разведка будущей трассы зимника Медвежье—Ямбург. Первопроходцы месторождения Медвежье стали первопроходцами дороги на Ямбург». Так писала газета «Рабочий Надыма» 16 октября 1980 года. Те вездеходы в сорокаградусный мороз много дней пробивались к цели по глубокому снегу тундры и коварному льду Обской губы.

На картах Ямбург в ту пору еще не значился. Год назад в поселке работало чуть больше двухсот человек. А сейчас уже около полутора тысяч. В ближайшие годы численность населения Ямбурга должна достигнуть 30 тысяч. Причина тому — открытое газоконденсатное месторождение, запасы которого не уступают самым крупным в стране. О нем сказано в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР: важнейшей народнохозяйственной задачей является дальнейшее наращивание в двенадцатой пятилетке добычи газа и сохранение высоких темпов развития газовой промышленности в Западной Сибири за счет ввода в эксплуатацию Ямбургского газоконденсатного месторождения.

От поселка Ямбург до 210-го бурового куста всего 24 километра. Зимник хотя и разъезженный, но два часа дороге отдай. Да и то, пока не нагрянуло короткое, но жаркое лето, которое обнажит такие непролазные хляби, что даже вездеходу делать нечего. Не пожелала природа отдать человеку свои несметные подземные богатства за так. Миллионы кубометров грунта предстоит отсыпать в здешних местах. Пусть это будет нашей первой характеристикой Ямбурга. Где взять столько грунта, пока полностью неясно, и это характеристика вторая. Позже мы обратимся и к последующим, но, конечно, не ко всем сразу. Во-первых, их множество. Во-вторых, приезжать сюда мы, журналисты, будем нередко, потому что Ямбург становится теперь одним из главных центров нашей топливной индустрии. Так постепенно обо всем и расскажем.

Вагонгородок.

Трудная минута у буровиков.

ЯМБУРГА ›

1

2

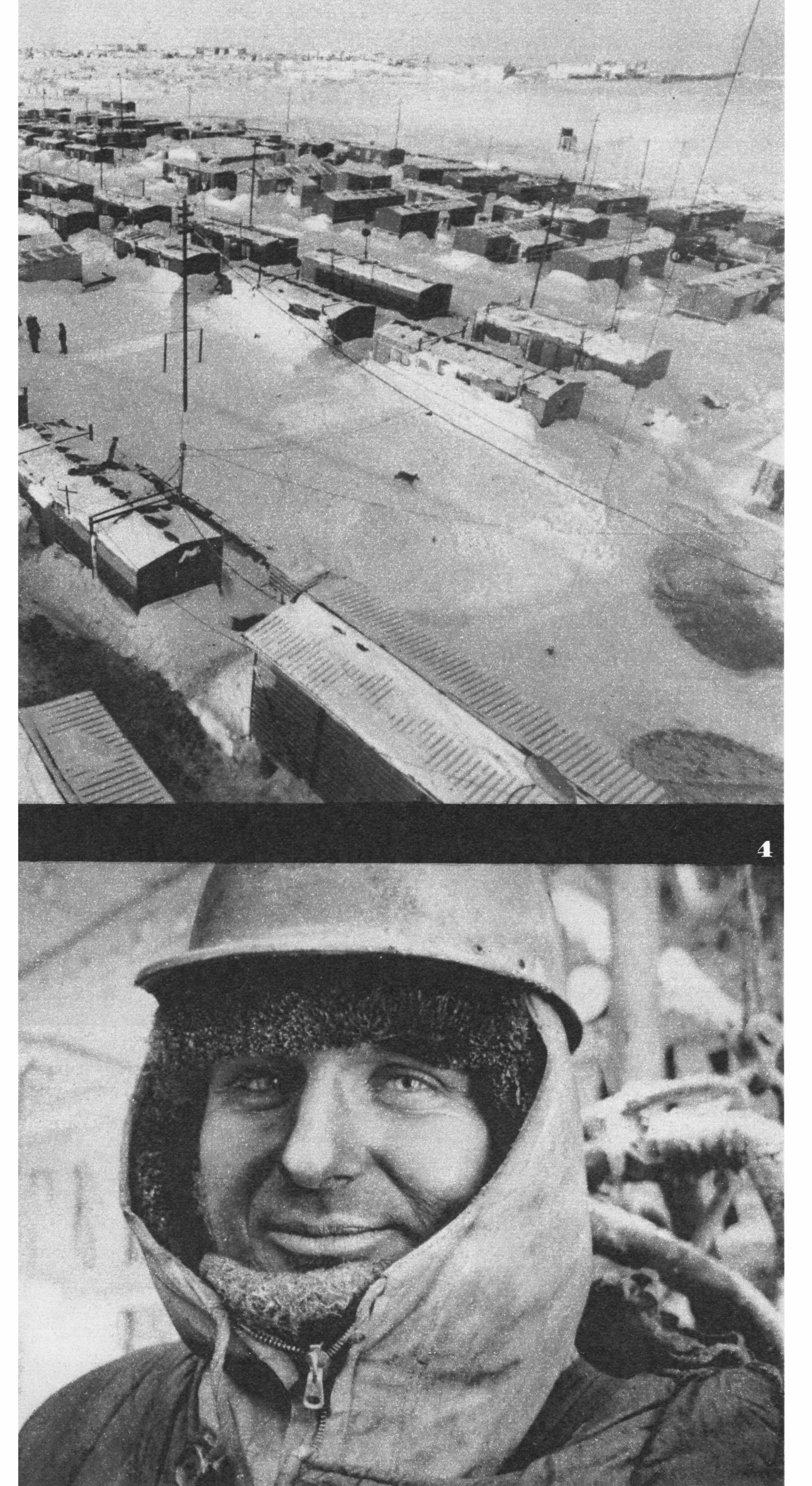
3

1
Возводится жилой комплекс.

2
Таков пока Ямбург.

3
Буровая 210-го куста.

4
Помощник бурильщика Николай Строганов.

4

В вахтовом «Урале» мы едем на куст с операторами по добыче газа Владимиром Березкиным и Анатолием Глубоковым. Оставляя в стороне хрестоматийную тему романтики первопроходцев, они объясняют, что работать здесь хотя и тяжелей, но интереснее, чем на прежних северных объектах, коих в биографии наших попутчиков набралось уже достаточно.

— Чем выше температура разреза,— говорит Березкин,— тем проще эксплуатировать скважину. Здесь же температура низкая, шлейфы могут промерзать и перекрывать выход газу. Поэтому для каждой скважины нужно подбирать расход. Дело тонкое, головой работать нужно. В общем, интересно! Я здесь обосновался надолго. Толик, ведь и ты тоже, а?

Тот весело кивает. Глубокову сорок лет, и где только не побывал. Сам родом из Куйбышева. На Камчатке заведовал отделением совхоза. Работал на Олюторском рыбоконсервном комбинате машинистом электростанции, затем секретарем комитета комсомола того же комбината. Руководил орготделом в райкоме комсомола. Добывал газ в Оренбуржье, потом в Уренгое. Семья пока в Уренгое и осталась. Работы много — и производственной, и партийной...

Ну, вот, наконец, и приехали на буровую. Попали мы сюда в трудную для буровиков минуту, и было им не до нас. Несколько часов назад буровая компоновка не дошла до забоя, остановилась раньше времени. Прикинули, в чем дело. Видимо, при многократных спусках и подъемах бурильных труб в наклонной скважине образовался желоб по форме самой бурильной компоновки. Вот она сама себя и заклинила. А возможно, компоновка вошла в слой вязкой глины, которая ее засосала и не давала теперь опускаться дальше.

— Заряжай ключ!.. Цепляй канат!

Бурильщик Павел Токарев снова взялся за рычаги управления и напряженно смотрел на индикатор. Если инструмент дойдет до забоя, то стрелка остановится на отметке «31». Но та в который уж раз капризно замерла на «29». Так что опять: «Подъем!»

До продуктивного горизонта оставалось всего пятьдесят метров.

На обед бригада не пошла. Обед совместили с ужином, после того, как буровая компоновка наконецто дошла до забоя.

Когда бригада появилась в вагоне-столовой, лица ребят не светились счастьем. Я видел лишь печать усталости. И понимал теперь, почему в Ямбурге у буровиков самая короткая вахта — всего четыре дня. В эту зиму мороз частенько переходил отметку пятидесяти градусов. Но буровая простаивала только во время шквалов. Когда люди уже не могли различать ни друг друга, ни инструмент. Такая работа...

— Однако хватит нам рассуждать о героизме,— сказал генеральный директор объединения «Ямбурггаздобыча» С. Т. Пашин.

Наша беседа проходила в кабинете у Сергея Тимофеевича, обстановка и убранство которого пока никак не вписываются в привычные представления о рабочем месте руководителя такого ранга. Пашин приехал сюда из Нового Уренгоя, где осваивал

Лена Новикова приехала из Надыма.

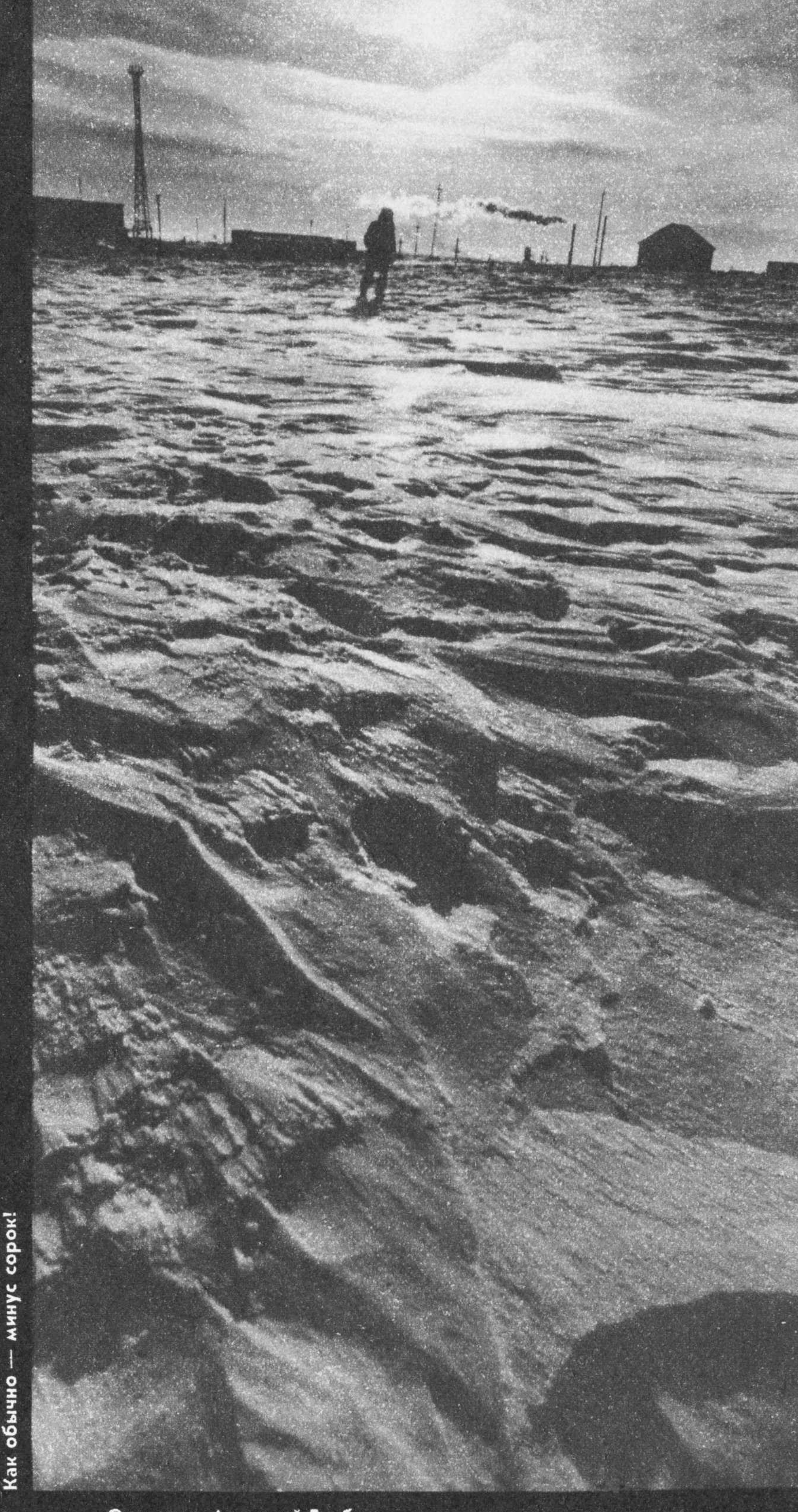
месторождение, строил его с нуля, был начальником участка, потом руководителем газопромыслового управления, а в последнее время — заместителем генерального директора объединения «Уренгойгаздобыча». Такой послужной список к 39 годам.

Я почему-то сразу спросил Пашина про семью. Так и есть: и его семья осталась в Новом Уренгое. Здесь пока только рабочие. И генеральный директор тоже. Такая обстановка. Такое время.

— Мы выполняем обычную работу в необычных условиях,—продолжал Пашин.— В первом квартале 1987 года страна должна получить первый промышленный газ Ямбурга. И мы дадим его. Люди приехали сюда на долгие годы. Приехали работать. Вы видели, как идут дела у буровиков! Хорошо. Полным ходом движется строительство газопровода Ямбург — Елец. Совместными силами организаций государств социалистического содружества скоро начнется сооружение газопровода «Прогресс», по которому газ Ямбурга устремится на предприятия нашей страны и государств СЭВ. Все у нас будет. Важно только избежать ошибок, допущенных при обустройстве других крупных месторождений. В постановлении партии и правительства сказано, что при строительстве Ямбургского газоконденсатного месторождения необходимо обеспечить опережающее развитие транспортной сети, объектов энергоснабжения, жилищного строительства, производственных баз, объектов строительной индустрии. Но вот смотрите, что получается. Самая основная на сегодня наша задача — дать газ Ямбурга для самого поселка Ямбург. И — вы не поверите — пока она не решена. Дело в том, что строительство газопровода длиной всего 24 километра наш генподрядчик никак не может завершить. А газ для нас — это все. Достаточно сказать, что у нас будет централизованная электростанция, работающая на газе. Ждем, звоним, шлем телеграммы. Энергии нам явно не хватает.

Увы, Пашин ничем не удивил. «Уж сколько раз твердили миру...» Мы снова будто шелестим пожелтевшими страницами. А ведь страницы пока белы, как снег в февральской тундре...

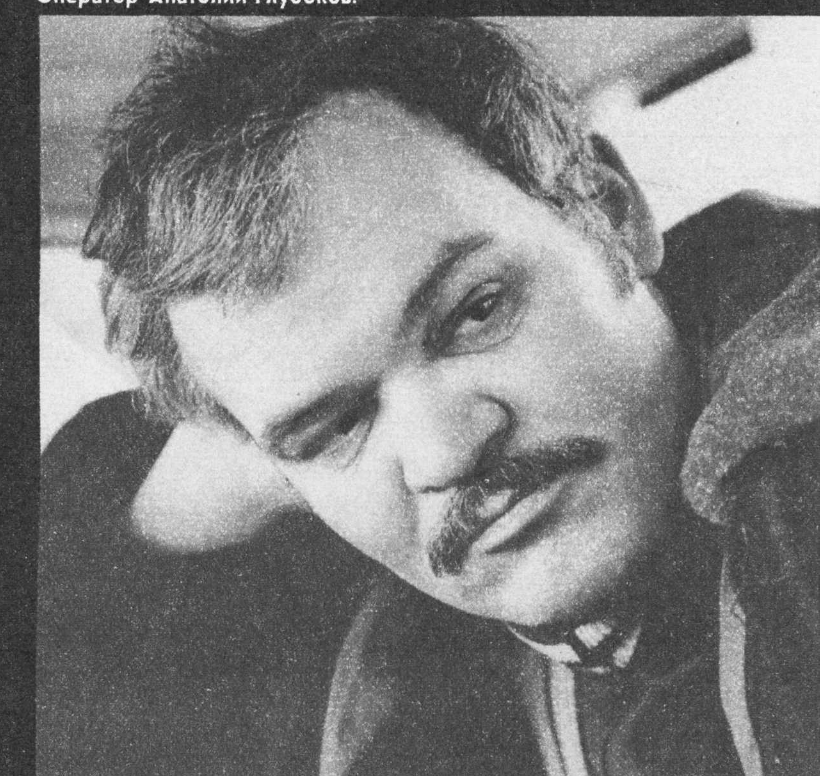
...Здесь принято говорить: «Работаем на Ямбурге», а не «в Ямбурге», «Приехал на Ямбург», а не «в Ямбург». Похоже, что подобное «островное» обозначение географической принадлежности пока оправдано. Однако будем верить, что ненадолго.

Как обычно — минус сорок!

Вахта прилетела.

Оператор Анатолий Глубоков.

СРЕДИ КНИГ

ГЛАВНОЕ НАСЛЕДСТВО ВАДИМА МИРОШНИКОВА

У героя повести Олега Смирнова есть любимая и престижная работа, не менее любимая жена и подрастающий сын, есть квартира почти в центре Москвы, есть дача, принадлежащая, правда, тестю-генералу. Он честен, бескорыстен, трудолюбив.

В нем писатель представил обобщенный образ сегодняшнего человека, имеющего, можно сказать, все, что ему хочется, и готового прожить спокойно свою жизнь,— под стать герою и уравновешенный неторопливый слог повести.

Но Вадим Мирошников — так зовут главного героя повести — получает еще и солидное наследство после смерти отца, видного ученого и незаурядного человека. Оно состояло из двух частей: крупной суммы денег и дневников. Именно отцовские дневники и отношение к ним сына дают возможность писателю сравнить два поколения, традиционных «отцов и детей», уделяя больше внимания все же «детям». «Как бы там ни было,— читаем мы в повести рассуждения Вадима, — жизнь продолжается. Можно переживать утрату сильней или слабей, дольше или меньше — жить-то надо. Ее не остановишь, жизнь, и исполняй свои обязанности, как и прежде. В этом и успокоение, и смысл, и надежда — все вместе. Он не оправдывает себя: не исключено — черств, рассудочен, либо еще что похлестче. Уж какой есть. Но не самый, видимо, плохой на белом свете».

Уход отца послужил герою поводом для основательной переоценки своих достоинств и своего места в жизни, как это и бывает в большинстве случаев у людей, не подверженных сильным страстям. Получив возможность сравнить свою жизнь с отцовской, он сразу же обнаруживает закономерность, которой не замечал раньше: «Любое поколение вольно или невольно передает следующему, как эстафетную палочку, свой опыт, доставшийся долгими годами... Вот и записки отца — это модель опыта предшествующего поколения. Почему же отбрасывать его? Примерь, прикинь».

Дневники, рождающие раздумья о смысле жизни, позволили О. Смирнову преодолеть замкнутость бытового повествования, показать духовный мир нашего современника, включить его в те общественные процессы, какие связаны с борьбой за мир.

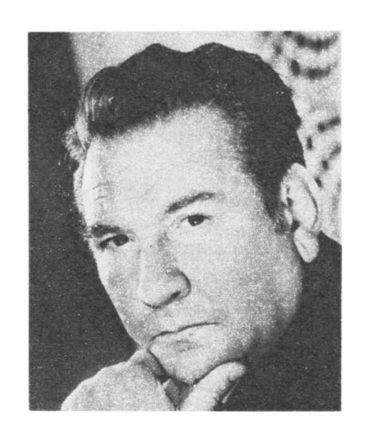
Читая повесть «Наследство», невольно переходишь от личной судьбы героя к памяти целых поколений. В этом, видимо, и состояла задача писателя.

Л. ВУКОЛОВ

Олег Смирнов. Наследство. «Октябрь» № 5, 1984 год.

Николай ДОРИЗО

Твоя солдатская душа

●

У нашей Победы
Не только есть дети,
С годами серьезны
и седы,
У нашей Победы
есть первые внуки,
Первые внуки Победы.

ИЗ ВОЕННОЙ ТЕТРАДИ

РОСТОВУ

В двенадцать лет
Я встретился с тобой.
Знакомство наше
Началось
с вокзала.
Загадочный,
огромный
и чужой —
Таким
ты показался мне
Сначала.
Вокзальным шумом
Ты меня
встречал.
И, выйдя вдруг
Из тесного вагона,
В толпе людской
И в суете перрона
Я как-то сразу
Меньше
ростом стал.
В трамвайных стеклах
Сквозь рассветный дым
Мелькали
люди,
вывески
и зданья.
Проехал я
По улицам твоим,
Еще совсем не зная
Их названья.
Ты
мне отвел
Сначала
только двор.
Да
много ль надо
Золотому детству —
Подъезд,
ворота,
каменный забор
И одинокий тополь
По соседству.
От школы
и до дома моего
Один лишь путь
Был мной тогда
исхожен.
Зато я знал
Любую пядь его:
Панели,
люк...
День в день
одно и то же.
Но шли года.
И стадион сменил
Коллекцию
когда-то милых
Марок.
И в день рожденья
Каждый год
в подарок
Ты новые проспекты
Мне дарил.
Ты
мне казался
Все родней и проще.
Уже мне стал
Зеленый мыс знаком,
Уже
траву
нахичеванской рощи
Избороздил
Футбольным
я мячом.
Меня вводил
ты
В глубь
своих квартир,
Переступал я
Новые пороги.
И
все длинней,
длинней
Вились
дороги.
И,
как клубок,
Разматывался мир.

1945.

●

Пусть брали мы свои истоки
От разных скал
и от вершин,
Все ж
наши встретились потоки,
Чтобы сплестись в поток один.
С тех пор
одно
у нас
теченье
И волны
жгучие
одни,
Одно весеннее кипенье —
Попробуй
нас разъедини.
Теперь нам легче
Мчаться в дали,
Сдвигать
громадины
камней.
Мы глубже стали,
шире стали,
Мы стали
в тыщу раз
сильней.

1946.

ВАЛЕ

Ты со всеми нежная,
Кто тебе ни встретится.
Детство безмятежное
В твоих глазках светится.
Ласковая,
смуглая,
Не по годам
рослая,
Ты строга
лишь с куклою,
С ней
совсем ты взрослая.
То так мило хмуришься,
То блестишь улыбками,
Так,
что залюбуешься
Ямочками зыбкими.
Как ты переменчива!
С женскою повадкою
В зеркало
застенчиво
Ты глядишь украдкою.
Маленькая модница.
Быстро время катится,
Для тебя приходится
Шить с запасом платьица.
Жизнь
веселой,
пламенной
Для тебя
раскинется,
Баловница мамина,
Общая любимица.

1948.

НОВЫЕ СТИХИ

●

Цивилизация
была
в родстве
когда-то
С культурою.
И тем
была сильна.
Они не сестры
в наши времена,—
Теперь
не век
Перикла
и Сократа
Исчезла
та гармония
с веками —
Их
юное,
античное
родство.
А станут
вдруг
смертельными
врагами...
Жизнь
всей земли
зависит от того.

ВОЛШЕБСТВО

Мы
не забудем
тот
полет,
Полет
гагаринской
ракеты.

Так
ликовал
тогда
народ,
Почти как в майский
День Победы.
Какой
неистовый
восторг
И окрыленность
вдохновенья...
А был
всего
один
виток,
По сути дела,
лишь мгновенье.
А ныне,
ныне
месяцá
Живут
там, в космосе,
земляне,
И мы
их слышим
голоса,
Их видим
на телеэкране.
Глядим
на них,
как на родных,
День отдаем
им, сильным,
смелым,
И все ж
считаем
подвиг их
Отважным, но привычным делом.
Как жаль,
что прелесть
волшебства
Уже
не так
нас увлекает...
Суть
человека
такова,
Что ко всему
он привыкает.

ЛЕТАЮЩИЕ СТАРУШКИ

Вдруг
почему-то,
свой покой нарушив,
Они
стремятся
в дальние края.
Их,
седеньких
летающих старушек,
Встречал
на всех туристских трассах
я.
Что гонит их?
С какой,
скажите,
стати
Они летят
в Афины,
в Амстердам?
Их кукольно-серебряные
пряди
Слегка
как бы приклеены
к вискам.
Чем
их влечет
севильская коррида?
К чему,
зачем им
этакий порыв —
Взбираться
вверх
по жарким камням
Крита
И жадно
целить фотообъектив?
На разворот античной колоннады
Что заставляет
в путь собраться их,
Оставив ферму
на земле Канады
И внучек
обожаемых своих?
Зачем
нужны им
Африки холмы
Или мечети
знойного Багдада?..
Они летят
от старости куда-то
За тыщу верст,
как птицы
от зимы.

ИНЕРЦИЯ

Нет ничего
страшней
инерции,
Ее
обманчивого
зла.
И даже гибель
Древней Греции
Не с ней ли
связана была?
Меня не так пугают беды —
Переживу я
их в душе,
Боюсь
инерции
победы,
Что
поражение
уже.
Страшна
инерция
успеха,
Но, может быть,
еще страшней
Азарт
инерции
разбега
В наш век
предельных скоростей.
А мы
порой
в наивных корыстях
Свой воздух
губим,
Нашу Землю
не щадим.
И эту
все растущей скорости
Инерцию
Зовем
прогрессом мировым.

●

Поведаем
все тайны
о себе,
О своих бедах,
о своем характере
Случайному
соседу
по купе —
То,
что стыдимся
рассказать
и матери.

ЕСЛИ ЗЛАЯ ЖЕНА...
(Грустные попевки)

Если злая жена
Все молчит о своем,
Можно дружно молчать с ней
тогда,
Если ж злая жена
Говорлива притом,
Так и знай — скоро грянет беда!

И со злою женой
Может счастлив быть муж,
Если тянет на люди ее,
Если ж злая жена
Домоседка к тому ж,
Ох, и трудное с нею житье!

Если злая жена
К мужику холодна,
Все же можно с ней жить мужику,
Если ж злая жена
В мужика влюблена,
Той любви не желай и врагу!

12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Орбиты жизни

Евгений РЯБЧИКОВ

«Вот это да!»— воскликнул Михаил Шолохов, когда узнал в Вешенской о подвиге Юрия Гагарина. В его ликующем возгласе отразились и всеобщий восторг, и удивление, и восхищение, и озадаченность: что будет дальше? Вместе с нашей страной радовалось все человечество, и каждый, наверное, впервые почувствовав себя приобщенным к всемирному торжеству, ощутил прилив сил, увидел новое небо.

И тогда, в «звездный час» человечества, прозвучало Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству. Его и сегодня нельзя читать без волнения. «Победы в освоении космоса,— говорилось в Обращении,— мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле».

В Обращении была четко и ясно изложена советская стратегия исследования и освоения космического пространства: «В этот торжественный день мы вновь обращаемся к народам и правительствам всех стран с призывным словом о мире...».

Константин Эдуардович Циолковский... Это он, скромный и великий калужанин, обратил внимание на талантливого юношу Сергея Королева — будущего конструктора ракетно-космических систем. В бревенчатый домик над Окой студентом пришел Сергей Королев, а вернувшись в Москву, решил строить не любимые им планеры и самолеты, а космические ракеты. Последователи К. Э. Циолковского приняли его завет: исследовать и осваивать космос только в мирных целях.

Мне посчастливилось встретиться с Константином Эдуардовичем еще в начале тридцатых годов, говорить с ним.

Был я в Калуге и в тот незабываемый день, когда по крутой узкой лестнице дома Циолковского поднялся Юрий Гагарин. Он был счастлив, весел, полон энергии. Очутившись в спартански скромной обители гения, Юрий Гагарин затих, и с чувством сыновней благодарности осматривал комнату и, как мне показалось, безмолвно рапортовал «отцу космонавтики» о своем полете, и о Звездном городке, и о созданной науке, изучающей космос, и о космической индустрии, и о своих друзьях, готовых совершить новые полеты к звездам.

С той поры стало традицией — после каждого нового рейса к звездам космонавты едут в Калугу с «отчетом» К. Э. Циолковскому о проделанной ими работе на орбите, участвуют в «Чтениях К. Э. Циолковского». Эта высоконравственная традиция имеет большое значение для воспитания космонавтов и привлечения к исследованиям талантливой молодежи. Традиция прочна и несет в себе мощный заряд душевной чистоты, моральной стойкости, уважительного отношения к великой истории.

Сегодня в Советском Союзе, с его космодромов, ежегодно запускается в среднем сто различных космических летательных аппаратов. Космонавтика стала неотъемлемой частью народного хозяйства: с ее помощью открыты месторождения нефти, газа, руд и углей, оказана существенная помощь строителям БАМа в выборе среди горных хребтов наиболее удобной трассы.

Спутник за спутником, корабль за кораблем, станция за станцией — вереницей направляются караваны советских летательных аппаратов в ближний и дальний космос. Одни из них помогают метеорологам изучать атмосферу и строить долгосрочные прогнозы погоды, другие стали верными друзьями геологов, третьи обогащают сокровищницу знаний о нашей Земле, исследуют Венеру и Марс, встречают загадочную комету Галлея. Есть спутники, которые занимаются сельским хозяйством — в масштабах всей страны наблюдают за освобождением полей и пастбищ от снежного покрова, подготовкой полей к севу или уборке урожая. С помощью космических летательных аппаратов госцентр «Природа» выполняет огромную по масштабам работу в интересах всего народного хозяйства. Более 800 научных, проектных и изыскательских организаций СССР используют материалы космических съемок для строительства городов, дорог, промышленных предприятий, инвентаризации лесного фонда, землеустройства, создания точных карт.

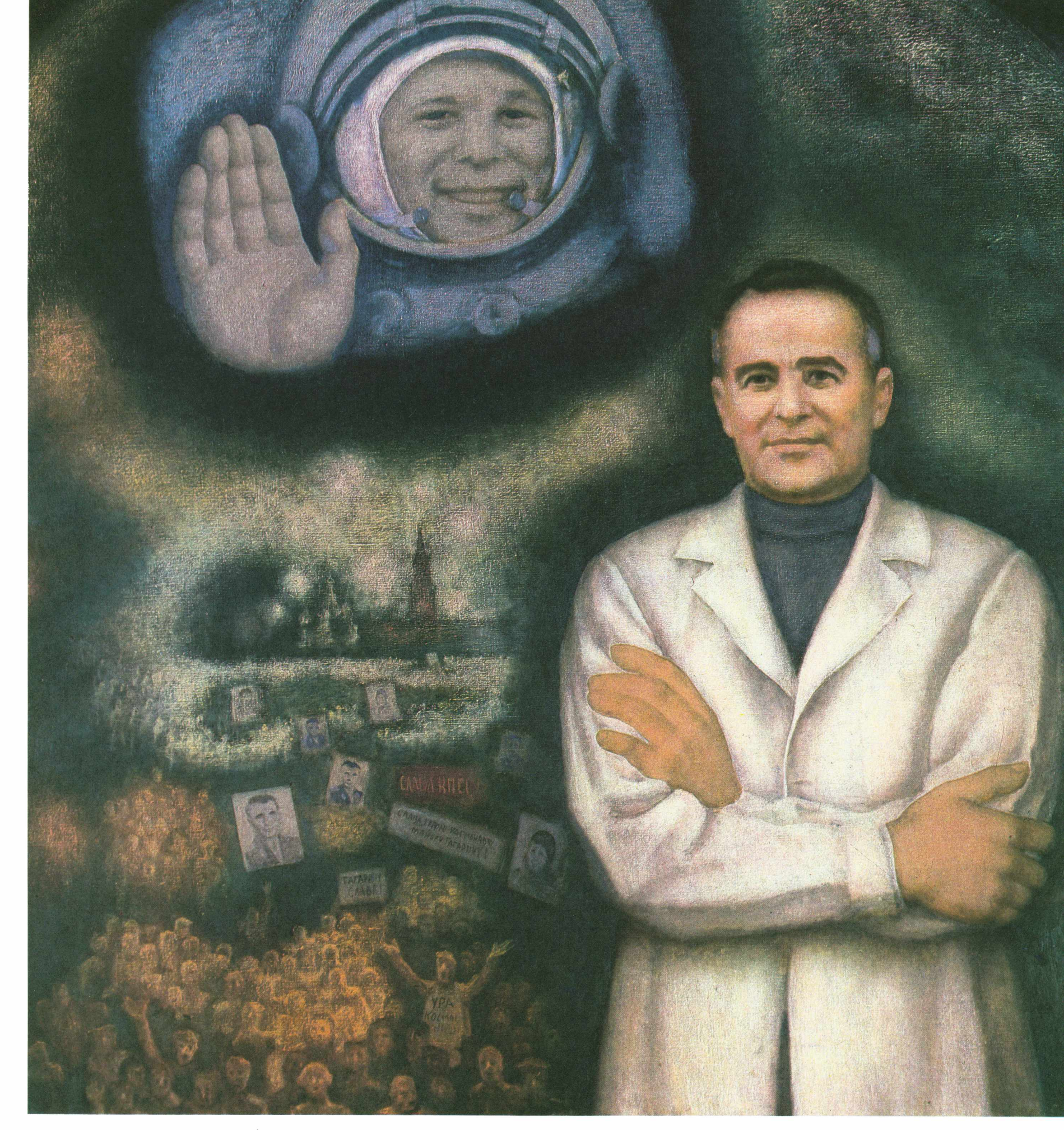
Ни одна отрасль науки и техники не развивалась так стремительно, как космонавтика. Эра космоса, в сущности, только началась, а одно лишь ракетостроение вызвало к жизни более 300 новых специальностей и профессий. И все это за ничтожно короткий срок!

Из мирных, заботливых и полезных дел состоит вся стратегия и тактика советской космонавтики: служить делу мира, на благо всего человечества.

Но... Живем мы на небольшой планете, на которой много разных стран и правительств и так различны социальные и политические условия. Первыми открыв дорогу к звездам, советские люди протянули руку дружбы всем людям Земли, призывая их оберегать космос, как и свою планету, от всех и всяческих попыток милитаризации.

Сейчас над нашей полной жизненных сил, единственной в Солнечной системе прекрасной планетой Земля занесена «звездная секира». Человечество взволновано подготовкой в США «звездных войн»— милитаризацией космоса, использованием в военных целях спутников и космических кораблей, оснащенных лазерным, лучевым, вакуумным и иными видами сверхсовременного оружия.

Империализм провозглашает звездные войны. Социализм призывает к звездному миру. Не могу не вспомнить сегодня вещие, призывные, вселяющие силу и веру в победу жизни слова Максима Горького: «Человек есть вселенная, и да здравствует вовеки он, несущий в себе весь мир».

С. Дудник. Род. 1913. ПЕРВЫЙ ПОКОРИТЕЛЬ КОСМОСА Ю. А. ГАГАРИН И С. П. КОРОЛЕВ. 1984.

Художественная выставка «Земля и люди».

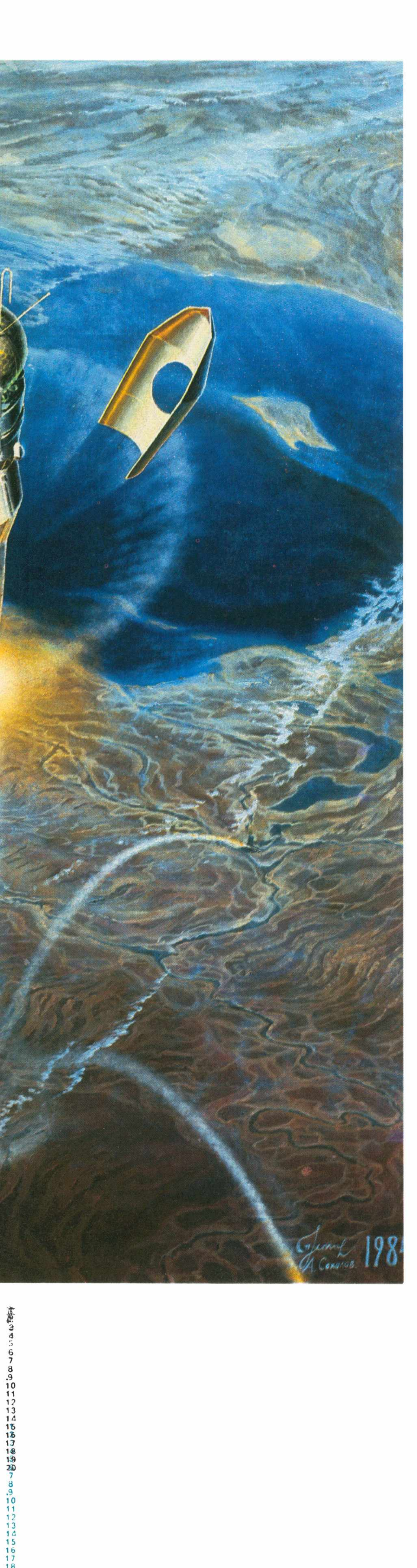

ВПЕРВЫЕ В ОТКРЫТОМ КОСМОСЕ

ВПЕРВЫЕ В МИРЕ НА ОРБИТУ

А. Соколов. Род. 1931, А. Леонов. Род. 1934. ЛЮДИ ГРЯДУЩЕЙ ПЛАНЕТЫ. Триптих. 1984.

НА РАБОТУ В ОТКРЫТЫЙ КОСМОС

Художественная выставка «Земля и люди».

А. Плотнов. Род. 1916. ЮРИЙ ГАГАРИН. 1982.

Таинственный и величественный мир

Африканская народная скульптура удивительно многообразна. Кажется, что отдельные маски и статуэтки вышли из экспериментальной лаборатории, где идет поиск все новых и новых изобразительных приемов. Многие резьбы словно списаны с натуры, тогда как другие выглядят фантастическим сочетанием геометрических форм — конусов, цилиндров, кубов.

Раскрыть секреты этого искусства, постичь его скрытый смысл — увлекательная задача. Но как не заблудиться в этом таинственном и величественном мире народного воображения? И здесь книга Ан. А. Громыко «Маски и скульптура Тропической Африки» оказывается хорошим помощником.

Член-корреспондент АН СССР, историк, посвятивший немало своих работ актуальным проблемам африканского континента, Ан. А. Громыко побывал во многих его областях. Именно там он впервые увидел скульптурные изделия из дерева, слоновой кости и бронзы, которые произвели на него неизгладимое впечатление своей выразительной, своеобразной красотой. Первоначальный интерес быстро перерос в увлечение, побудившее ученого заняться всесторонним изучением народного изобразительного искусства.

Работа оказалась огромной. Наряду с непосредственным изучением африканской народной пластики следовало ознакомиться и с научной литературой по этому вопросу, а она исключительно богата. Народная скульптура Тропической Африки стала привлекать к себе действительно широкое внимание на рубеже XIX—XX веков, хотя, как справедливо подчеркивает автор, ее знали и много раньше. Вспышка интереса к привозимым из-за моря странным фигуркам не была случайной. В те годы Европа «открывала» для себя все богатство и разнообразие существующих в мире национальных культур, и впервые ее убежденность в превосходстве «своей» цивилизации над цивилизациями других народов была основательно поколеблена. Тогда же в кругах молодой творческой интеллигенции шел поиск новых форм изобразительного искусства, нового видения мира. В японской гравюре, в персидских миниатюрах, в африканской скульптуре она обнаруживала, как ей представлялось, ответ на волновавшие ее вопросы.

С той поры интерес к африканской пластике устойчиво сохраняется. Он благоприятствовал созданию крупных музейных коллекций народной скульптуры и появлению большого числа посвященных ей исследовательских работ, но одновременно породил на Западе целую волну ложных, предвзятых оценок, фальшивых от начала до конца концепций. Это объясняет, почему советскому ученому пришлось уже на первых шагах уделить самое большое внимание критике различных буржуазных взглядов на народное изобразительное искусство Тропической Африки.

Ан. А. Громыко с полным основанием резко осуждает односторонний подход западного искусствоведения к африканской пластике и ее сближение с различными модернистскими течениями современного западного искусства. Он подчеркивает неправомерность абсолютизации присущих народной скульптуре черт стилизации и условности. С не меньшей остротой возражает автор и против попыток западных критиков объявить народное изобразительное искусство Африки «примитивным», исследователь аргументированно отмечает его духовное богатство и художественную силу.

Книга открывается описанием скульптуры Нигерии. Этот выбор ученого оправдан исключительным, даже по африканским масштабам, богатством нигерийских культурных традиций. Именно здесь, в древней религиозной столице йорубов Ифе и в центре крупной средневековой империи Бенине мастерство скульпторов достигло своей вершины: их изделия из бронзы и слоновой кости принадлежат к числу величайших достижений мировой культуры.

Если верить археологам, а их выводы подкрепляются и народными преданиями, искусство бронзового литья пришло в Бенин из Ифе. Однако, как отмечает ученый, стиль бенинских бронз совершенно своеобразен. В прошлом они могли изготовляться только по особому приказанию государя — обы. Литейщики образовывали при дворе замкнутую гильдию во главе с вождем. Сам металл, с которым они работали, считался таким же благородным, как золото или серебро.

И среди йорубов в Ифе, и у бини Бенина, как и среди фонов соседней Дагомеи, бронзовая скульптура была придворным искусством, и мастера-литейщики обслуживали почти исключительно нужды двора. Вероятно, они в известной мере сознательно противопоставляли стиль своих изделий стилю «деревенской» скульптуры, которая была целиком народной. Однако влияние многовековых эстетических традиций на бронзовое литье в трех его важнейших центрах в Западной Африке оставалось сильным. Оно проявлялось в характерных для статуэток из металла пропорциях, в сущности, повторявших пропорции народной пластики, в их фронтальности, то есть в расчете на восприятие зрителем, стоящим прямо перед скульптурой, и в некоторых других подробностях.

Существование при царских дворцах замкнутых гильдий литейщиков само по себе было продолжением древней традиции, запрещавшей работать с металлом людям, которые не прошли через особые обряды. Запрет был столь строг, что во многих западноафриканских обществах кузнецы вообще образовывали обособленную касту. И именно они, добившиеся права работать с металлом, были одновременно и резчиками по дереву. Образы мифических героев, духов и божеств, созданные воображением всего народа, ими воплощались в материале — дереве, иногда железе или камне.

Может быть, самое трудное при первой встрече с африканской народной скульптурой — это понять своеобразие эстетических принципов, которыми руководствовались ее безымянные создатели. Но и этого мало для правильной расшифровки смысла, вложенного народом в то или иное произведение. Не менее важно узнать легенды и мифы, культурные традиции, которые выражались мастерами в их работах.

Ан. А. Громыко вдумчиво разбирается в представлениях африканцев о прекрасном. Ученый тщательно прослеживает логику мысли мастеров. В результате он дает читателю своего рода ключ к многим загадкам африканской скульптуры. В частности, его книга помогает перешагнуть через барьер, создаваемый экзотизмом, необычностью африканского изобразительного искусства, его непривычностью для нашего взгляда.

Во время своих поездок в Африку ученый не раз наблюдал народные праздники и гулянья, присутствовал на религиозных церемониях и прекрасно знает, как органично включена скульптура в народный быт. В своей книге он посвящает немало интересных, содержательных страниц рассказу о роли масок и статуэток в обрядности, в поддержании существующего общественного порядка. Вместе с тем автор убедительно показывает, как праздничный маскарад утрачивает свой былой священный характер, превращаясь в яркое театрализованное зрелище. «Четкое деление на артистов и зрителей во многом определяет развлекательную роль, которую уже в наше время нередко призвана играть маска»,— отмечает он.

Хотя искусство Ифе и Бенина — это, несомненно, высшее достижение африканской культуры, во многих районах континента существовали очаги своеобразной деревянной скульптуры. Ан. А. Громыко кратко характеризует пластику различных районов Африки, описывая особенности создаваемых там статуэток или масок. В конечном счете в книге складывается картина нескольких культурных зон, в каждой из которых преобладал стиль, созданный каким-либо одним из населяющих ее народов. Автор подробно рассказывает о деревянной пластике Западного Судана, на стиль которой наиболее глубокий отпечаток наложили мастера народностей бамбара и малинке. Более разнородна скульптура Гвинейского побережья, где сталкиваются несколько различных «школ». В особую культурную зону в книге выделены Северо-Восточная Нигерия, Камерун и Габон. Выразительностью скульптуры славится бассейн реки Конго.

Как складываются в Африке судьбы народной скульптуры сегодня? Ее сравнительно недавнее прошлое было трагичным. Неделями пылали костры, на которых миссионеры сжигали деревянных идолов. Долгое время она не пользовалась должным признанием и у молодой африканской интеллигенции. Наконец, стремительно происходило разрушение социально-культурной среды, в которой могла существовать и развиваться народная пластика.

Ан. А. Громыко поэтому прав, когда с горечью пишет о том, что время расцвета этого искусства в Тропической Африке осталось далеко позади. И все же было бы ошибкой считать, что оно целиком исчерпало себя. Напротив, как отмечает ученый, сейчас намечается его возрождение, правда, в обновленных, непохожих на старые формах. Талант деревенских резчиков по дереву, кузнецов-скульпторов не оскудел.

«Африканское традиционное искусство принадлежит мировой культуре»,— подчеркивает автор в заключительном разделе книги, и этот вывод подтверждается всем ее содержанием.

В. ИОРДАНСКИЙ,
доктор исторических наук.

Ан. А. Громыко. Маски и скульптура Тропической Африки. М., «Искусство», 1984, 351 стр.

СЧАСТЬЕ АКТРИСЫ

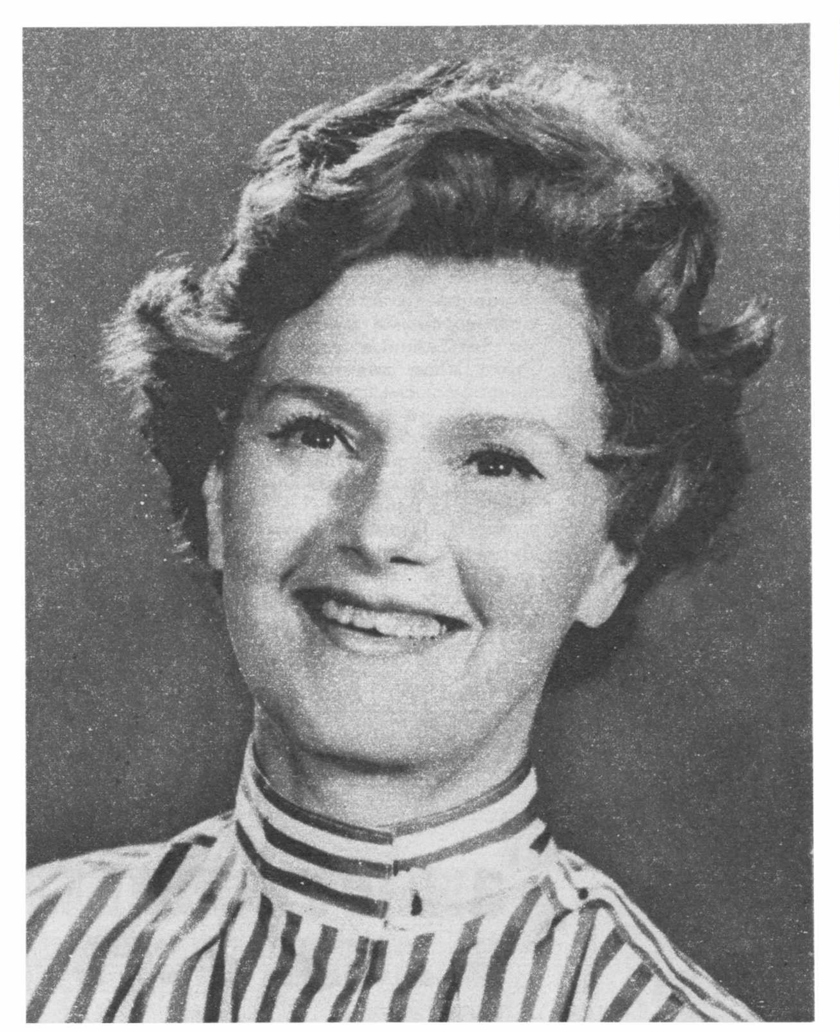

Фото М. Чернова.

Говорят, что актерство — дар божий. Но подарки со временем тускнеют, теряют былую привлекательность и блеск. Талант глубже, значительнее. Его неотъемлемое качество — ежеминутный труд, динамичное обновление. Пожалуй, в творчестве Героя Социалистического Труда, народной артистки СССР Юлии Константиновны Борисовой было немало мгновений, которые можно назвать «звездными». Например, в «Принцессе Турандот», когда ныне прославленное второе поколение Вахтанговского театра дало новую жизнь бессмертному творению основателя коллектива.

Поколение Юлии Борисовой — а это Михаил Ульянов, Юрий Яковлев, Владимир Этуш, Александр Граве, Георгий Абрикосов — составляют «костяк» сегодняшней труппы театра имени Евг. Вахтангова. И разве это не актерское счастье, выпавшее на долю Борисовой,— быть достойным наследником и продолжателем дела учителей, идей и художественных открытий старейшин. Но ей выпала и честь передать эстафету тем, кто сегодня приходит в театр, своим вдохновенным примером служить образцом молодой поросли вахтанговцев, отдавать талант следующему поколению. И в этом тоже актерское счастье Юлии Константиновны Борисовой.

Многим известно, как неохотлива Борисова на «беседы» и «дискуссии». На страницах журналов и газет не встретишь интервью актрисы. Это ее принцип — утверждать делом, а не доказывать словом. Делом помогает она и коллегам, советом и действенной помощью. Заинтересованно, профессионально, вдумчиво обсуждает пути повышения творческого потенциала областных и городских театров, тревожится, почему снижается общественный авторитет актерской профессии.

В ее выступлениях на пленумах Всероссийского театрального общества, членом президиума которого она является, всегда содержатся конкретные предложения, что необходимо сделать, о чем подумать в решении насущных творческих и организационных задач, стоящих перед театром...

Искушение славой, успехом нередко сопутствовало творческой судьбе Борисовой. Вспомним лишь Вальку из «Иркутской истории» и Павлину из «Стряпухи». Такие роли-легенды, роли-мифы остаются прекрасными и безгрешными в рассказах современников, но оборачиваются иной раз своей противоположностью, если сам актер уверует в безусловность столь высоких оценок.

Легенды и мифы — непременные и непреодолимые спутники театральной истории и особенно актерской биографии. Они восхищают своей обаятельной дерзостью, завораживают наивностью и подчас преувеличенным значением. При всей легендарности актерское творчество — все-таки достояние современников.

Когда знакомишься с новыми ролями Борисовой, остается ощущение, что эту простую истину актриса поняла очень рано и даже в самый звездный свой час не нежилась в лучах славы, былых заслуг и свершений. Современница — и это главный образ Борисовой — продолжает сегодня свою жизнь, свое утверждение нравственных и духовных идеалов.

При всем обилии сыгранных ролей Борисова подолгу «ведет» своих героинь по жизни, подолгу не отпускает их от себя, играя каждый раз по-новому.

Принято писать: «Мне довелось видеть один из первых спектаклей». Мне же довелось видеть один из последних спектаклей «Варшавской мелодии», где Юлия Константиновна в дуэте с Михаилом Ульяновым являли образец непреходящего чувства единственности и неповторимости актерского мига, первозданности творимой на сцене жизни своих героев. И поэтому ненаигранной казалась безоглядность и юность их Гелены и Виктора, поэтому таким чертом, лешим влетала героиня Борисовой на сцену и сталкивалась со своей судьбой, с тем, что на всю жизнь покорило ее сердце. За этой кажущейся ветреностью открывались твердость, упорство характера, жизнелюбие и открытость души.

Эта «старая» роль в чем-то приоткрывала характер самой актрисы — решительный, настойчивый, самоутверждающий и в то же время чуткий, светлый, рожденный для искреннего чувства любви к сцене, к зрителям. Пожалуй, в этом и заключается главное счастье Юлии Борисовой.

Б. ПЕТРОВ

Зоре

ТАВОЛГА

Есть в Подмосковье старинное село Никольское-Урюпино, известное в округе Никольской церковью XVII века и уцелевшими остатками усадьбы князей Голицыных, замечательного памятника эпохи раннего русского классицизма. Из Москвы до Никольского-Урюпина можно доехать на автобусе, а можно на электричке — с Рижского вокзала до станции Опалиха, а потом пешком через лес.

Так вот, если идти в село лесной тропой, то примерно на полпути встретится глубокий овраг, по которому течет безымянный ручей. Крутые склоны оврага заросли бузиной, малинником, крапивой, молодой ольхой.

Переходят ручей по бревнам, переброшенным с берега на берег. На бревнах можно посидеть, отдохнуть, поболтать босыми ногами в быстрой воде, ощущая ее текучую прохладу.

А чуть выше по течению ручей делится надвое холмиком-островком, до самой макушки заросшим таволгой. Пышная светло-кремовая пена соцветий покрыла, залила островок, медовый аромат затопил овраг, застоялся в высоких травах, в ольховой листве.

Бежит лесной ручей по мелкому галечнику, спешит, торопится, сам с собой на бегу разговаривает. А лепестки таволги от жары, от горячего тока воздуха облетают, падают в воду, плывут, подхваченные бойкой струей.

Наклонись над ручьем, зачерпни ладошкой воды — медом пахнет вода!

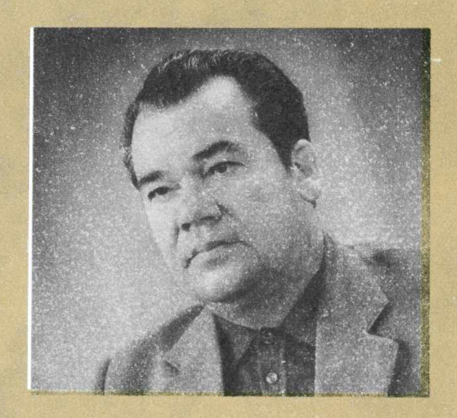
Пройди сто, двести, триста шагов вниз по ручью, снова зачерпни воды, омой лицо — медовый запах сладко закружит голову.

Еще пройди, еще, излучину за излучиной, версту за верстой — таволга будет напоминать о себе в каждой капле, которую ручей бережно вынес из леса.

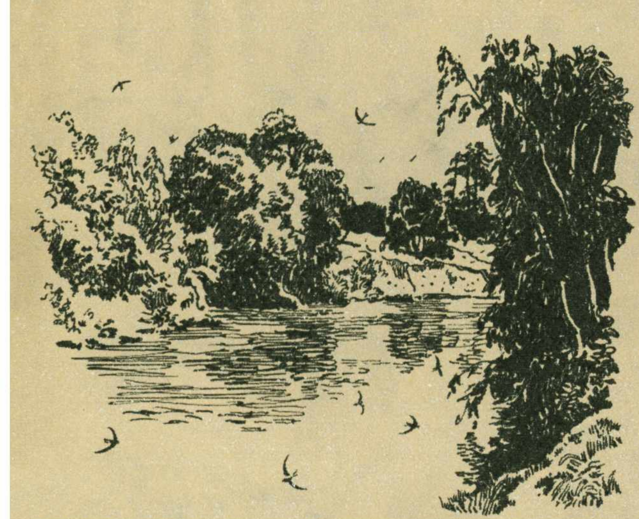
И так до светлой Истры, до реки Москвы. До Волги, до самого синего моря.

Федор ХАЛТУРИН

вая светлынь

Рисунки И. ПЧЕЛКО

БЕРЕГОВУШКИ

Недалеко от деревни Трусово Истра делает крутой поворот вправо. Река на повороте убыстряет свой плавный ход, с силой ударяет в левый берег, крутым обрывом нависший над водой.

Вот его-то и облюбовали ласточки-береговушки. Грунт здесь мягкий, нору для гнезда отрыть нетрудно, прокормить себя и птенцов — а их у береговушек бывает до шести у каждой пары — есть чем: вокруг раскинулись низинные луга с болотными травами, густые заросли лозняка, тихие, прогретые солнцем мелководные старицы. Истинная благодать для комаров, мошек и прочей насекомой живности!

Не один год гнездятся здесь береговушки, многие десятки нор зияют входными отверстиями в стенках обрыва. Каждая нора заканчивается небольшой пещеркой, дно которой выстлано сухими травинками, перьями, утиным пухом. Уютно в таком гнезде птенцам. Вылупившись из яиц, они почти три недели, до вылета, живут в нем.

Дружными стайками низко-низко носятся береговушки над речным плесом, над мокрым лугом. Охотятся на лету, добывают пищу для прожорливых птенцов.

По реке одна за другой проносятся легкие байдарки. Гребцы стараются прижаться к правому берегу, энергичнее орудуют веслами, чтобы не снесло течением, не прибило к обрыву, где лодка может угодить в водоворот.

А ласточки, очевидно, думают, что туристы-байдарочники держатся подальше от левого берега, чтобы не беспокоить подросших птенцов...

По берегу вдоль обрыва узкой змейкой вьется тропинка. С каждым годом тропинка изгибается все круче и круче, отдаляясь от берега: люди не рискуют ходить по кромке обрыва.

А ласточки, небось, думают: вот, мол, как заботливо берегут люди тишину у гнездовья, обходят стороной птичье жилье...

ЕЛОЧКА

Она выросла на лесной опушке, в десяти шагах от тропы, протоптанной грибниками вдоль левого берега речки Пажи, множество людей каждый день проходило мимо, не замечая ее — стройную, пригожую в своем строгом наряде. Да, да, не замечая, потому что рядом с нею поселились березы и липы, ее обступили крушина и калина. В зоревые, благодатные дни весны, после теплых майских дождей, когда елочке так хотелось быть на виду, ее соседки оделись в пышные платья и застили белый свет, заслонили от ласкового солнышка, от веселого ветра, который прилетал с заречных ромашковых лугов. Так и простояла елочка все лето в тени, в зеленом полумраке, в тоскливом одиночестве, терпеливо дожидаясь своего часа.

И ведь дождалась!

В начале минувшей недели, на исходе бабьего лета, северный ветер пригнал с далекого моря угрюмые тучи, они пролились над лесом холодным, злым дождем, потом ненадолго прояснило, а ночью на опушку пал первый утренник. Осыпались, облетели с деревьев и кустарников желтые, оранжевые, багряные листья, остались елочкины соседи без своих пышных нарядов — и будто расступились перед нею, отошли в сторонку, открывая ей выход на широкую дорогу, на вольный простор.

Торопливо бегут вдоль лесной опушки короткие осенние деньки, курлычут в поблекшем небе журавли, плывут в заречные дали последние нити серебряной паутины, спешат за поздними опятами грибники, и редкий из них не остановится, не залюбуется елочкой, на которую все лето никто не обращал внимания.

А соседки-березы подарили ей целую пригоршню золотых монист, чтобы не держала, значит, зла на сердце, не помнила обид.

Ах, какие там обиды! До них ли теперь елочке! Стоит на лесной опушке, рада-радешенька своему счастью, и все знают, все видят: вот она, ненаглядная северная царевна, изумрудная краса предзимнего леса.

ОПАЛИХА

Пахнет палым листом.
Пахнет паленым листом.

В подмосковном поселке Опалиха владельцы садовых участков жгут опавшие с яблонь листья.

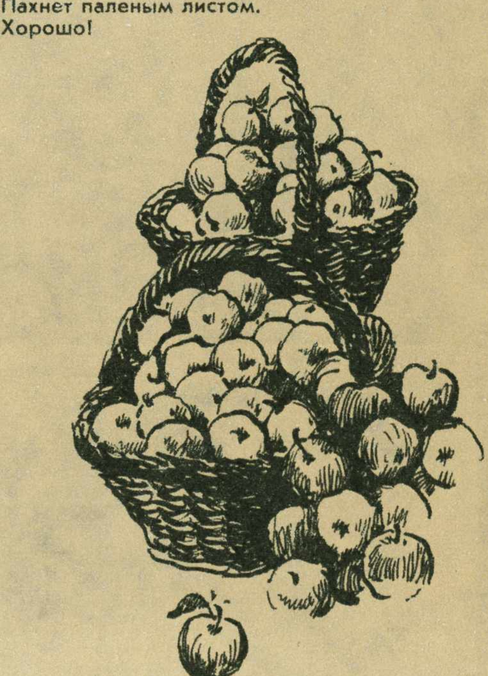
Дым от костров белыми облачками лениво поднимается вверх, долго висит над крышами, исподволь истаивая, растворяясь в пустынном, словно осиротелом небе. Одно облачко токами нагретого кострами воздуха отнесло к одинокой ели, дым застоялся в ее вершинных сучьях, в густой хвое и долго кадит над облетевшими березами и осинами.

А в подвалах и погребах почитай чуть ли не до весны поселился крепкий яблочный дух: здесь в древесную стружку, в сухой мох уложены про запас отборные плоды зимних сортов — уэлси, богатырь, коричное новое, россошанское полосатое... По три, по четыре месяца сохранят они, к радости хозяев и их гостей, свой аромат, вкус, свежесть.

Ну, а у самых домовитых, у тех, кто помнит и соблюдает добрые обычаи дедов и прадедов, обязательно стоят в погребах бочки с антоновскими яблоками, снятыми после первых утренников: спелыми, крутобокими, зеленовато-лимонного отлива. Замоченные по давнему, ныне почти забытому рецепту — в колодезной или родниковой воде, с небольшой добавкой сахара, соли, ржаной муки, переложенные соломой,— яблоки постепенно, к заветному сроку, набирают добрую крепость и силу, отменный, ядреный вкус, словно ждут, когда в студеный декабрьский вечер в дом постучится желанный гость. Вот тогда-то и ставят их на стол — на резном деревянном блюде, чудом уцелевшем с бог весть каких времен среди заграничной сервизной посуды. Ставят как дорогое, истинно русское, редкое в наше время угощение, не сравнимое ни с каким деликатесом, пусть он хоть трижды будет заморским. Ешь да похваливай, хозяйка еще добавит, благо урожай антоновки минувшим летом был обильным...

Клубятся белые дымки над Опалихой, истаивают в похолодавшем осеннем воздухе.

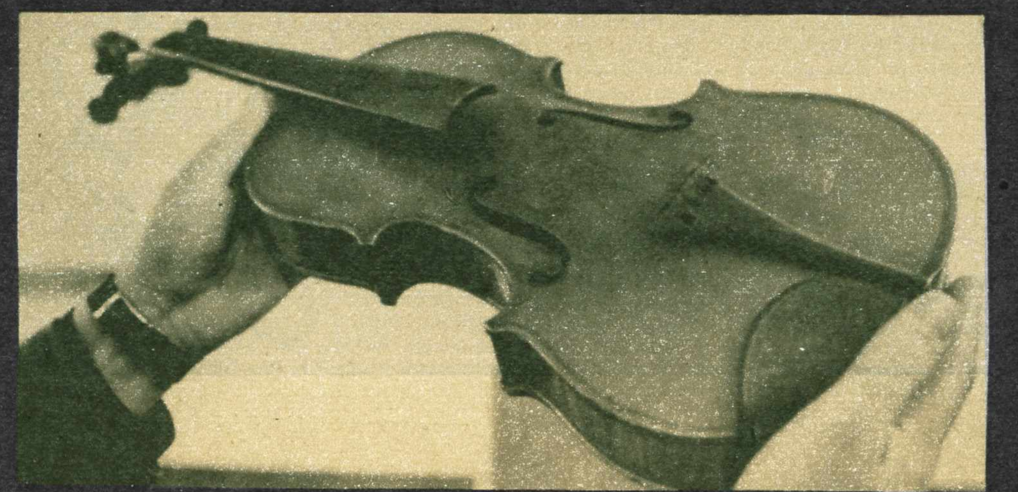
Пахнет палым листом.
Пахнет паленым листом.
Хорошо!

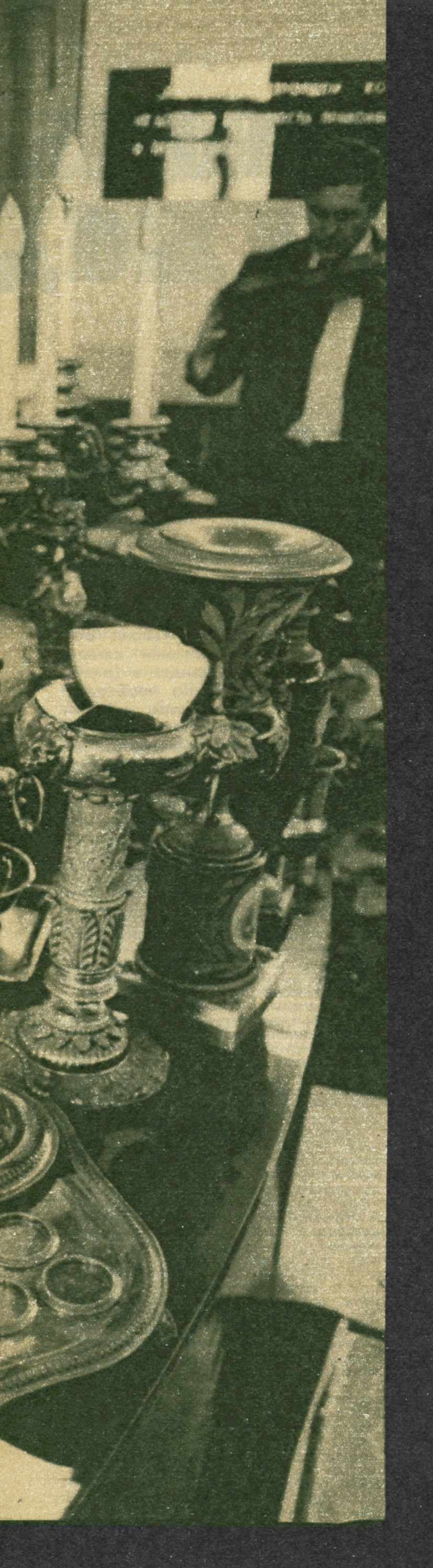
Тончайшей работы серебряные изделия.

Сценка из прошлого. Фарфор.

На скрипке — имя Страдивари!

К Л

Столовое серебро.

Первая английская марка из фамильного альбома марок.

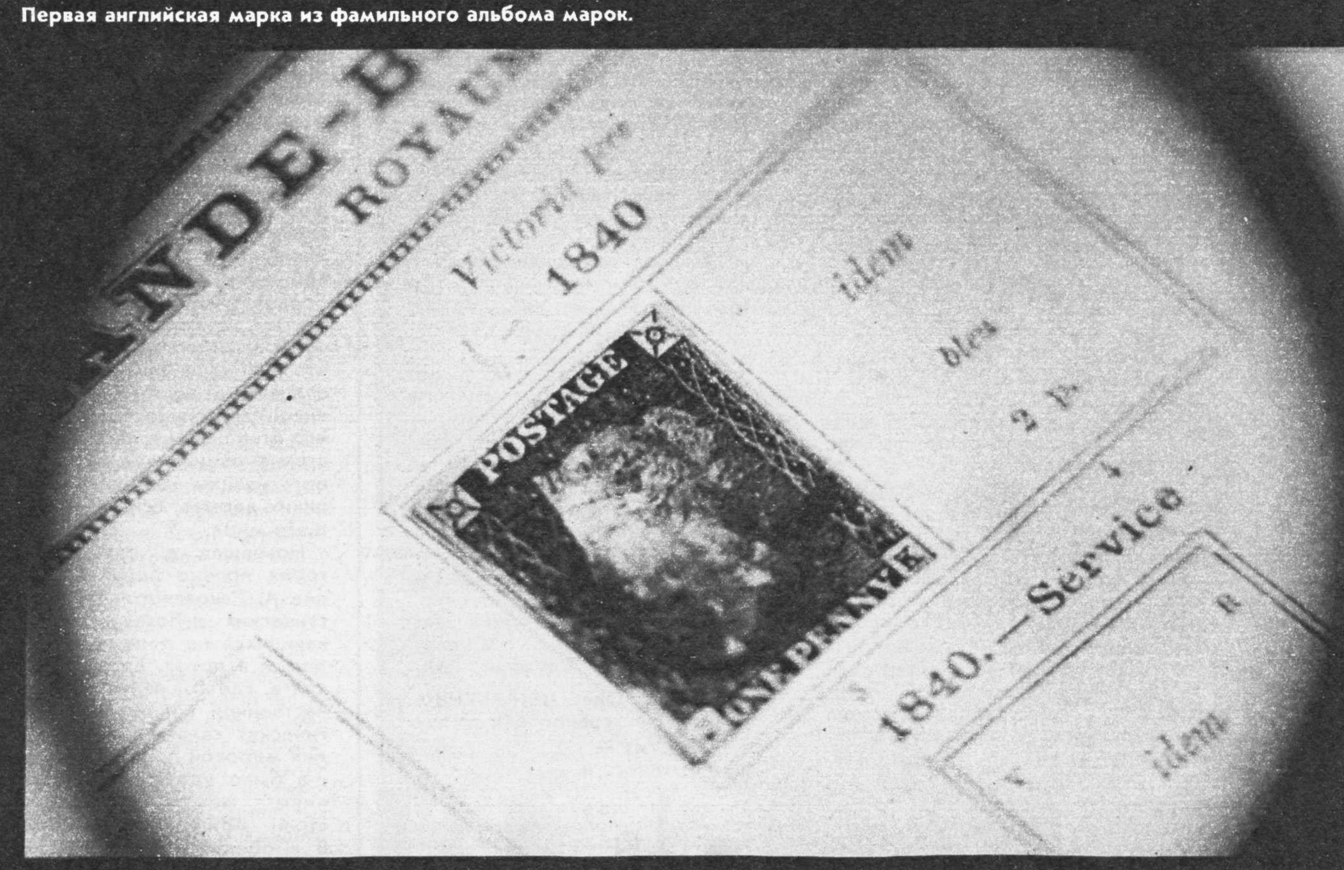

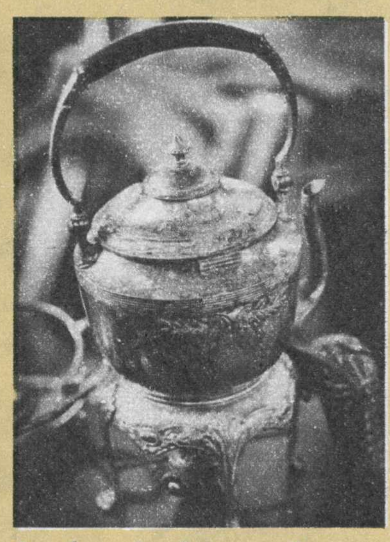
Фото Ю. ЩЕННИКОВА («Вечерний Ленинград»)

А Д

Почти семьдесят лет пролежал он в тайнике, который нашли строители, разбиравшие старый ленинградский дом.

Никто пока не может точно сказать, как сложилась послереволюционная жизнь бывшего петербургского чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел В. Н. Лабзина. Можно, однако, предположить, что богатую квартиру свою он покидал не второпях, твердо рассчитывая чуть погодя, после всех бурь и потрясений, вернуться к привычной, сытой и спокойной жизни.

Возвращение предполагалось отметить шампанским (запасен был целый ящик), бутылью вишневой наливки, хорошим кофе, шоколадом и т. п. Ибо человеком Владимир Николаевич был, судя по всему, обстоятельным и хорошо представлял, какие трудности

Серебряный чайник из тайника.

могут ожидать его на первых порах в разоренном, голодном городе. А посему учел, кажется, все, заботливо перетащив в кладовку пуховые подушки и атласные одеяла, ковры, халат, несколько фраков, шуб из дорогих мехов, другое платье, обувь, шляпу, в изобилии белье и многие иные предметы мужского (и дамского) туалета. Не забыты были также разнообразнейшие столовые принадлежности из серебра, бронзовые каминные часы, два телефонных аппарата, гардины, самовар... В общем, около тысячи предметов домашнего обихода отложил «на черный день» чиновник Лабзин, и перечислять их — все равно, что подробно описывать содержимое комодов, буфетов, шкафов состоятельного семейства, жившего здесь на восходе века.

А потому легко представить удивление наших современников, молодых строителей треста № 2 управления капитального ремонта В. Быстрова, В. Попова, А. Парфеевец, С. Третьякова, их мастера В. Трусова, волею случая внезапно оказавшихся среди этого антиквариата.

Случаем, как водится, управляла судьба, орудием своим избравшая обыкновенный отбойный молоток, с помощью которого Владимир Быстров и его товарищи разбирали перекрытие потолка в доме № 16 по 2-й Красноармейской улице. Дому подошел срок капитально ремонтироваться, и бригада работала на лестничной площадке третьего этажа. Вот тут-то возле чулана и подстерегала их неожиданность: пробив потолок, они, естественно, ожидали увидеть под ногами залитую дневным светом комнату второго этажа, а вместо этого отбойный молоток провалился в темноту. Образовавшуюся щель расширили, заглянули внутрь и... «Вроде как в машину времени угодили,— смеялись потом ребята.— Раз — и лет на семьдесят назад перенеслись!»

Да, было чему удивляться: внизу оказался искусно спрятанный двухметровой высоты тайник площадью примерно четыре квадратных метра. Делал его знатный мастер, сумевший так подогнать досочку к досочке, что никому из многочисленных жильцов шестикомнатной коммунальной квартиры № 13 за все эти десятилетия даже в голову не пришло, что антресоли-то у них с сюрпризом.

И еще каким! Вызванные строителями на место происшествия сотрудники УБХСС увидели не просто своего рода «срез» обеспеченного быта тех лет, но и обнаружили немалые ценности: собрание монет, фарфор, хрусталь, множество иных изделий работы старых мастеров. Стоимость их еще предстоит определить, но особое внимание сразу же обратили на себя три скрипки, одна из которых, в необычном деревянном футляре, если верить надписи, сделана руками уникального мастера из Кремоны Антонио Страдивари! Примечательна и коллекция почтовых марок, в которой есть редкостные первые марки Англии.

Одним словом, хозяин квартиры знал, что нужно прятать, чтобы не пропасть в грядущей жизни, да вот, пропал. И, видимо, никому не успел или не захотел рассказать о замурованных вещах.

Кстати, а откуда такая уверенность, что все вышеописанное принадлежит именно В. Н. Лабзину? Это имя на деловых бумагах, оставленных в тайнике, на изящных визитных карточках, где по-французски курсивом выделено: «Владимир де Лабзин — чиновник по делам особой важности министерства внутренних дел».

Звонить, судя по карточке, ему следовало по телефону 417-52, заходить по адресу: Санкт-Петербург, 3-я Рота, 13. Немного насторожил номер дома — вроде другой, но вспоминаю, что корпусами он выходил и на вторую и на третью Красноармейскую улицы (раньше они назывались Ротами), а по третьей значится именно под номером 13.

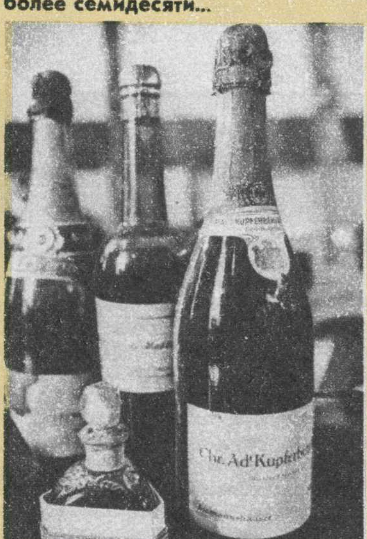
Остальное подтверждает старый справочник «Весь Петербург», из которого, в частности, узнаю, что В. Н. Лабзин был чиновником 6-го класса, а еще исполнял обязанности секретаря общества вспоможения бывшим воспитанникам Николаевского кадетского корпуса.

Вот так, на мгновение, приоткрылась завеса чужой жизни и тут же захлопнулась, не дав и намека на то, как сложилась она в дальнейшем.

Быть может, что-то расскажут вещи. К изучению их приступили специалисты Эрмитажа, Музея истории Ленинграда, Музея связи, Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, Музея музыкальных инструментов, Ленинградского общества филателистов и нумизматов. Любопытно будет узнать мнение экспертов о найденных редкостях, но, конечно, наибольший интерес вызывает скрипка, отмеченная именем великого Страдивари. Неужели подлинник?

Олег ПЕТРИЧЕНКО
собкор «Огонька»

Шампанскому — более семидесяти...

«ПОМОЧЬ ОД

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Социальная чуткость художника, способность остро воспринимать проблемы времени чаще всего проявляется на современном, сегодняшнем жизненном материале. Но в высшей степени актуально могут звучать и произведения о прошлом, если это прошлое отзывается в настоящем, если его уроки живы, поучительны.

Именно так произошло с романом Александра Чаковского «Неоконченный портрет», посвященным президенту США Франклину Делано Рузвельту. Это произведение сразу же завоевало читательскую популярность, активно включилось в общественное обсуждение путей и судеб международной политики.

Интерес к личности Ф. Д. Рузвельта традиционен для советских людей, помнящих, что именно этот американский президент осуществил дипломатическое признание нашего государства, а через несколько лет вступил с СССР в боевой союз, целью которого была борьба против гитлеровской агрессии, против фашизма. Роман как раз и сосредоточен на том, что наиболее близко нам в многосложной и достаточно противоречивой деятельности Рузвельта: на его отношении к первой в истории стране социализма, к проблемам организации сотрудничества великих держав, обеспечения всеобщего мира.

Новейшая дипломатическая история прочно привлекает внимание А. Чаковского — и в публицистических работах, горячо отзывающихся на политическую злобу дня, и в прозе. Еще в «Блокаде», книге, где сражения Великой Отечественной войны даны в стратегических связях, на фоне движения мировой политики, немало места было уделено взаимоотношениям между правительствами стран антигитлеровской коалиции. В «Победе», жанр которой автор определил как политический роман, сюжетное движение, размышления о тридцатилетнем послевоенном развитии Европы и мира опираются на материалы крупнейших международных конференций — Потсдамской встречи руководителей трех держав — победительниц 1945 года, общеевропейского совещания в Хельсинки 1975 года. Смелым, необычным шагом романиста стало образно-психологическое осмысление таких, например, документов, как протоколы потсдамских дискуссий. На основе документальных материалов, художнически преобразованных, «озвученных», и возникают в «Блокаде» и в «Победе» портреты реальных исторических лиц; линии, коллизии, в которых такие персонажи представлены, являют собой интереснейшую сторону романистики А. Чаковского.

На сей раз, повторим, книга писателя целиком посвящена фигуре крупного политического деятеля. Можно предположить, какую груду публикаций, свидетельств о Рузвельте пришлось освоить, прежде чем найти ключ к теме, приемы, способы повествования. А. Чаковский избрал основой для изображения самые последние дни президента (разумеется, обращаясь по необходимости и к ретроспекциям, проливающим свет на различные периоды его биографии). Именно в этих последних днях увидел романист особое сгущение характерных, важных обстоятельств, именно они послужили толчком воображению.

Рузвельт ушел из жизни внезапно, оставив дела, требовавшие его настоятельного участия. Меньше месяца отделяло человечество от долгожданной победы над фашистскими варварами, энергично шла подготовка к созданию Организации Объединенных Наций, с которой связывались надежды на послевоенное сотрудничество. Вместе с тем на фоне радостных, вселяющих оптимизм событий наметились осложнения в отношениях между союзниками. Западная сторона предприняла попытки отойти от некоторых ранее согласованных «большой тройкой» решений. Наконец, Запад был уличен в ведении тайных переговоров с противником в Швейцарии, в Берне.

Сложная картина международных дел, складывавшаяся в эту апрельскую пору, конечно же, не могла не быть предметом пристального внимания Рузвельта. Из такой вполне реальной посылки А. Чаковский и исходит, изображая душевный мир президента, напряженность его раздумий о настоящем, прошлом, будущем. Романист учитывает и то, что в описываемые дни у Рузвельта была, так сказать, дополнительная возможность для размышлений: время, когда он совершал прогулки в любимой резиденции Уорм-Спрингз, когда по просьбе своего близкого друга Люси Разерферд позировал художнице Шуматовой, писавшей его портрет.

Портрет остался неоконченным, этот факт отражен в названии романа. Но, понятно, смысл названия куда шире. Неоконченной, исторически незавершенной оказалась сама деятельность Рузвельта, позитивные, прогрессивные тенденции его внешней политики.

Следуя своему замыслу, А. Чаковский особо выделяет в последних днях президента заботу, связанную с составлением послания И. В. Сталину — ответа на письмо, в котором Западу адресовались сдержанные, но достаточно определенные упреки в вероломстве. Здесь тоже налицо реальная основа для изображения того, сколь прочно владели героем романа мысли о России: послание советскому руководителю, касающееся «бернского инцидента», выражающее надежду на продолжение союзнического доверия, явилось одним из самых последних документов Рузвельта.

Говоря об особенностях прозы, посвященной международной теме, А. Чаковский заметил (в связи с «Победой»): «...политический роман — это в первую очередь роман», для него, как и обычно, не-

РАЗУМУ ЕРЖАТЬ ПОБЕДУ»

ЗАМЕТКИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ РОМАНЕ А. ЧАКОВСКОГО

обходимо образное мышление — именно здесь происходит водораздел между художественным произведением и, допустим, историческим исследованием, рассматривающим ту же проблематику. «Неоконченный портрет» еще раз доказывает это справедливое положение. В авторском предисловии есть такое любопытное признание: «Если бы я не боялся впасть в непростительную фамильярность, я бы сказал, что в этой книге изображен «мой Рузвельт». Таким он возник передо мной из протоколов Тегерана и Ялты. Со страниц бесчисленных книг о нем. Со стен его мемориалов — в Хайд-Парке и Уорм-Спрингз. Из бесед с теми, кто его хорошо знал. Из его речей. Таким он смотрит на меня с портретов, в том числе и с последнего, неоконченного...» Читая книгу, действительно не можешь не чувствовать силы авторской увлеченности, искренней симпатии к персонажу. Писатель не сковывает себя рамками исследовательской скрупулезности, самостоятельно трактует ряд моментов биографии президента. Воссоздается своеобразный, яркий характер. Через него в художественном, образном претворении и предстает перед читателями политика, те моменты истории, объективный смысл которых поучителен, актуален для наших дней.

В романе хорошо видно, сколь прочна была преданность Рузвельта капиталистической системе. Как рыба в воде чувствовал он себя в хитросплетениях американской политической жизни, действовал согласно ее законам и традициям. Однако при всем том Рузвельт искренне дорожил поддержкой простых американцев. Он видел, учитывал истинные потребности людей, желающих достойной и мирной жизни.

С таких позиций тридцать второй президент США подходил и к определению внешнеполитического курса.

В острых, живых сценах показывает А. Чаковский, какое недюжинное тактическое искусство проявил Рузвельт, принимая решение об официальном дипломатическом признании СССР, преодолевая яростное сопротивление влиятельных и многоликих противников этого шага. В ряду таких сцен — диалог президента и чиновника из госдепартамента Келли, столкновение двух принципов подхода к мировым событиям. Рузвельту тоже не по душе строй, основанный на коммунистической философии, однако он убежден, что с великой державой, какой является Советская Россия, нельзя говорить языком оскорбительных требований и претензий. Рузвельт решительно отвергает миф о советской угрозе Америке, напротив, в СССР он видит силу, противостоящую милитаристским устремлениям Германии и Японии. Многие меня проклинали, вспоминает президент о тридцатых годах, «за то, что, признав Россию, я заключил союз с дьяволом. Оказалось, что союз был заключен против дьявола...» Рузвельтовская линия явилась выражением коренных, объективных потребностей, что и подтвердила со всею вескостью логика самой Истории.

Существует много свидетельств (и А. Чаковский на них основывается), что советско-американское сотрудничество понималось Рузвельтом как постоянно действующий мировой фактор. В прямой связи с этим возникают в романе мысли о честности в политике, верности взятым обязательствам. Наедине с собой Рузвельт сознает, что Запад отнюдь не всегда следовал таким принципам, что и проволочка с открытием второго фронта, и те же бернские переговоры были звеньями одной стратегической линии, тайно нацеленной против советского союзника. Автор романа стремится передать остроту переживаний президента, томящегося душевным неуютом, противоречием, при котором личная порядочность, искренность добрых желаний нередко вынуждена уступать классово-эгоистическим, конъюнктурным соображениям. Где же выход, в чем состоит надежный способ организации межгосударственных отношений? Ключевыми представляются слова, которые в романе Рузвельт говорит Моргентау, одному из близких своих сотрудников. Осуждая политиканов, считающих, что в соглашениях с СССР «выгода для одного автоматически означает невыгоду для другого», президент формулирует свое кредо: «Я за такие решения, которые выгодны обоим. Разумеется, если это честные решения».

Честность, предполагающая общую выгоду, учет взаимных интересов,— это, по сути, и есть основа мирного сосуществования, делового сотрудничества стран, придерживающихся различных, противоположных идеологий, социальных систем. На этой основе зиждились решения Тегеранской и Ялтинской конференций, к которым то и дело возвращается в своих мыслях герой романа. На этой основе неизменно строил свои отношения с союзниками СССР.

Глубоко укоренились в сознании людей, граждан союзных стран, идеи сотрудничества. И Рузвельт, сочувствуя этим идеям, опирался на них в проведении практического курса, в заботах о будущем.

Рузвельт говорит в романе, доверяя собеседнику свои сокровенные раздумья, свои мечты: «Нельзя ли изменить некоторые стереотипы, которые нам оставила в наследство история? Почему герой — тот, кто выиграл войну, а не тот, кто сумел ее предотвратить? Почему самым веским аргументом в решении спора должны быть меч, штык, пуля или снаряд? Почему не разум и соображения взаимной выгоды? Я, пожалуй, согласился бы остаться президентом на пятый срок, чтобы помочь разуму одержать победу. По крайней мере способствовать этому».

С пониманием относится президент к тому, что Советский Союз, принявший на себя основную тяжесть борьбы с фашизмом, принесший колоссальные жертвы на алтарь победы, озабочен гарантиями своей будущей безопасности. В этом вопросе Рузвельт расходится с Черчиллем. Расходится он с британским премьером и в оценке перспектив освободительных движений. Возможно ли, размышляет в романе президент, что в итоге войны порядок в мире останется неизменным, что попрежнему будут существовать колониальные империи? Допустимо ли такое «после того, как злодей, задумавший превратить весь мир в свою колонию, будет разгромлен? Допустят ли это люди после того, как они сражались за свободу — и в войсках нашей коалиции и в движении Сопротивления?»

Любопытно, как строится эпизод, в котором возникают эти раздумья персонажа. Рузвельт, страстный филателист, разглядывает альбом с марками: мелькают пестрые картинки, названия экзотических стран. Все это — английские колонии... Президент отдыхает, но на душе у него беспокойно: ведь за ласкающим взор почтовым изяществом скрывается действительность, где властвует жесточайшая национальная и социальная несправедливость.

Кстати, филателистические интересы героя романа удачно, остроумно обыграны и в сцене с ретроградом от дипломатии Келли. Рузвельт, предлагая ему познакомиться с русскими марками, как раз и заводит разговор о признании Советов: ведь, не без едкости замечает он, сам Келли утверждает, что почтовые знаки правительства Керенского давно обесценились...

Упоминаю об этих деталях, чтобы еще раз сказать: А. Чаковский озабочен созданием не трактата — характера, отмеченного своеобразными, живыми чертами и свойствами. В романе немало находок в изображении психологического состояния героя, в ассоциативной «стыковке» различных временных пластов, к которым он обращается в своих раздумьях («Путешествие мысли» — так названа одна из глав). Мы ощущаем обаяние Рузвельта, его динамизм, юмор, токи жизнерадостности, которые он излучает в общении с окружающими (хочется отметить, в частности, эпизоды с Приттиманом, камердинером). И ведь это человек, страдающий тяжким физическим недугом, каждодневно, в течение многих лет стойко сопротивляющийся ему. Человек, привыкший держать в напряжении свою волю, побеждать слабость...

Мотив мужества, преодоления очень важен в романе. Борьба Рузвельта с болезнью как бы сливается в читательском восприятии с его трудной, а порой и опасной борьбой против крайней реакции, обрушивавшей на президента потоки злобной брани, клеветы, угроз. Бывало, приходилось разочаровываться в друзьях, не встречать понимания у собственной матери. Впечатляет своим драматизмом, психологической наполненностью эпизод столкновения матери с сыном: она пришла к нему, чтобы отвратить от греховного поступка — признания большевистских безбожников. В ходе разговора матерью использован последний аргумент: не искушай судьбу, достаточно уже того, что есть... «Она осеклась. При зеленоватом свете покрытой абажуром лампы Франклин смотрел на нее как бы из другого мира, без сожаления, но и без злобы.

— Ты хочешь сказать, что, несмотря на всю мою богобоязненность, я и так уже достаточно наказан? — с затаенной усмешкой спросил Рузвельт.— Но это неверно! Мне было послано не наказание, а испытание. Наказывают грешных и неисправимых. Испытания посылают сильным, чтобы проверить их мужество и преданность истине».

Драматизм повествования умело поддерживается и воссозданием особого душевного настроя Рузвельта в его последние дни: время от времени им овладевает предощущение угасания, ухода, тревога, что начатые дела не найдут продолжения...

Надо сказать, встречаются в романе и такие страницы, что написаны ниже общего его уровня, не отмечены выверенностью художественных решений. Так, слишком бегло, без точной внутренней задачи дан экскурс в обстоятельства, относящиеся к началу политической карьеры Рузвельта. Беглая информационность вообще не обошла текст, проникает она подчас, что особенно жаль, и в ход мыслей героя, подменяя обсуждение сложных вопросов готовыми формулами-ответами.

Не всегда романист предлагает наилучшие обоснования, рисуя восприятие Рузвельтом фигур современных ему государственных деятелей. Уязвимые моменты есть в этом смысле в главе «Сон». Она смела по замыслу — рассказывается о сне президента, метафорически представляющем реалии международной политики. В ней выразительно показана пропасть, существующая между Рузвельтом и Трумэном. Однако в других линиях этой главы далеко не во всем удалось совместить метафору и психологию, сообщить иррациональным картинам точный, оправданный публицистический смысл.

Если же иметь в виду роман в целом, то как раз публицистичность и составляет одно из интересных, ярких его качеств — публицистичность острая, открытая, выступающая в содружестве с прочими средствами художественного, романного изображения. «Неоконченный портрет» написан с хорошей тенденциозностью, какой и должна быть отмечена настоящая политическая проза, какой и бывают отмечены романы Александра Чаковского.

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Игра

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

«Где и в какой стране я искал счастливую маленькую площадь, которая должна быть олицетворением земного рая, тишины, нежной прозрачности от закатного солнца? Где — в Костроме, в Париже? В Вене?»

Тогда он вышел из храма и стал спускаться на Резиденцплац, внезапно решив, что перед ним именно та, обетованная площадь,— серело ноябрьское небо над крышами, над кирхой, падал первый, мягкий, ангельски чистый снег, мохнато белил камень площади, сиденья извозчичьих колясок, как в добром девятнадцатом веке, падал на зеленые и красные попоны застоявшихся лошадей, на сплошь забеленные традиционные шляпы извозчиков, озябших, топчущихся меж колясок, точно на площадях старой России, а посреди Резиденцплац снегопад валил на скопление раскрытых зонтиков туристов, столпившихся вокруг гигантской чаши фонтана, из которой в обезумелом ужасе были вытянуты к небу породистые морды бронзовых коней, густо засыпаемые крупными хлопьями. Возле мрачной арки неподалеку от готического храма (с его высотой сводов и гулкой огромностью, где эхом раздавались шаги по каменным плитам) черно стыла наполовину в снегу железная скульптура некоего кардинала. И все на площади было не то и не так.

А он целый день искал по городу и не находил веселую, людную, благословенную площадь, радостно запомнившуюся в первый приезд. Тогда он стоял на тротуаре у каменной балюстрады, ощущая сквозь тонкий пиджак и холодок и тепло апреля, а всюду отливали солнцем витрины магазинчиков, стекла киосков, мимо двигалась пестрая толпа, одетая с праздничной и весенней беспечностью в преддверии лета, а внизу маленькая круглая площадь лежала греческим театром, вся в согретом апрельском покое светоносного дня и еще свежего горного воздуха, в сиреневых тенях платанов — тихая, солнечная, как обещание вечной весны в старом австрийском городе.

«Так, может быть, она приснилась мне? В Вене или Зальцбурге?»

В последний приезд в Вену Крымов сбежал из дворца Пальфи, где проходила встреча московских кинематографистов с австрийскими интеллектуалами, и снова стал упорно искать эту безымянную площадь, а она по-прежнему где-то была за каменной балюстрадой, теплая, окруженная зеленеющими платанами, с пестрыми весенними толпами...

Он так и не нашел ее, а был промозглый февральский день, пасмурный, ветреный. Он в конце концов заблудился и, отыскивая свой отель, попал на «блошиный рынок» (как узнал позднее). Он шел по растаявшему бурому месиву, сыпал мокрый снег, а справа и слева возникали посинелые от холода лица, машины и прилавки; там было хаотично навалено, расставлено что-то невообразимое: стенные гробообразные часы, громоздкие подсвечники времен Франца Иосифа, бронзовые канделябры, лампы, навесные замки разных веков, книги в затерханных кожаных переплетах, старомодные меховые шубы, всевозможные шляпки, прадедовские жилеты, детские стоптанные туфельки, олеографические картинки прошлого столетия, красочные открытки, изображающие среди пышных декоративных сосулек новогоднюю елку в оплывших свечах, кайзеровские солдатские шлемы, многорукие индийские боги, вырезанные из дерева, костяные статуэтки-пепельницы, стоявшие некогда в пышных гостиных, люстры былого величия Австро-Венгрии, потертые юбки, грязные пиджаки, тронутые молью дамские горжетки — от всех этих многообразных и бесполезных вещей на прилавках, от повышенно возбужденной толпы, от плотной толчеи всюду исходил шерстяной запах мокрой одежды, сырого снегопада. Вокруг нестеснительно толкались неопрятные бородатые парни в донельзя заношенных джинсах, громко смеялись, обнимая длинноволосых девиц, хлюпающих лиловыми носиками, пили прямо из бутылок пиво и шумно закусывали сосисками из целлофановых пакетов.

И Крымову бросилась в глаза молодая женщина в короткой заячьей шубке, с бледным, истонченным лицом — она отвела взгляд, когда он неожиданно задержался около ее необычного товара. На подстилке, разложенной у ног, лежали две хохломские ложки, набор русских матрешек и разноцветные мотки шерсти. Крымов с любопытством рассматривал отлакированных влажным снегом матрешек, чужеродных, случайных здесь, на венской толкучке, и тут же подумал, что эта женщина — его соотечественница, уехавшая, по-видимому, в поисках земного рая...

А она не подымала разительно черных на белом лице ресниц, хотя он стоял уже дольше, чем следовало для праздного интереса. Она, должно быть, почувствовала в нем не рыночного ротозея, а человека из дальнего края, которого не хотела бы встретить в такой неприютный, продутый ветром день вот тут, на унижающей толкучке.

— Вы не из России?— наконец решился спросить Крымов, видя вблизи ее усталое красивое лицо, ее заячью, совсем новую шубку, в которой, вероятно, так тепло и кокетливо было ходить в трескучие морозы, а теперь было зябко стоять на ветру, в растоптанной множеством людей снеговой каше.— Простите,— добавил он.— Я заметил хохлому, русских матрешек, поэтому подумал...

Ее изможденное лицо изменилось, порозовело, выгнулись дуги атласных бровей, она вскинула большие, ожигающие печалью глаза и сейчас же опять опустила ресницы, тонкой рукой без перчатки запахнула шубу на горле и ничего не ответила.

— Я ошибся,— проговорил Крымов, извиняясь за созданное им неудобство.— Энтшульдиген зи, битте, мадам.

И выговорив немецкие слова извинения, увидел, как ее рот исказился болью, и она сказала сдержанным грудным голосом:

— Мой муж умер от инфаркта месяц назад. Я без средств.

И Крымов, удивленный звуком ее голоса, ясным, интеллигентным русским произношением, какое, казалось, невозможно было услышать на этом рынке, в суматохе, в перекриках возбужденных пивом и торговлей бородатых парней, спросил:

— Где вы жили — в России, на Украине?

Она торопливо достала сигареты из кармана шубки, а сигарета подрагивала в ее точеных пальцах с облезшим маникюром на ноготках, женщина, спеша, чиркала колесиком зажигалки, никак не могла высечь огонь (должно быть, озябли руки), и Крымов помог ей своей зажигалкой. Она прерывисто вдохнула дым и, кутая воротником шею, сказала:

— Из окон нашей квартиры был виден Тверской бульвар.

И он увидел Тверской бульвар за железной оградой, весь в сугробах, заснеженную крышу МХАТа между деревьями, завьюженные липы под окнами, обжитую, удобную квартиру и ее, эту молодую женщину, выходящую из подъезда в вечерние огни бульвара, и даже увидел, как она на остановке, садясь в троллейбус с замороженными стеклами, расстегивала заиндевелый замочек сумки, чтобы достать проездной билетик. И вообразив это, он остановил взгляд на мотках шерсти, мокрых от растаявшего снега (эти намокшие мотки особенно выказывали непоправимое несчастье), и, понимая безнадежность жалости и сострадания, сказал небрежно:

— Я хочу купить у вас матрешку. Сколько она стоит?

— Я не продам,— ответила она вполголоса, опуская глаза.

— Почему?

— Я знаю: у советских туристов нет лишних денег,— проговорила она, и ее нетерпеливость, с какой она курила, снова напомнила ему Москву, зимний вечер, съезд и тесноту машин у Дома кино на Васильевской улице, чью-то очередную премьеру — в просторном фойе хорошо одетые женщины курили в креслах, смеялись, говорили о последнем фильме Феллини, о бракоразводном процессе Элизабет Тейлор, об ужасно затянутой картине Антониони...

— Я через два часа улетаю в Москву,— сказал он и безмятежно вынул бумажник.— Деньги мне уже не нужны. А матрешка чудесная. У меня сто шиллингов. Этого хватит?

Она взяла деньги, и в ночной глубине ее расширенных глаз скользнуло тихое необратимое отчаяние, отчего у него сжалось сердце.

В отеле, собирая чемодан, он долго вертел в руках эту купленную на «блошином рынке» матрешку и, не изменяя прочному военному и послевоенному суеверию не брать вещей по несчастью, оставил ее в номере (как сувенир) на постельной тумбочке вместе с последними тридцатью шиллингами прислуге...

«Но как и чем неудачные мои поиски счастливой площади и та молодая женщина касались меня и Ольги? Возможностью радости и возможностью несчастья? А Джон Гричмар? А Молочков? А отец Ирины? Нет, не хочу о них думать, я непереносимо устал».

Крымов потер виски, стараясь массажем успокоить непроходившую головную боль, а ему надо было сейчас во что бы то ни стало расслабиться, снять напряжение, как он иногда делал после тяжелейших репетиций и съемок: погонять машину по кольцевой, въезжая на незнакомые проселки, останавливаться, выходить, дыша лесным и полевым воздухом, прогретым ветерком, снимавшим усталость.

Да, да, Гричмар...

«„Когда я просыпался в третьем ряду, то понимал, что твой фильм гениален". „Когда я просыпался, то понимал..." Кому я сказал такую фразу? Именно Джону Гричмару по поводу его картины. И что же? Да он и не обиделся, он рассмеялся. Формалистическая скучища, напичканная Фрейдом. Однако в фильме была сцена поразительная — отец и дочь встречаются в тайном ночном клубе в разных компаниях, дочь не видит отца, и отец наблюдает из полутьмы за ее добровольным стриптизом, потрясенно узнавая, стыдясь, страдая, готовый сойти с ума... Что мне лезет в голову? Опять Молочков? Сидел всегда, как замерший в ожидании кузнечик, на диване, сама преданность, влюбленность — зачем, зачем ему четыре тысячи? На дачу? Воздух для Сони? Какое имеет значение — на дачу или в сундук. Как душно, нечем дышать было на

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—15.

Новая архитектура столицы ГДР * Учитель и ученик — Франк Венгхефер и Хаген Михулиц — на занятиях в техническом училище при Берлинском трансформаторном заводе.

VOLKSKAMMER

шоссе. Сейчас направо поворот — и лес. Все пройдет, все забудется в лесу по дороге на дачу. Ни Гричмара, ни Молочкова, ни той женщины на «блошином рынке», ни той счастливой площади в Вене... Каким образом они имеют отношение ко мне и Ольге? Вернулся из-за границы, здоров ли, доволен ли, но обласкан Западом... Так ли? Хочу забыть, не хочу помнить многое. «Когда я просыпался, то понимал...» Она замучила меня, эта фраза. Ее надо забыть. И Джон Гричмар тоже забыт с его ошеломляющей сценой в фильме, и Париж с его пляс Пигаль, и отель с коктейлями в баре. И Балабанов с багровеющим лицом, и неподкупный Пескарев с его костылями, и те работники студии в коридорах со своим жалким злорадством. Да не они жалки, а я сам и то, что было прошлой ночью... Только одно было тогда страшным — холод Ольги и мое одиночество. Но куда я мчусь и зачем? Куда свернуть? Где лес?»

Жгучее пекло на шоссе, скользящий блеск, удары мушек в стекло, накаленный ветер, вонь размягшего асфальта, выхлопных газов — бесконечная кольцевая вроде бы сразу и навсегда кончилась, едва машина свернула в лес, на узкую, испещренную пятнами солнца дорогу, где мягко подуло в окна прохладой и нижние ветви елей освежающими веерами замахали над ветровым стеклом, обдавая то светом, то тенью.

«Все кончено, все позади и кончено. Моя машина — моя крепость, мое убежище и прибежище, прибежище от всех бед,— подумал с иронией Крымов, силясь наслаждаться прохладой, лесным воздухом, и тут вспомнил фразу любимого Толстого из дневников девятисотого года — прекрасную фразу надежды: «Если буду жив. Живу и пишу. Как будто несколько бодрее себя чувствую».— Да, бодрее, бодрее. Все великолепно. Все чудесно. Все отлично. Если буду жив...»

И не понимая, что с ним происходит, Крымов почувствовал, как подступают, горячо душат его слезы, жаркой пеленой застилают глаза; он стиснул зубы и неумело заплакал от смертной усталости, от тоски, глотая рыдания, опуская голову, как будто кто мог услышать, увидеть его в машине, его слабость, которую он ненавидел в других и которую так сладостно, отчаянно и горько познал сейчас.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Это было огромное, напоминающее спортивный зал помещение со стеклянными звуконепроницаемыми стенами — посередине чудовищным сооружением темнела металлическая гильотина, сверкая косым острием поднятого топора, с выемкой ложа внизу, куда обреченный должен был положить голову, перед тем как освобожденный бритва-топор упадет на подставленную шею, разрубая позвонки...

Он уже предчувствовал огненный ожог боли, свой последний немой крик с закрытым ртом и видел собственное обезглавленное тело, кровь, мертвую голову, крутящуюся в корзине. И от этого последнего, неумолимого, что предстояло ему, окатывало ужасом и леденели волосы на затылке, подкатывала тошнота.

Какие-то тени проступали в камере, одна стена которой была подобна широкой двери в сторону стеклянного помещения, на этих тенях жестко скрипели ремни, а безликие лица были учтивы, добры, изъявляли законную расположенность к нему перед уходящими минутами его жизни. Они, тени, что-то ненадоедливо делали по углам, ждали несуетливо. Кто-то спросил спокойным белым голосом, желает ли он выкурить сигарету, и он весь встрепенулся, окончательно сознавая, что вот оно, прощальное удовольствие на земле, что ему (ведь еще в детстве читал и знал про это!) разрешают исполнить желание приговоренного к казни. Он понимал всю бессмысленность того, что ему предлагали, понимал — все, что должен сделать или не сделать, ничто не имело значения — и сказал тупо, еле шевеля коснеющим языком: «Да». Ему подали зажженную сигарету, приторно-терпкий дым одурманил его, и мгновенно закружилась голова. Стеклянный зал, стены, темное сооружение с косым топором вверху, приготовленным для него орудием смерти, поплыли в белесом тумане, и слабость облила липкой испариной. Он тяжело одурел, едва не потерял сознание, опершись грудью и руками на какой-то стол, вокруг которого двигалось и кружилось смутное, белое. И в этом белом не исчезали, присутствовали безмолвные тени, одна из них неощутимо вынула из его рта сигарету, вкус и запах табака исчезли, стало легче, белое рассеивалось в камере, и опять ласковая тень вкрадчиво спросила его, не желает ли он стакан красного вина, и если желает, то пить следует медленно, иначе не будет удовольствия... Испытав тяжелый дурман сигареты, он хотел отказаться от стакана вина («Почему стакан, а не бокал?»), но в одурении сигаретным дымом был ядовито-приторный порочный привкус наркотика, этот наркотический привкус мог быть и у красного вина, которое не было любимо им в другой, свободной жизни. Но глоток теплой красной жидкости из стакана, незаметно поднесенного, вложенного в его руки неотступной тенью, влился в горло вяжущей густотой и имел цвет человеческой крови, он поморщился, почувствовав ее солоноватый вкус и вместе хмельную приятность когда-то испробованного во Франции сухого красного вина.

«Чьей силой я подчиняюсь, чьей силой я соглашаюсь с ними? И почему на тенях ремни?.. Кто меня заставляет? Меня никто не насилует, не упрашивает. Ведь все не имеет смысла, через несколько минут меня не станет».

Странно было и то, что он не ответил отказом, возмущением, криком, когда бесплотный голос нежно спросил его, желает ли он увидеть женщину, и тотчас возникла в камере тонкая, сильная фигура женщины. Она вошла вся в прозрачном, волнисто покачивая бедрами, а когда приблизилась той же покачивающейся спутанной походкой, сквозь бесстыдное одеяние молодо, доступно и грешно обозначились крупные литые груди с коричневыми сосками, изгиб стана, живот, стройные ноги.

«Бессмысленно»,— толкалось в его сознании, и хотелось забиться в угол, вдавиться в стену, отрицая и проклиная работу сознания, которое как бы ясно воспринимало происходившее в камере и одновременно веско и безнаказанно повторяло: «Бессмысленно все, что не повторится завтра. Бессмысленно все, что завтра не будет чувствоваться тобой. Надежда — в творении. Нет надежды — смерть. Смерть почти все существующее делает бессмысленным. Смысл остался один: перешагнуть туда через боль, отчаяние...» «А там будет смысл или не будет? О, если бы там был смысл! Смысл — это жизнь, вернее, не исчезновение навечно. Существование в другой форме — телесной или бестелесной, существование духа, только бы не пропасть, не исчезнуть бесследно, не превратиться в ничто. А почему, господи? Почему я боюсь исчезнуть навсегда? Может быть, в этом и есть великая закономерность — исчезнуть, раствориться, то есть не чувствовать после исчезновения ничего? Жизнь — ощущения жизни. И, значит, желания. Пустота, когда их нет. Смерть — темнота, провал, нескончаемый полет куда-то. Если бы было так — ощущение бесконечного плавного полета в темноту. Но это жизнь, жизнь. Быть пылинкой в мироздании. Стать пылинкой... Я верю и не верю. Больше — не верю. Что чувствовала она в последние минуты? Подумала ли она обо мне, как я подумал о ней сейчас? Нет, это не любовь, это было что-то другое. Значит, я жалею и помню ее до сих пор. Разве все случилось со мной из-за нее? И — гильотина? И кто меня осудил на казнь? Я совершил преступление? Только в одном, как я помню: мне нужно было повернуть руль вправо, чуть-чуть вправо, к обочине, а я повернул его влево... Почему руль не был послушен мне? И почему в голове мелькнули фразы, сказанные кем-то во сне: «И ничего — и ни единого шага. И ничего — и ни единого смысла»? Я хотел поиграть с судьбой?.. И какими прекрасными показались эти чужие фразы, обещающие отдых, покой, блаженство вечерней тишины. Фразы, произнесенные кем-то в тот момент, когда навстречу неслось грохочущее, дымящее»...

«И это со мной было?»

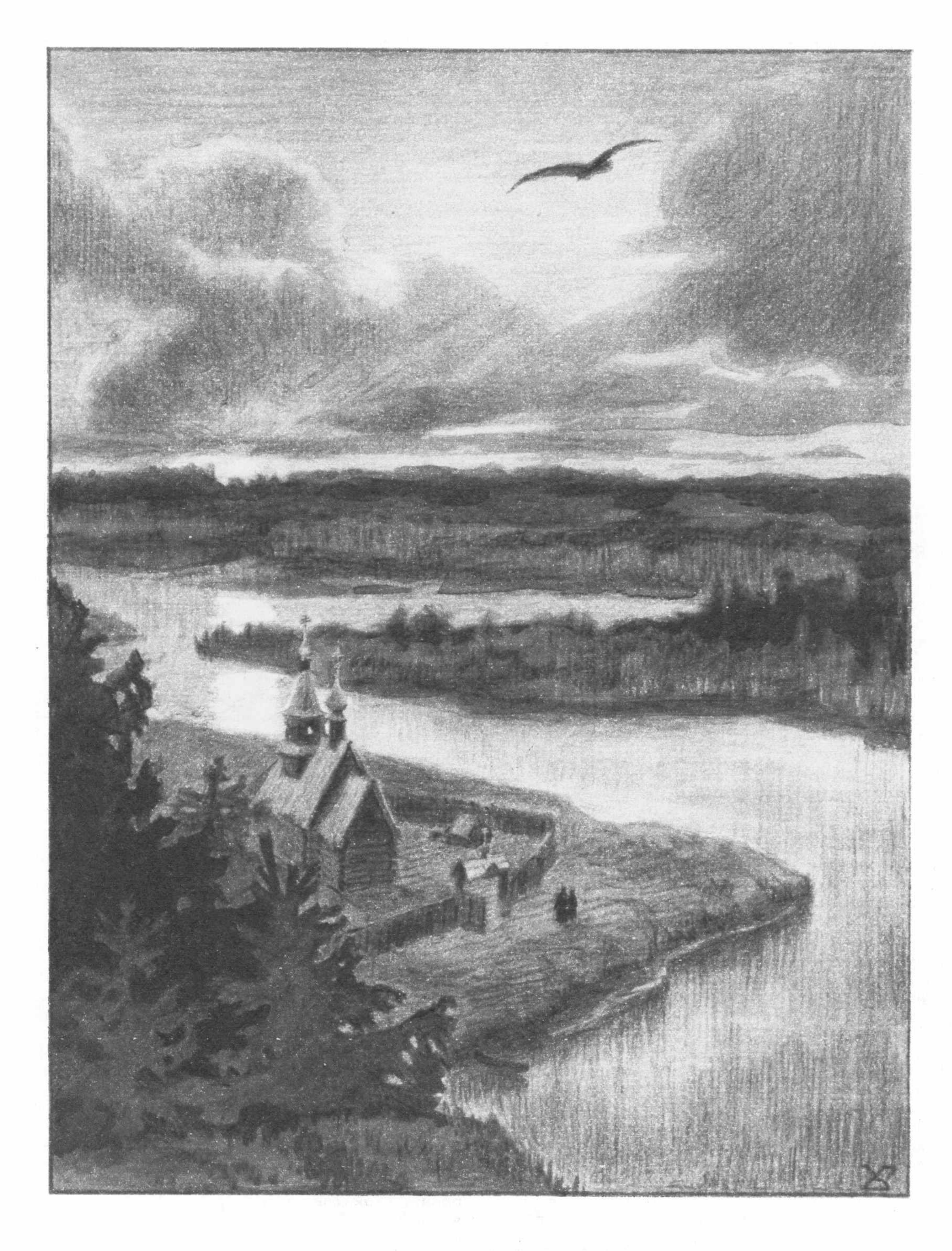
Прошлой ночью он проснулся от беспричинного страха и, задыхаясь, лежал в поту, в оцепенении, а страх заполнял холодом его всего, сбивал дыхание спешащими ударами сердца, сдавливал тоской, отпускал на миг и вновь разрастался беспричинный ужас перед чем-то последним, роковым... И он, мотая головой на подушке, ожидал и уже торопил крайнюю секунду, когда разорвется сердце и прекратится все, но сердце не разрывалось, не останавливалось, и мука пытающими зубьями, колючками льда вонзалась в него. «Скорее бы кончалась ночь, я не вынесу этого»,— говорил он себе, глядя в темноту комнаты, в ту сторону, где должны быть окна, и вдруг явственно почувствовал, что дом уходит, опускается, скользит под землю, в раздвигающуюся бездну, и чернота с хрустом смыкается над ним многометровой толщей, сгущается, стискивает, давит на крышу, на стены, на двери («Вот так, вот так ушли недавно под землю два отеля в Калифорнии!»),— и в этом всасывающем падении, в душной подземельной тьме невозможно было позвать на помощь по телефону с оборванными проводами, в то время как он знал, что неотвратимое наступило, пришло, настал срок, что в закупоренной темноте провалившегося дома сейчас все кончится и он не успеет найти, спасти ни жену, ни дочь, которые были где-то здесь, в соседних комнатах. И, напрягаясь, он крикнул, позвал их, но из груди выполз жалкий сип: «Оля... Таня...»

«Это конец, конец,— думал он, наполовину вынырнув из кошмара.— Я осознаю свою гибель, прощаюсь с самим собой, с женой, с дочерью и представляю, какие муки испытывали заживо погребенные, приходя в сознание среди непробиваемой тьмы с запахом гробовых досок и могильной сырости... Что испытал Гоголь с его воображением там, под землей, труп которого при вскрытии могилы был найден, как говорят, перевернутым? Он сошел с ума? Я тоже схожу с ума, потому что теперь не сомневаюсь: все, все, что делал, что любил, исчезнет вместе со мной. Там, может быть, ложь — спасение? Да, самая правдивая правда становится бессмысленной, если исчезнет ложь, кем-то внушенная человеку о непрерывности его жизни. И мы все подчинены спасительной лжи. Это великий обман, чудодейственный обман о бесконечности дней на земле и бесконечности удовольствия жить, что выше всех правд, ибо держит нас в надежде делать что-то... Может быть, правда живет под защитной крышей лжи? Неужели она только жилец, постоялец, снимающий комнату в доме великой лжи, которая от рождения внушает всем нам: может быть, ты и не умрешь... по крайней мере с тобой это случится гораздо позже, чем с другими, а может, и не случится?..— продолжал думать он, радуясь в полусне этому оправданию человеческих деяний и страданий.— Самая чистая правда не имеет никакого значения перед великим обманом, которого хотят сами люди. Не было бы той лжи — и не увидел бы я ни застывших в небе верхушек берез, ни той царственной звезды, как было вчера. Значит, жизнь — спектакль, сценарий, в котором действуют, двигаются, чего-то желают герои, не думая, не желая думать о том, что неизбежно задернется занавес. И я должен видеть этих героев, чтобы понять свой спектакль в душе. Игра? О чем я? Имею ли я право так думать? Да, значит, и меня делает иногда в меру счастливым, в меру довольным не победимая никем ложь о бесконечности моей жизни?.. Я нарушаю что-то, я переступаю запретную грань, за которой тайна тайн вечности и тайна непостижимого человеческого бытия... Страх перед смертью исчезнет, когда будет найден и осознан смысл жизни. Но думают ли об этом люди всерьез? И знаю ли я этот смысл?.. Но куда мы проваливаемся? В какую пропасть летит наш дом?»

И Крымов очнулся в тумане сна, приподнялся на постели, с мгновенным облегчением слыша скрипящее трезвое тиканье будильника,— в кабинете светлел воздух, и, казалось, во всем мире стояла тишина летней ночи, прохлада вливалась в открытое окно, омывая ему потную грудь. На ощупь зажег в изголовье дивана свет, ударивший в глаза изобильной яркостью, и тотчас выключил его.

Еще во власти сна, он до последнего слова вспомнил вчерашний разговор с Ольгой в ее комнате, этюд, прислоненный к стене, струистый след звезды в вечерней воде, увиденный им с моста и на ее пейзаже. «Какое удивительное совпадение! Мы одновременно увидели одну и ту же звезду. Какая же связь между этой звездой и кошмарным сном? Между звездой и ложью... Да что там доискиваться какой-то мистической связи! Я обманул в чем-то и Ольгу и Таню, любя их без памяти. Но так ли? А можно ли было иначе? Грешен, жалок во всем!»

Спасенный советскими солдатами шедевр Дрезденской галереи.

И Крымов то зажигал свет, тщетно принимаясь читать, то снова гасил, тер грудь, глотал воздух, подставляя лицо ветерку из окна, где в саду перед рассветом было немо, безразлично, пустынно. Шершавый холод знобил, сжимал его тоской, задыхалось сердце в предчувствии, что сейчас в мире произойдет нечто глобальное, страшное — столкнется Земля с гигантским астероидом, остановится в черноте Вселенной; и чудилось, что в эту минуту умер кто-то из близких, случилось несчастье с детьми,— и тогда он садился в постели, сидел, глядя на раздернутые занавески, за которыми еще была ночь, равнодушная, медленная, не помогающая ему ничем, и молил ночь, чтобы она скорее кончилась, иначе он сойдет с ума от одиночества, необъяснимого страха, от предчувствия беды.

В соседней комнате спала Ольга, и надо было сделать усилие, перестать думать о том, что мучило его, не давало ответов, заставить себя найти меру спокойствия и войти к ней, лечь рядом, поцеловать ее, сонную, едва отвечающую своей стеснительной ровной нежностью.

«Ты знаешь, в моем возрасте глупо говорить это, но я люблю тебя, как и двадцать лет назад»,— начал он повторять пришедшую в голову фразу, которую должен был сказать ей, но точно бы пошлостью обволакивалась заранее эта непроизнесенная фраза, и он отбросил ее, понимая, что пришло чужое, не его, что после таких слов он не сможет взглянуть в ее тихо упрекающие бархатные глаза.

И вспомнилось: вчера у нее было такое выражение глаз, будто она ждала какого-то слова, ждала некоего примирения, хотя не было между ними той размолвки, что нуждалась бы в мире. Ольга не была создана для семейных ссор и не выказывала самолюбивого желания победы над ним. Она и вчера не словами упрекнула его, а незавершенной улыбкой, и от этого было еще тяжелее думать о ее безгрешности, о своей вине перед ней.

«Оля, что бы ни было, ты не должна не верить мне»,— нашел он наконец слова и, вновь отбрасывая эту оправдательную фразу, не зная, что делать с собой в бессонном одиночестве, нерешительно вошел в ее комнату, постоял в сероватой темноте возле Ольгиной постели и осторожно лег с краю, пересохшими губами коснулся ее оголенного плеча, показавшегося очень теплым, детским, незащищенным.

— Оля,— сказал он беззвучно,— прости меня...

— Я не понимаю, зачем ты меня разбудил,— сказала вдруг она, не поворачиваясь, четким голосом, поразившим его раздражением и холодностью.— Я не спала ночь. Я только заснула. Господи,— прошептала она с мольбой,— зачем я вышла за тебя замуж? Мне нужен был обыкновенный человек... Что же нам делать теперь, Вячеслав? Разойтись?

— Я бы мог тебя освободить, Оля, если б не любил,— проговорил он хрипло.— Поступай как лучше.

— Умоляю, уйди, пожалуйста. Я не вынесу...

В кабинете он упал на диван и, чтобы хоть немного успокоиться, потянул с тумбочки дневники Толстого, но текст не воспринимался им, был черным, каменным в недвижном свете ночной лампы. Он не сумел прочитать ни строчки, смотрел на ослепительную страницу и неизвестно почему ждал телефонного звонка, оповещающего о несчастье,— внезапного запредельного сигнала. Но весь дом молчал, вне времени, одномерно и трезво постукивали часы, ни одного звука не доходило из комнаты Ольги. Мертвый, безлунный сон витал над миром, и дальняя неясная мысль говорила тихонько, что он должен обязательно заснуть — в этом спасение. И думая, что вот-вот наступит предел и освобождение из тисков бесконечной ночи, он, лежа на спине, начинал массировать грудь, глубоко дышать, считая до ста, потом гасил свет, закрывал глаза — и тут из тьмы на мохнатых лапах подходил к постели беспричинный страх, все тело напрягалось, и необоримая тоска безысходности гнала его встать, одеться и сию минуту бежать по аллеям поселка куда глаза глядят, бежать на край земли... Но это было бы уже безумием.

В ту ночь он понял, что одинок до конца дней своих и никто помочь ему не сможет.

«Откуда эти голоса? И почему-то я слышу их так явно, так близко, что различаю нерусский акцент? Кто говорил с таким резким знакомым акцентом? Это мой друг... его имя вертится у меня в голове, но не могу вспомнить...»

— Надо думать уже о земле, думать, думать как бешеным...

«О земле? А о человеке? Что земля без человека? Для чего она? Для кого она?»

— Смотреть на огонь, на воду, на землю в миллиард раз интересней, чем на экран и в телевизор. Как это сказать? Жизнь подменяют игрушкой, нет... игрой в жизнь. Весь мир играет в дешевую красоту. Дураки и самоубийцы. Там у меня в мастерской... то есть в кабинете только воробьи и все другие хорошие птицы в окна чирикают. Летом в три часа спать нельзя — концерт. И птиц погубят. В музее будем смотреть на воробья. Как на птеродактиля.

«Какая горечь, какая тоска, какая злость в его словах!»

— Сейчас родится человек с нечеловеческой диспозицией. Без интеллекта. Человек-машина второго сорта. Он играет с деньгами и вещами, а сердце летит та-ак...

«Что значит «та-ак»? Кажется, тут был смысл вот какой — сердце не было в согласии с этой диспозицией. Люди поддались всеобщим соблазнам и перестали жить в согласии с собой».

— Дети, дети... Может быть, они идут по спинам отцов.

«Кто? Нет, не просто дети. Дети человечества? Дети всего мира? Что ж, в этом вечная и страшная правда...»

— Человек не виноват в том, где он родился и как он родился... Пока есть лицо, речь, руки — это симфония. Плохая, но музыка. Американцы хотят видеть человечество в операционном зале. Кричат о моральном превосходстве над остальными, а сами страшные хирурги... мечтают превратить в дураков весь мир. Американцы — это проклятие Европы, а когда они уйдут, европейцы договорятся. Сейчас много людей с международными глазами («Международными глазами... Что значит это?»).

— Мы плохому учимся у вас, вы плохому учитесь у нас. У нас и у вас от этого будут сначала зубы болеть. Мы будем кричать от боли. Голова не должна закрутиться, а потом открутиться. Нет времени думать. Мы все убийцы и самоубийцы. С завязанными глазами убиваем друг друга. И себя. Вскрываем вены себе, а думаем, что убиваем соседа. Глупцы с надутой грудью. Достоевский говорил: красивое, как это... красота будет спасать мир. Не так. Женщины спасут, если он не взорвется в восемьдесят восьмом году. Женщины, верные земле, как собаки. Мужчины предали землю, изнасиловали ее цивилизацией. Женщины сделают то, чего не ожидают сами. Им надоели безмозглые мужчины-политики, которые придумали войну и эмансипацию.

Женщины не ангелы... Если бы женщины были ангелами, то мы бы их не захотели. Женщины — просто женщины. Они продолжают человечество...

Где происходил этот разговор? Да, да, они сидели перед очередным просмотром в фойе кинозала, слегка хмельные от выпитого виски, и умные свиные глазки Гричмара светились устало, грустно.

«Оля не спасла меня, хотя я не политик, а она не просто женщина... Но когда и где все было — в каком веке, в каком мире? Я стал забывать... Кажется, пятьдесят седьмой год, под Москвой? Она рвала стручки на ветке акации, легкая юбка подымалась, обнажая ее полные колени, непорочное утолщение бедер, и это сводило меня с ума... Она была единственной женщиной, которая тянула меня к себе до беспамятства своей прохладной нежностью, напоминающей свежие апрельские вечера с прелестью тихого сиреневого воздуха...»

«Может быть, эта боль — возвращение к самому себе? Спасение в том, чтобы вернуться назад, очиститься? Да ведь позади пустота, ничего не было — ни войны, ни любви, ни фильмов, ничего не было. Неужели я вернулся к тем святым и чистым минутам своего рождения на свет, когда еще ничего постыдного не было?.. Неправда, главное было. Моему рождению предшествовала любовь отца и матери. Неужели я вернулся к тому началу, к той любви, которой обязан всем, к своему благословенному детству? А что было потом в моей молодости?

Война, риск, награды и вместе постоянная мысль о том, чтобы выжить, а иногда в гибельные минуты мерзкое желание, чтобы легко ранило в руку или в ногу, и мечта попасть в госпиталь, отлежаться, отдышаться в тылу хотя бы полмесяца... А я считался чуть ли не самым храбрым лейтенантом в разведке. Мне было двадцать лет. Зачем я прострелил ему руку? Жалость? Хотел избавиться от него? От его страха? Чего я хотел всю жизнь? Удовлетворения честолюбия, хотел любви, хвалы людей, их восторга, их слез? Как ничтожно, как непростительно... Невозможно многое вспомнить без стыда, без отвращения к самому себе. И что была моя жизнь — дурман или естественное состояние? Иначе я ее прожить не мог. И редко кто возвращается к детской чистоте. Если бы можно было... Что со мной случилось? Сколько мне лет? Гораздо больше пятидесяти... В то же время и двадцать, и сорок... И все-таки это я лежу на том столе в стерильно-белом окружении кафеля... Но что они делают со мной? И почему я плыву в воздухе над белизной стола и вижу себя сверху, и непонятно, для чего же она наклонилась надо мной, молоденькая медсестра, я вижу ее молодой лоб, ресницы, и она касается губами моих губ. Для чего она делает мне искусственное дыхание? А я уже не хочу возвращаться... где-то ждет меня, зовет и обещает покойное, радостное, как ясный весенний вечер, как золотистый закат на вершинах берез... и благостная растворенность во всем. Я плыву по воздуху к этой закатной тишине, к этому покою, и нет боли, и нет той непереносимой тоски. И я хорошо вижу Ольгу; она в каком-то бедном сереньком костюме сидит в коридоре, ожидая последнего, что должно случиться со мной, и неслышно плачет. Значит, она любила меня и еще любит?.. И любимая моя дочь, моя радость, Таня уткнулась ей в плечо и вся замерла, а капельки слез катятся из ее глаз. Почему-то Валентина нет с ними. И добрый мой друг Стишов стоит у окна, заложив руки за спину, и кривится, и кусает губу. Милые мои, не надо этого! Я не могу вам сказать ничего. Не могу прикоснуться к вам, успокоить. Но у меня уже нет желания жить...»

И в эту секунду ему представилось, что они с Ольгой пообедали в маленьком, совсем пустом, почти без официантов ресторане, где на безлюдных столах лежали накрахмаленные толстые салфетки и пугающие, огромные карты-меню, и одни вышли на воздух немыслимо крошечного городка. Солнце было перед закатом, грустно золотило каменные стены узеньких, чисто выметенных из конца в конец пустынных улиц, и ему почудилось, что северный русский городок этот не на земле, а в царстве светлой печали, вечного молчания, а когда подошли к парапету в конце улочки, где тоже не было ни живой души, внизу открылась долина, и глубоко в долине текла река, уходила в красноватый туман на горизонте, извиваясь, блестя вдали, как на краю света в ущелье, как перед обрывом во врата рая, а там над невидимыми вратами стояло низкое солнце, туманными брызгами серебрилось в воде, и всюду была легкая тишина, желтизна осени, дул мягкий, бесшумный осенний ветер... Потом одиноко прошла баржа по розовой воде без единого звука, без волны, казалось, без людей, без команды и растаяла на краю света призрачной тенью.

И тогда ему подумалось, что все мы не бессмертны, и он сказал Ольге шутливо:

— Я не хочу, чтобы ты пережила меня. Тебе будет плохо. Мы должны вместе.

— Я тоже не хочу после... Я ведь люблю тебя, дурака моего ужасного...

Он вспомнил об этом в тот миг, когда ровный широкий поток высокого воздуха, пахнущего прелой листвой, винной сыростью осенних лесов, плавно вынес его над ущельем, над вратами рая, где прощально, успокоительно светило солнце в предвечерней воде северной реки и где впереди лежал в сиреневой безграничности безымянный океан, манящий теплом, покоем, благостью, обещанием вечного душевного спокойствия.

Потом он увидел песок, сахарно-белый, насквозь прогретый, в котором по щиколотку блаженно утопали босые ноги, увидел себя одного-единственного на берегу океана, упорно шагающего в бесконечность. Скоро он услышал волнообразную, неземную музыку, она воздушным пареньем текла из девственно зеленеющего тропического леса, счастливо рождаясь где-то в глубинных чащах, затем увидел на изумрудной траве солнечные полосы меж гигантских деревьев, и доплыл чей-то ласковый спрашивающий голос, не имеющий звуковой плоти:

«Кто ты? Как ты оказался здесь? Как твое имя?»

И он хотел упасть на колени, ответить, что потерял надежду, разочаровался в людях и, разочаровавшись, переступил, нарушил что-то, подобно своему другу Джону Гричмару, возненавидевшему человечество за его ложную цивилизацию, однако не Гричмар, а он был неискупимо виноват и попытался вспомнить и назвать собственное имя. Но только вспомнил, что пришел сюда из далекой страны синего неба, тонких голубых теней на мартовских сугробах, испещренных капелью, куда вдруг потянуло вернуться от этой жемчужной беспредельности океана, где вокруг было мертво, неподвижно, вернуться назад, в оставленную страну синевы и весенней капели, со страстным желанием опять увидеть, испытать, ощутить все то земное, что приносило нестерпимую боль, называемую на том языке болью жизни. А тот же ласковый голос без звуковой плоти стал убеждать и внушать ему, что он совершает путь возвращения к самому себе, к первоначальной чистоте, что он такой, как многие, жившие на земле, что он часть целого и теперь не имеет значения, заблуждался он или не заблуждался, ибо царство добра знает предел, проявление зла не знает предела.

«Да куда же я иду? Какая неземная печаль в этом пустынном блаженстве!.. Опять бы туда, назад, к той боли, к Ольге с ее тихими глазами, к смешливой моей Тане, к Балабанову, к Молочкову, ко всем грешным и в общем-то несчастным, туда, туда, к ним! Да как же твое имя? Кто ты? Вспомни! Как ты оказался здесь?»

Но вспомнить свое имя он уже не смог, как не смог почувствовать навсегда ушедшую боль и в последние секунды понять, почему возникли среди летней травы на бугре распахнутые ворота древнего каменного монастыря, залитого полуденным солнцем, виденного им когда-то на Севере, и почему представилась высокая монашка вся в черном, траурном, мучительно знакомая родным взглядом бархатных глаз, с белым платом на черной шапочке, с красивым, мокрым от слез лицом, которая шла ему навстречу в сопровождении худого и изможденного протопопа Аввакума, в смертельной тоске прижимая к груди молитвенно сложенные руки.

1981—1984.

СУДЬБА И ТАЛАНТ

Вот уже много лет на сценах советских и зарубежных театров, на телевизионных экранах с успехом идет пьеса Павла Павловского «Элегия». Это своеобразный диалог, в основе которого лежат письма, дневники и воспоминания великого русского писателя И. С. Тургенева и знаменитой актрисы М. Г. Савиной. Беззаветная преданность искусству, радости и горечь творчества — вот главная основа отношений этих двух таких непохожих людей и одновременно основа всей пьесы. Не будь этой главенствующей темы, пьеса легко могла бы превратиться в заурядную мелодраму.

Издательство «Советский писатель» выпустило книгу П. Павловского под названием «Элегия», в которую включены его три пьесы: «Элегия», «Наедине с судьбой» (о Людвиге ван Бетховене) и «Подайте мне мое королевство!» с подзаголовком «Жизнь и смерть Веры Комиссаржевской».

Признаюсь, когда я раскрыла эту книгу, меня поначалу одолевали сомнения. Если пьеса находит сценическое воплощение, то невольно соавторами драматурга становятся и режиссер, и актеры, в меру своего таланта дополняя ее, углубляя, а порой и заполняя пробелы, допущенные писателем. А вот когда остаешься наедине с текстом...

Однако сомнения мои оказались напрасны. Пьесы П. Павловского читаются с интересом и волнением. Книга его воспринимается как единое целое, хотя каждая из пьес посвящена героям, чьи судьбы и характеры ни в малой мере не походят друг на друга. Но все три пьесы объединяет единство темы — жизнь художника в искусстве и та великая ответственность, которую накладывает на творца его талант.

Тургенев, уже в самом начале литературного пути подвергшийся опале за бессмертные «Записки охотника», Бетховен, всю жизнь стремившийся к независимости и пытавшийся вырваться из-под опеки «высоких» особ, Комиссаржевская, оказавшаяся не ко двору на подмостках Императорского театра и вынужденная, терпя материальные лишения, организовать свой театр, чтобы получить возможность сказать новое слово на сцене...

В пьесах П. Павловский отталкивается от реальной биографии героев, смело использует документы, вводя их в речь действующих лиц, что придает достоверность характерам и помогает воссоздать действие во времени, но при этом не впадает в иллюстративность и компилятивность, а создает произведения художественные. Перед нами живые люди с их страстями и невзгодами, взлетами и отчаянием.

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ

П. Павловский. Элегия. М., «Советский писатель», 1984.

«ТЕАТР ФРОНТОВЫХ НОВЕЛЛ»

Вот уже двадцать один год при столичном Измайловском парке культуры и отдыха существует Клуб ветеранов Великой Отечественной войны. Его создателем, а лучше сказать, его душой был ветеран войны, заслуженный работник культуры РСФСР Серафим Иванович Китаев. А первым председателем клуба стал Герой Советского Союза вице-адмирал Георгий Никитич Холостяков. Это необычный клуб. Его участники — известные писатели и поэты, композиторы и артисты, среди них были и Ю. Левитан, С. Кац, Е. Жарковский... В программах клуба принимали участие такие замечательные исполнители, как В. Бунчиков, Н. Рубан, И. Букреев. Непременный участник всех программ — вокальный октет ветеранов ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова.

Клуб был задуман для того, чтобы языком искусства рассказывать об участниках войны, их жизни и подвиге. Так и родился «Театр фронтовых новелл», из которых мы узнали о многих героях минувшей войны: о летчике Сергее Колыбине, разведчике Игоре Миклашевском, морском офицере Катюше Деминой и многих, многих других...

Немало разных новелл написал Китаев. Он автор сценариев и режиссер больших театрализованных праздников «Судьбы солдатские», «Сталинградская битва», «Мы — советский народ» и других.

Свыше трехсот работ принадлежит перу Серафима Ивановича. Принадлежали... Неутомимый пропагандист военно-патриотической темы, яркий сценарист и режиссер, Серафим Иванович Китаев ушел из жизни, не дожив до 40-летия Победы. Но живы его дела. Живет и действует его Клуб ветеранов, который, я надеюсь, еще долго будет напоминать о легендарных людях и событиях давно минувших дней...

Ион МЕЛЬНИК,
композитор, музыкальный руководитель Клуба ветеранов войны

Из публицистическ

«Огонек» продолжает печатать материалы к 80-летию со дня рождения М. А. ШОЛОХОВА.

М. А. Шолохов. Начало 1930-х гг.
Фото М. Наппельбаума. (Публикация Л. М. Наппельбаума.)

Публикуемые ниже очерки Михаила Шолохова неизвестны широкому читателю, ибо они, появившись в местной периодической печати в самом начале 30-х годов, с тех пор ни разу не переиздавались.

Очерк «Бригадир Грачев» был опублинован в день 14-летия Великой Октябрьской социалистической революции на страницах вешенской районной газеты «Большевистский Дон» (1931, № 134, 7 ноября, с. 4). Посвященный периоду коллективизации, он является одним из «спутников» романа «Поднятая целина». И потому заслуживает самого пристального внимания не только сам по себе, но и в связи с историей создания второго широкомасштабного шолоховского полотна, в связи с зарождением и становлением его замысла.

Для автора портретно-биографического очерка тракторист Семен Акимович Грачев — один из тех настоящих героев эпохи, которым принадлежит будущее. Поэтому-то Шолохов и решил рассказать о нем в очередную годовщину нашей революции. По-крестьянски перенеся на машину любовное отношение к домашним животным (у машины, оказывается, тоже есть «сердце», правда, «стальное», и она также «коротким отдыхом пользовалась»), Грачев до конца предан своему делу.

К судьбе С. А. Грачева автор обратится еще раз спустя два года...

Второй из публикуемых очерков — «Об одном выезде на место» — был написан Шолоховым в соавторстве с П. Поликарповым и помещен в ростовской областной (тогда краевой) газете «Молот» (1932, № 3312, 11 июля, с. 3) под общей «шапкой» — «Из чего складывается работа по-новому в профсоюзах? Крайномы профсоюзов продолжают оперировать большими числами, тысячами рабочих». Остронритический очерк дан в окружении близких по теме материалов: писем читателей, корреспонденций, сатирических миниатюр и рисунков. Специальная страница газеты получилась на редкость содержательной и боевой.

Авторы очерка выводят на чистую воду тех, кто подлинную работу подменяет «заседательской суетней», кому важно только «создать сдвиг», кто «на пути от одного заседания к другому» забывает о «живом человеке», о его повседневных нуждах.

Героем очерка «Об одном трактористе», опубликованного на страницах «Молота» (1933, № 3726, 7 ноября, с. 3) под рубрикой «Люди колхозов», выступает уже знакомый нам по первому очерку Семен Акимович Грачев. Показательно, что в день 16-й годовщины Великого Октября Шолохов снова обратился к образу тракториста, в котором увидел принципиально новое, что делало труженика Леснянской МТС ярким выразителем своего времени.

Известно, что на вопрос об отношении к публицистике Шолохов любил отвечать перефразированными строками Н. А. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но публицистом быть обязан». К своему долгу писатель-гражданин относился со всей ответственностью: работал над устными и печатными выступлениями по проблемам литературной, общественно-политической и хозяйственно-экономической жизни не менее требовательно, тщательно и горячо, чем над художественными произведениями. Это подтверждается шолоховской публицистикой военных и послевоенных лет, давно уже ставшей хрестоматийной, и его публицистикой 30-х годов, которая, к сожалению, еще не вся собрана воедино. А между тем сделанное Шолоховым во время создания первой книги «Поднятой целины» и заключительных частей «Тихого Дона» чрезвычайно интересно и многогранно: оно проливает дополнительный свет на творческую историю этих произведений, на некоторые особенности их идейного содержания, раскрывает отдельные черты шолоховской личности, важные факты биографии писателя, еще раз свидетельствует об удивительной цельности творческого пути классика советской литературы.

БРИГАДИР ГРАЧЕВ

В прошлом году в мае трактора Базковской МТС пахали под пар землю Меркуловского колхоза. Пахота шла день и ночь.

Сменялись трактористы, коротким отдыхом пользовалась машина, заряжаясь горючим или смазочным материалом, а потом опять тракторист заставлял напряженно стучать стальное сердце мотора и трактор шел над бороздой, волоча за собой разлапистую махину четырехкорпусного плуга.

Водителем одного из тракторов был Семен Акимович Грачев, меркуловский уроженец, только в 30-м году окончивший курсы трактористов при МТС и получивший почетное право водить трактор.

Однажды он, всю ночь просидев за рулем, и уже утром, когда рассвело, вел трактор, внимательно запахивая огрехи.

За огрехи меркуловцы будут ругаться, и часть вины за недоброкачественную пахоту ляжет и на Грачева.

А Грачев был ведь не только трактористом, но и колхозником. Вдруг мотор заработал напряженней: трактор **с усилием тянул зарывшиеся лемехи плуга, нарвавшись на кусок крепкой солончаковой земли.**

Грачев был не только хорошим трактористом и колхозником, но и человеком с высоким уровнем осознания стоящих перед ним задач.

Можно было бы остановить трактор и пустить плуг мельче, чтобы избавить трактор от непосильного напряжения.

Но, кроме простоя, при остановке будет и трата горючего.

И Грачев решил «подмелить» на ходу. Он встал с сиденья, ступил на раму, подкрутил регулятор, трактор заработал облегченней... И вот в этот-то момент Грачев, оскользнувшись, попал ногой под раму.

Со страшной силой его потянуло вниз. Он упал под подвигающиеся лезвия лемехов.

Никем не управляемый трактор размеренно шел вперед, и с каждой секундой смерть приближалась к его водителю. Дождевой плащ, теплый сюртук, бывшие на Грачеве, низко осевшая рама, задирая и корежа, завернула ему на голову, а потом всей своей сорокапятипудовой тяжестью давнула Грачева.

Он крикнул от страшной боли и вдруг почувствовал, как на него, поднимаясь от земли, лезет белый, ослепительно блестящий лемех.

Разрезая одежду, вонзаясь в тело Грачева, лемех резал-давил ему ребра.

Ехавший сзади Грачева тракторист увидел, что товарища на сиденье нет, и понял, что с ним несчастье.

Он подбежал, остановил трактор Грачева, докричался первому трактористу, уехавшему далеко вперед.

Вдвоем, спасая товарища, невероятными усилиями они приподняли одну сторону плуга, и Грачев сам выполз из-под рамы и встал на ноги, хватаясь за бок.

Он было прошел несколько шагов, но обессилел, лег на землю, а из раны в боку хватанула черная кровь.

У Грачева оказались переломленными два ребра и надколото третье. Отвезли его в больницу, пролежал он там девять дней, а на десятый выписался. А через некоторое время уже пошел на работу.

Сейчас Грачев — бригадир. Задание в 2260 га зяби его бригадой будет выполнено. Залогом этому — внимательное, любовное отношение к машине со стороны Грачева, спайка трактористов, работающих под его руководством, уверенность в победе.

Грачев понял и крепко решил, что к старому, к единоличному нет возврата так же, как нет возврата от трактора к быку.

Три пары быков, работая сейчас от зари до темноты, поднимут один гектар под зябь, трактор в состоянии поднять в десять раз больше.

Грачеву эта арифметика известна больше, чем кому-либо другому. А завтра, когда гиганты промышленности дадут сельскому хозяйству нашей страны десятки тысяч новых тракторов, узнают это и те колхозники, которые все еще оглядываются на прошлое и думают, что возврат к единоличному хозяйствованию был бы выгоден.

Грачевых — этих подлинных героев нашего времени — миллионы. **Будущее принадлежит им.**

1931

ОБ ОДНОМ ВЫЕЗДЕ НА МЕСТО

В залах крайкома союза машиностроения пустота. 15 ответственных работников союза вплоть до инженера-экономиста и члена президиума сейчас на заводах в крае. 8 прикреплены к предприятиям в Ростове. Живая связь с местами... Но качество этой связи?

Только что вернулся из Таганрога пред<ставитель> ИТС союза тов. Ферапонтов. Он пробыл там — на заводах «Красный котельщик», «Красный гидропресс» и некоторых других — с 10 июня по 5 июля. Уезжал тов. Ферапонтов, нагруженный такими заданиями крайкома союза:

1) «Провернуть» работу по займу; 2) организовать смотр-проверку, как выполняются шесть условий тов. Сталина; 3) организовать проверку колдоговоров; 4) провести смотр использования ИТР; 5) протолкнуть выполнение заказа на цепи Галля на таганрогских заводах; 6) на одном из заводов устранить «неувязку» с иностранными специалистами; 7) особое поручение: поставить работу с националами на «Красном гидропрессе».

И все это в 25 дней! Поверишь тов. Ферапонтову, что он «колесом крутился» по Таганрогу. С заседания на заседание. Трех заседаний потребовала увязка цепей Галля. Три заседания в завкоме — организация смотра, заседания насчет ИТР, националов... Помахивая в воздухе номером «Красного гидропресса», где напечатан внушительный план смотра-самопроверки, тов. Ферапонтов с гордостью рассказывает, скольких трудов стоило выработать этот план:

— По пяткам ходил за завкомщиками. Сам темник писал, инструкции...

...Вполне понятно, что за заседательской суетней некогда было разглядеть тов. Ферапонтову живого человека. Какие лучшие хозрасчетные бригады, какие лучшие бригадиры на «Красном гидропрессе»?

— Сейчас не припомню,— говорит тов. Ферапонтов,— в литейном цехе есть даже премированные.

— Чьи бригады? Фамилии бригадиров?

— Не припомню.

Нет. Проходил по цехам, беседовал с отдельными рабочими, некоторых даже самолично агитировал насчет займа... А план календарный, план смотра выполнен полностью — все заседания, которые в нем обозначены, состоялись, за исключением одного только: общезаводской конференции. Конференция, назначенная на 23 июня, не состоялась: пришло только 100 рабочих, пришлось свернуть конференцию в совещание.

Тревожный этот сигнал, из которого много нужно было бы сделать выводов, тов. Ферапонтов объясняет двумя причинами: 1) день конференции был выбран неудачно: накануне выходного дня; 2) за час до конференции рабочие получили 300 талонов на мануфактуру, реализовать их надо было в тот же день — пропадали иначе талоны.

Мануфактурой этой, казалось, представитель крайкома союза заинтересуется поближе: правильно ли были распределены талоны и что это за такой порядок, что рабочий, получив талон, сломя голову должен бежать в магазин, иначе «пропадет талон». Но не за тем же приехал тов. Ферапонтов в Таганрог из крайкома союза, чтобы следить за судьбой каких-то талонов: у него задачи более высокого масштаба — организовать смотры, мобилизовать рабочую общественность, **создать сдвиг...**

— Сдвиг создан,— говорит тов. Ферапонтов, рассказывая о печальной истории кролиководства на заводе. Кролики на «Красном гидропрессе» есть, но нет клеток для них, потому что нет леса... Много ли надо леса для кроличьих клеток? И неужели на самом даже «Красном гидропрессе» не нашлось бы, ежели поискать, десятка-другого досок для клеток? Но это ли задача представителя краевого комитета профсоюза?— Искать по заводским закоулкам доски для кроличьих клеток. Его задача была — «создать сдвиг» в этом вопросе. И — сдвиг создан,— торжественно говорит тов. Ферапонтов.— Вопрос поставлен на повестку дня. Мероприятия прорабатываются.

...А лесу, между прочим, и когда уезжал тов. Ферапонтов из Таганрога, не было, нет и до сих пор. Вопрос все еще твердо стоит на повестке дня. Низовые профработники, следуя примеру краевых своих товарищей, занимаются тоже тем, что «создают сдвиг».

«Сдвиг создан», по уверению тов. Ферапонтова, и в вопросе о питании рабочих «Красного гидропресса». Питание здесь находится в руках Коопита — и питание отвратительное. На завтрак, например, два огурца. Огурцами этими тов. Ферапонтов занялся так, между прочим, на пути от одного заседания к другому, и, определяя состояние этого вопроса теперь, он употребляет ту же магическую формулу:

— Сдвиг создан. Тов. Ферапонтов дал добрый совет заводским организациям: создайте цех общественного питания,— дал этот ценный совет и уехал. Но, уезжая, тов. Ферапонтов видел те же два огурца на завтрак.

...Обращались ли рабочие с жалобами, с заявлениями к представителю крайкома союза? Да, одна жалоба была: рабочий, имея 6-й разряд, работал по 4-му и получал по четвертому. Тов. Ферапонтов, переговорив с завкомом и администрацией, быстро восстановил грубо нарушенные права рабочего. Но это и все. Никто больше не приходил к представителю союза, а между тем в тех же вопросах зарплаты на «Красном гидропрессе» особенно часты случаи грубейшего нарушения тарифной системы.

Есть на заводе клуб; что ставится в клубе, посещают ли его рабочие, этого не знает представитель крайкома союза, некогда было ему зайти в клуб... В цехах — это да, это верно, красных уголков до сих пор нет... Но дальше, дальше, на часах уже без десяти пять, в пять на заседание — и вскользь бросает тов. Ферапонтов взгляд на хозрасчетные бригады. Их на «Красном гидропрессе» «по номиналу» 50, а раньше было тоже по номиналу 75, а сколько же не по номиналу? Все, что успел заметить тов. Ферапонтов, это то, что ИТР не руководит бригадами, нет шефства, хромает внутризаводское планирование, неурядица в зарплате... Но останавливаться на этом подробно было некогда — погоняй извозчик! — на заседание опоздаю...

О единственном, правда, заседании можно вспомнить с теплым чувством: это то заседание, которое устроил тов. Ферапонтов у прокурора вместе с горснабом по поводу ложек. Было это так:

— Пришел тов. Ферапонтов позавтракать в столовую ИТР на заводе «Красный гидропресс». Подали на первое суп, на второе компот в солидных блюдах. А ложки? Нет ложек. Посмотрел тов. Ферапонтов на соседа — тот уже привычный, ухватил обеими руками блюдо и прямо через край хлебает и суп и компот.

— Шумиху большую устроил,— рассказывает тов. Ферапонтов,— уезжал — были и ложки и тарелки.

* * *

Крайком союза машиностроения — один из передовых. У руководителей союза много хорошей инициативы. Они первые в крае организовывали вечера старых кадровиков «за чашкой чая» в клубе машиностроения, устраивали конкурсы на лучшего токаря, делали смотры станков, крайком союза машиностроения привлек добровольцев — старых кадровиков для проверки исполнения своих решений, крайком близко принимает к сердцу жизнь хозрасчетных бригад, помогает им практически перестраиваться, крайком организовал курсы в Геленджике для переквалификации низовых профработников, крайком знает своих лучших групоргов, премирует их, бережет их... Но до станка, до живого человека у станка, труден путь союза.

1932

ОБ ОДНОМ ТРАКТОРИСТЕ

Я знаю тракториста Грачева, Леснянской МТС. Он полюбил по-своему, по-крестьянски тракторное дело. Его поразило: за осень до революции он вспахивал на быках 13—15 га, а сейчас трактором за одни сутки. Он принес в тракторный парк свою крестьянскую заботливость, любовь к машине так же, как любовь к лошади.

Была ночь. Шли тракторы по полю, поднимая чернозем. Трактор Грачева попал на солонцы, машина стала замедлять ход. Было тяжело. Она с перебоями стала дышать, словно уставший конь. Остановить машину нельзя, ибо каждая минута промедления задерживает темпы пахоты. Грачев не стерпел, спрыгнул, чтобы замедлить машину на ходу. Нечаянно поскользнулся и попал под трактор.

Кричать — никто не услышит. 4 лемеха вонзились в тело тракториста. Случайно ехавший впереди водитель оглянулся назад — Грачева нет. Грачев был спасен и отправлен в больницу.

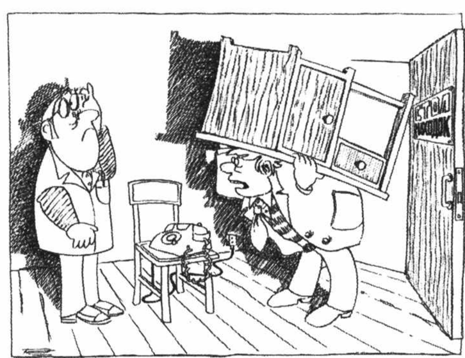
Но недолго он пролежал там. Через месяц он выписался, и на вопрос, почему он не закончил лечение, последовал ответ — у нас началась молотьба, надо ехать домой, там ждет работа!

Так кровью своей оросил Грачев советскую землю и на всю жизнь связался с землей, с социалистической собственностью.

1933

Вступительная статья и публикация текстов сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, кандидата филологических наук Петра БЕКЕДИНА.
Ленинград.

— Не ваш?

Рисунок К. Рыбалко

Без слов.

Учитель на рыбалке:
— Иди обратно и приведи родителей...

Рисунки В. Тамаева

ЮМОРЕСКА

ОТКУДА БЕРУТСЯ НАЧАЛЬНИКИ

Как быстро растет мой сынок! Кажется, совсем недавно еще приставал с вопросом: «Откуда берутся дети?» — а ныне подходит с невинным лицом и тихонько спрашивает:

— Скажи, пожалуйста, папа, откуда берутся начальники?

Будь он постарше, я бы рассказал... Месяц назад мы проводили на пенсию начальника нашей лаборатории. Как водится, стали гадать: кто же будет вместо него?

— Скорее всего Лампов,— говорил наш физик-теоретик.— Умница! А это весьма кстати, ибо нет ничего худшего в живой природе, чем начальник без головы...

— Вы не учитываете фактор знания,— возражал ему физик-экспериментатор.— Начальник, не знающий своего дела, как соловей без песни! А кто у нас самый знающий? Сементяев!

— Лампов и по характеру вписывается,— не сдавался физик-теоретик.— Не слишком суров, от таких мигом разбегаются подчиненные (и не такой уж мягкий, чтобы садились на голову).

Мнения разделились.

— У Сементяева опыт! — говорили одни.

— Лампов инициативней! — доказывали другие.— Он и физически здоровее...

— При чем тут здоровье?

— А при том, что оно у современного начальника должно быть, как у космонавта: надо периодически выдерживать различные перегрузки, а также хорошо переносить невесомость в присутствии начальства.

По инициативе женского персонала лаборатории вдруг стали обсуждать наряду с деловыми качествами и внешность претендентов. Одна сотрудница так прямо и заявила:

— Я всецело за Лампова, поскольку он симпатичнее этого Сементяева, не говоря уж про то, что моложе: в лаборатории большинство женщин, и с этим тоже надо считаться!

В конце концов физик-теоретик вывел эмпирическую формулу, где начальник был обозначен как интеграл, имеющий пределы от нуля до бесконечности. Сперва он Лампова проинтегрировал, потом подставил в формулу данные Сементяева, наконец объявил результат:

— Лампов на порядок выше, но и Сементяев — величина! Так что любой из них вполне достоин быть начальником лаборатории...

— В таком случае пусть решит эксперимент,— сказал физик-экспериментатор. И предложил подбросить монетку: выпадет орел — Сементяеву быть начальником, а если решка...

Но тут прибежал кто-то сверху:

— У нас уже есть начальник! Только что подписан приказ.

— Лампов?

— Сементяев?

— Некий Мамочкин. Прислали со стороны...

— Откуда берутся начальники? — переспросил я сына.— Бог весть! Хочешь — верь, хочешь — нет, а к нам в лабораторию этот самый принес... Аист!

С. КОМИССАРЕНКО

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Народная артистка СССР Н. Бессмертнова в роли Риты в спектакле ГАБТа СССР «Золотой век». (См. в номере материал «Успех».)

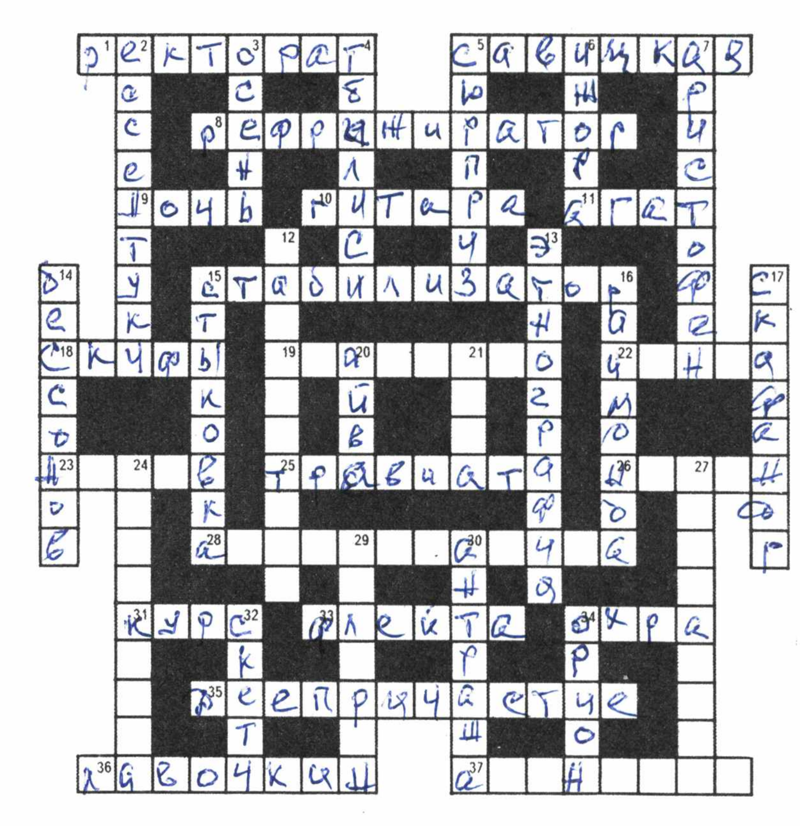
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Из иллюстраций, помещенных в книге Ан. А. Громыко «Маски и скульптура Тропической Африки». 1. Маска для обряда инициации. Заир, бакуба. Дерево. Собрание В. И. Коровикова * 2. Маска. Верхняя Вольта, моси. Дерево. Собрание А. А. Шведова * 3. Маска. Габон, бапуну. Дерево. Собрание Ан. А. Громыко * 4. Фигурка-фетиш. Конго, баконго. Дерево. Ленинград, Музей антропологии и этнографии * 5. Человек в облачении Матома — духа тайного общества Поро. Сьерра-Леоне * 6. Шлемовидная маска. Нигерия, игала. Дерево. Лагос, Национальный музей * 7. Фигура предка. Габон, бакота. Дерево. Стокгольм, Этнографический музей * 8. Танцевальная маска. Нигерия, ибибио. Дерево. Собрание В. И. Коровикова. (См. в номере материал «Таинственный и величественный мир».)

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Административно-учебное управление вуза. 5. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 8. Транспортное средство с холодильной установкой. 9. Романс А. Г. Рубинштейна на стихи А. С. Пушкина. 10. Струнный инструмент. 11. Разновидность халцедона. 15. Часть горизонтального оперения самолета. 18. Стихотворение А. А. Блока. 19. Советский академик, один из основателей морской микробиологии. 22. Приток Сены. 23. Советский детский писатель. 25. Опера Дж. Верди. 26. Ученый-механик, академик, Герой Социалистического Труда. 28. Раздел науки о движении материальных тел. 31. Направление движения самолета, корабля. 33. Духовой музыкальный инструмент. 34. Минеральная краска. 35. Форма глагола. 36. Авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда. 37. Русский композитор, пианист, дирижер.

По вертикали: 2. Курорт в Ставропольском крае. 3. Время года. 4. Столица союзной советской республики. 5. Неожиданный подарок. 6. Приток Невы. 7. Древнегреческий поэт-комедиограф. 12. Жанр изобразительного искусства, графики. 13. Народоведение. 14. Персонаж романа Ю. В. Бондарева «Горячий снег». 15. Сближение и соединение космических кораблей. 16. Балет А. К. Глазунова. 17. Герметическое снаряжение космонавта, водолаза. 20. Южное плодовое дерево. 21. Музыкальный интервал. 24. Взаиморасположение составных частей и связь их. 27. Поэма Т. Г. Шевченко. 29. Озеро в Швеции. 30. Прыжок в балете. 32. Короткая эстрадная пьеса. 34. Экваториальное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 5. «Здоровье». 6. Брусника. 9. Каховский. 10. Пирит. 12. Ананд. 13. Кадриль. 14. «Полтава». 15. Отблеск. 16. «Салют». 18. Суппорт. 19. Глухарь. 23. Кварц. 24. Бригада. 26. «Паровоз». 27. Кружево. 28. Холст. 30. Ямбол. 32. Испытание. 33. Роговица. 34. Аномалия.

По вертикали: 1. «Помни». 2. Овчарка. 3. Мурильо. 4. Милон. 5. Захидова. 7. Атанасов. 8. Свирель. 11. Транспарант. 12. Амбулатория. 16. Сурик. 17. Телец. 20. Турбобур. 21. Манжета. 22. Геология. 25. Акустик. 26. Починок. 29. Семга. 31. Мерль.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 25.03.85. Подписано к печати 10.04.85. А 04560. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 858. Заказ № 375.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

У с п е х

Каков запах вьюги, как звучит старый, брошенный дом? Попробуйте определить цвет звезд... А ведь все это бесконечно знакомо, как убегающий акварельный размыв радуги, или лунная дорожка на лоне спящей реки, или как высверк молнии.

Истинное искусство (хотя оно с нами рядом) так же трудно раскрыть. Ибо еще в древности говорили: «Назвать — значит ограничить».

Творения поэтов, композиторов, художников — бескрайни в своей первичной непредсказуемости. Сим отличается мера таланта от банальности и стертых истин.

Однако значит ли, что не надо пытаться рассказывать о симфонии, картине или балете?

Отнюдь нет... Надо! Ибо в рождении шедевра любого из видов искусств заложен секрет сочетания страшного труда, детского счастья, восторга удивления.

Понять это крайне полезно. Не ради любопытства, хотя подобное чувство далеко не вредно. А ради придания благородной работы душе. Тогда многие, многие люди поймут и в какой-то мере прикоснутся к загадочному и ясному, колдовскому и простому в своей бездонной сложности миру прекрасного.

Это стоит усилий, если хочешь сам стать лучше, добрее, сердечно богаче. Но тут надо попытаться понять, как создаются шедевры. Вспомните, как у Михаила Булгакова в «Театральном романе»: перед писателем вдруг возникает фантастическое видение, как бы коробочка, в которой горит свой особый мерцающий свет, движутся фигурки, звучит музыка, слышен говор... В комнате тихо. На столе чистый лист бумаги... Свершается таинство возникновения пьесы. Материализуется мечта.

Так живописец, стоя у мольберта и держа в руках палитру и кисти, наносит на девственно нетронутый холст первый штрих будущей картины. Происходит зачатие творения искусства.

Представьте мастера, перед которым не белый лист бумаги, не чистый холст, а образ пустой огромной сцены, на которой должны начать танцевать, двигаться множество людей. Любить и ненавидеть. Бороться и побеждать... Начать жить в мире театра, сцены, музыки, красок, вдохновенной пластики... Кудесник, способный возродить из небытия подобное,— хореограф. Это он, движимый талантом и мастерством, звуками любимой им музыки, должен вдохнуть жизнь, особое, высчитанное им до самых тонких нюансов сценическое решение нового балета и заставить нас ощутить, поверить в торжество света, любви, во всепобедность прекрасного. Такова благородная, тяжкая, безмерно трудная, но благодатная роль балетмейстера-художника, способного отдать всего себя святому желанию приобщить тысячи и тысячи зрителей к так необходимому всегда людям чувству полета, чарующего танца.

Балетмейстер. Он должен знать и понимать очень много. Музыку, драматургию, живопись, скульптуру, поэзию, историю. Уметь держать в памяти до самых мелочей тысячи задуманных им движений, которые должны все слиться, сойтись в единую, ритмически найденную им хореографическую ткань. Одним из самых удивительных качеств большого хореографа является умение передать десяткам танцовщиков, актерам все им задуманное. Заставить вместе с дирижером, сценографом воплотить все это в совершенную пластическую форму невиданного доселе балетного спектакля. А самое главное — балетмейстер обязан, как, впрочем, и всякий большой художник, чувствовать всеми фибрами души свое время. Его пульс, ритм...

Их, истинных Мастеров создания балетов, в истории театра немного, но их феноменальное искусство отражать жизнь языком танца поражает.

...Юрий Григорович. Главный балетмейстер Большого театра, на сцене которого ныне идет множество балетов, поставленных им. Он открыл новую страницу в славной летописи отечественной хореографии. Его новации признал и оценил мир.

«Каменный цветок», «Легенда о любви», «Спартак», «Ангара», «Иван Грозный», «Ромео и Джульетта», «Щелкунчик», «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Золотой век», «Раймонда» — это вехи в истории Большого театра, еще более укрепившие и подтвердившие его всесветную славу.

Много великолепных имен молодых балерин и танцовщиков зазвучали в этих постановках. Но самое кардинальное было то, что Юрий Николаевич Григорович открыл новую красоту в искусстве танца. Терпкой, до предела жизненной, насыщенной драматургией живут его творения. В них, как в магическом кристалле, звучит само время. Это спектакли XX века. В них классика русского классического балета как бы обрела второе дыхание. Григорович нашел новые краски, новую пластику, новые сценические коллизии в своих постановках.

...Тишина.

За зашторенными окнами чуть слышно ворчание города. Необъятный письменный стол. Под массивным стеклом портреты Баха, Игоря Стравинского... Рядом со старинными часами бюст Рихарда Вагнера. Два рояля стоят, тесно прижавшись, рядом.

Вдруг молчание нарушает мелодичный бой часов. И минутой позже откуда-то из другой комнаты им вторит голос других часов... Время становится осязаемым.

Рабочий кабинет Дмитрия Шостаковича. Да, здесь, начиная с 1962 года, в доме на улице Неждановой, он творил. Писал музыку.

Ирина Антоновна Шостакович, вдова великого композитора, рассказывает:

— Дмитрий Дмитриевич любил говорить: «Музыку сочиняют не руками, а головой». Он писал сразу партитуру. А позже клавир.

Мгновенно представляешь, какой мир звуков носил в душе мастер, чтобы, перестрадав, выносив в себе эту бездну созвучий, уже начисто выразить это на листе нотной бумаги.

В руках у Ирины Антоновны тяжелая книга в твердом серо-оливковом переплете. Золотом прочерчено: «Шостакович».

— Это один из томов полного собрания сочинений Дмитрия Дмитриевича. Всего их будет сорок два.

Задумайтесь... Само время, бурное, сложное, полное борьбы добра и зла, заключено в этих звучащих томах.

— Я недавно вернулась из поездки в ФРГ, где присутствовала на заключительных днях фестиваля Шостаковича, проходившего там в течение полугода. Мне довелось быть в Дуйсбурге. Сразу поразил праздничный тон встречи. В городе с сотен витрин глядели яркие, остро решенные плакаты, анонсирующие гастроли балета Большого театра. Спектакль «Золотой век». Балет Шостаковича. И что примечательно, на каждом плакате вклейка: «Аншлаг, билеты проданы».

Зал был переполнен. Респектабельная публика премьер. Из многих стран съехались крупнейшие хореографы, балерины.

Уже первые упругие ритмы увертюры заворожили всех. Когда раскрылся занавес, то зрители увидели молодую Россию двадцатых годов. Юность страны. Алые флаги, пунцовые косынки девушек. Стройная, сильная, веселая молодость завладела сценой.

Казалось, будто окно было прорублено в толще времени. Западный зритель впервые увидел «Золотой век».

Слушая овации в Дуйсбурге, беспрерывные вызовы актеров и постановщиков этого феерического спектакля, воссозданного трудом и талантом Юрия Григоровича, Юрия Симонова, Симона Вирсаладзе — великолепнейшего балетмейстера, истинно тонкого дирижера и потрясающего художника, чудесных артистов Натальи Бессмертновой, Ирека Мухамедова, Татьяны Голиковой, Гедиминаса Таранды и всего знаменитого коллектива, можно сказать: балет «Золотой век» пережил новое рождение.

...Где разгадка появления из тьмы памяти выпуклых и почти стереоскопически объемных образов? Возникает премьера «Катерины Измайловой», 1963 год. Театр Станиславского и Немировича-Данченко.

В двух метрах, на ряд впереди, автор музыки — Шостакович.

Не могу забыть его откинутую назад голову, бледное лицо, закрытые глаза, сомкнутые плотно губы и бегущие, бегущие тени неведомых никому ощущений тех тонкостей, которые доступны только создателю музыки. Иногда он распрямлялся и поправлял очки. В этот миг он становился вдруг удивительно похожим на свой мальчишеский портрет, созданный Кустодиевым. Что-то детское, почти беспомощное сквозило в его лице...

1983 год. Верхний репетиционный зал Большого театра. Крутая горка пустых кресельных рядов. Полумрак. Внизу — освещенная, почти безлюдная сцена. У рояля концертмейстер. Рядом дирижер Юрий Симонов. Симон Вирсаладзе. С микрофоном Юрий Григорович. Воздух, кажется, пронизан ритмами и сложными созвучиями балета. «Па, па, па»,— отсчитывает миги Симонов. И в эти неуловимые мгновения на сцене все это вторит балерина Наталия Бессмертнова. Музыка воплощается в пластику. Обретает зрительное осязаемое звучание.

В креслах Ирина Шостакович, Иннокентий Смоктуновский, Нина Дорлиак. Они неотрывно, молча глядят на волховство рождения нового.

Я не знаю, есть ли силовые поля музыки, они еще не изучены, но я чувствовал душой, что в этот день первого прогона первого акта, когда нет ни декораций, ни костюмов, когда все первозданно,— именно в эти трудные часы возникает тяжкая, но тем более желанная непроторенная новь... Простая дощатая сцена, танцовщики и балерина в рабочих одеждах. Начало уже обещало многое... И оно состоялось. И это нельзя было уже забыть никогда. Музыка, танец вошли в твою душу... Это было поистине открытие. Особенно поражали смены массовых сцен, полных огневого движения, с мелодичными паузами; тишина лирических адажио, этих дуэтов любви. Прием контраста характерен для энергичной и умной палитры Юрия Григоровича. В нем будто ренессансный закон контрапосто — столкновения движения форм, ракурсов, настроений.

Апрель, 1985 год. Строгая геометрия репетиционного класса. Пустынный, тусклый, истертый пол. Квадратное лоно невысокого ящика, присыпанного канифолью. Во всю ширь зала зеркало, в котором темными прочерками поблескивают палки вдоль трех стен. И вовсе обыкновенные медицинские весы. Черный молчащий рояль напоминает: здесь царит Терпсихора.

— Давно это было,— вспоминает Марина Тимофеевна Семенова.

Да-да, Марина Семенова... Звезда балета, взошедшая в середине двадцатых годов. Жемчужина в короне Большого театра. Почти тридцать лет не смолкали овации при одном ее появлении. Она владела всем, что дано балерине. Была подлинной королевой танца.

— Да,— задумчиво повторяет Семенова,— поймите — мне семнадцать лет. Ученица мудрой Вагановой, покорная ее заветам, я исповедовала классику. Кругом бурлила жизнь. Это были годы нэпа. Перед глазами во время гастролей Одесса тех дней со всеми ее гримасами быта, дивным морем, чудесным трудовым людом... И вот, когда я сегодня гляжу балет «Золотой век» во всем могуществе его музыки, борьбы света и теней, будто вновь я живу в юности и словно заворожена этой порою надежд, веры и счастья.

Гений композитора Дмитрия Шостаковича, выдающийся талант балетмейстера-постановщика Юрия Григоровича, блистательная палитра художника Симона Вирсаладзе властно заставляют замирать сердце и вспоминать все... Радость открытий, ощущение эпохи. Странный, почти призрачный мир уходящего вчера.

Молодость — это завтра. Лейтмотив спектакля. Его сверхзадача, блестяще решенная труппой Большого. И прежде всего Наталией Бессмертновой и Иреком Мухамедовым, Татьяной Голиковой и Гедиминасом Тарандой.

И все-таки прежде всего — Бессмертнова. Ведь Рита — героиня балета. На ней сходятся и расходятся все нити драматургии «Золотого века». Она возникает, как дива ресторанного ревю, и путь ее к рабочей молодежи сложен, почти кровав... Диапазон таланта балерины сражает. Ведь она прожила десятки веков. Древний Рим Спартака — в роли Фригии; средние века — в «Раймонде». Ренессанс — в «Джульетте» и, наконец, XX век — в «Золотом веке». Всегда ее партии — сама жизнь со всеми нюансами, лирическим проникновением и тем очарованием первичности и чистоты, которая дана лишь истинным большим балеринам. Скажу откровенно: сегодня Наталия Бессмертнова, бесспорно, первая балерина Большого, ей подвластны самые трудные и глубокие психологические решения. Она живет на сцене. Ее лиричность, романтическая приподнятость нисколь не исчезли с годами. Наоборот, ее мастерство стало ослепляюще объемным. Иногда поражаешься, как эта хрупкая танцовщица принимает порою «на себя» всю громаду балета и ведет за собой всю труппу, задает верную тональность. Наташе, как редко кому, присущи такт и чувство меры. Все это результат колоссального труда, подвига балерины.

Я горжусь, что мой опыт и знания тоже вложены в формирование этой исключительной и сильной личности актрисы — женственной и трепетной, чуткой. Поистине это прима мирового класса, которая войдет в историю хореографии как художник яркий, оригинальный, со своим единственным, неповторимым лицом.

У нас в театре сегодня много превосходных балерин высочайшего уровня. Но, повторяю, ныне Наталия Бессмертнова одна из первых.

Западногерманская земля Северный Рейн-Вестфалия, тридцать городов. Сотни тысяч людей посещали Международный фестиваль. Полгода. Вдумайтесь: полгода длился этот грандиозный праздник искусства, посвященный творчеству Дмитрия Шостаковича. Радио, телевидение, пресса освещали это событие.

Середина сентября 1984 года. Программу фестиваля открыла «Праздничная увертюра» в исполнении оркестра Ленинградской филармонии. Этот первый аккорд как бы послужил лейтмотивом события. Таков был широчайший резонанс небывалого по размаху праздника культуры. Более ста произведений композитора были исполнены за дни фестиваля. Состоялись семинары, симпозиумы, выставка «Шостакович и его время».

Возвышенная идея этого события звучит в словах самого Дмитрия Дмитриевича: «Мы твердо верим, что музыка будет выполнять свою благородную миссию объединения людей во имя самых высоких, самых передовых идей нашего времени, и прежде всего идей мира и дружбы».

Как актуальны эти слова сегодня, когда атмосфера Запада отравлена усилиями стратегов конфронтации, раздувающих миф о советской угрозе. Нет, не «Першинги» и крылатые ракеты прислала наша могучая держава,— музыкантов, виртуозов-исполнителей, солистов оперы и балета увидела изумленная публика. Увидела, услыхала и оценила.

Западногерманские газеты, единодушно давая высокую оценку спектаклю «Золотой век», отмечали решающую роль, которую сыграл Ю. Григорович в возвращении музыки Шостаковича на балетную сцену. Газета «Вестдойче альгемайне»: «Потрясающий успех балета Большого театра. Нельзя себе представить более блестящее завершение Дуйсбургского фестиваля Шостаковича. Премьерой «Золотого века» за пределами Советского Союза балет Большого театра попал, можно сказать, в цель. И прежде всего — своим жизнерадостным, захватывающим, блестящим танцем и очень молодым, удивительно легким, элегантным ансамблем».

13 марта в Дюссельдорфе на спектакле «Золотой век» присутствовал посол Советского Союза в ФРГ В. С. Семенов, который поздравил коллектив балета с успехом и выразил удовлетворение участием Большого театра в фестивале, посвященном творчеству выдающегося советского композитора.

А на следующий день участников гастролей принял обер-бургомистр Дюссельдорфа Клаус Бунгерт. Знаменательным было уже начало его речи, обращенной к нашему коллективу:

— Уважаемые дамы и господа! После вчерашнего замечательного вечера в Дюссельдорфском театре я хотел бы всем вам сказать — дорогие друзья...

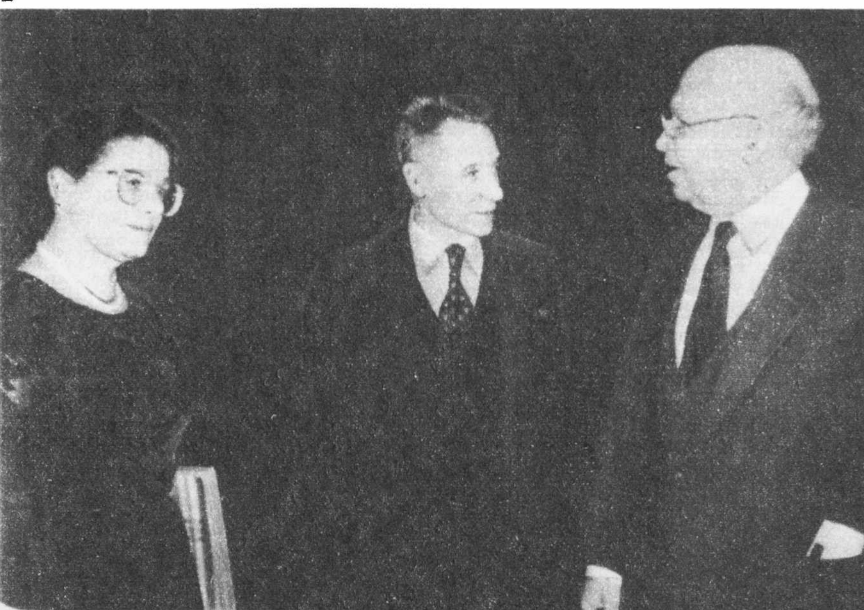
Лев Толстой писал: «Искусство есть одно из средств общения людей между собой».

Успех «Золотого века» в ФРГ подтвердил эту истину.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

1

2

Bolschoi-Theater Moskau

Erstaufführung · Internationales Dmitri Schostakowitsch-Festival Duisburg

DAS GOLDENE ZEITALTER

– Ballett von Dmitri Schostakowitsch –

Theater der Stadt Duisburg: 3., 5., 7. März 1985, 19.30 Uhr

1 Сцена из спектакля.

2 И. А. Шостакович, Ю. Н. Григорович и посол СССР в ФРГ В. С. Семенов после окончания «Золотого века» в Дюссельдорфе.

3 Аплодисменты, цветы, овации...

4 Обер-бургомистр Дуйсбурга Й. Крингс преподносит цветы Н. Бессмертновой.

3

4

1

3

2

4

5

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

6

7

8
